

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА И ДУХОВНОСТИ:
к 75-летию со дня рождения
С.Д. Шаша**

Сборник статей

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2012

УДК 130.122 (082)
ББК 87.21 я 43
Ф 56

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор

А.Н. Сендер

кандидат политических наук, доцент

Е.В. Скакун

Редакционная коллегия:

Г.И. Займист (отв. редактор),

Е.Н. Григорович, А.В. Климович, П.П. Круть, В.А. Степанович

Ф 56   **Философия** разума и духовности: к 75-летию со дня рождения
С.Д. Шаша : сборник статей / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина;
редкол.: Г.И. Займист (отв. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2012. – 211 с.
ISBN 978-985-473-945-8.

В сборнике представлены статьи преподавателей БрГУ имени А.С. Пушкина, отражающие жизнь и творчество профессора Семёна Дмитриевича Шаша, посвященные 75-летию со дня его рождения, а также опубликованные и неопубликованные ранее его стихи и отдельные главы из философско-исторической повести «Элевтерия».

Материалы сборника могут использоваться в учебном и воспитательном процессе, а также представляют интерес для широкого круга читателей.

Ответственность за языковое оформление и содержание материалов издания несут их авторы.

УДК 130.122 (082)

ББК 87.21 я 43

ISBN 978-985-473-945-8

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	4
<i>Степанович В.А., Климович А.В.</i> К 75-летию со дня рождения С.Д. Шаша: краткий биобиблиографический очерк.....	6
<i>Степанович В.А.</i> Педагогический стиль профессора С.Д. Шаша.....	21
<i>Сендер А.Н.</i> Из воспоминаний об Учителе.....	25
<i>Дембовский Ян</i> Профессор Семен Дмитриевич Шаш как философ и учитель.....	26
<i>Королевич Станислава</i> Он был философ и поэт.....	29
<i>Ковальчук Т.А.</i> Заметки о человеческом Человеке.....	39
<i>Крусь П.П.</i> Философия духовности и любви к человеку.....	44
<i>Григорович Е.Н.</i> Истина – цель поиска и личных размышлений	49
<i>Шаш С.Д.</i> Разум и духовность: стихи Homo sapiens, О познании, Атлантида.....	53
<i>Шаш С.Д.</i> Поэтические размышления о смысле жизни.....	65
<i>Шаш С.Д.</i> Поэтический диалог с внуком.....	70
<i>Шаш С.Д.</i> Баллада о князе Игоре.....	81
<i>Шаш С.Д.</i> Отдельные главы из философско-исторической повести «Элевтерия»: Деметрий, Элевтерия.....	85
<i>Кавецкий С.Т.</i> Отчуждение: традиции и современность.....	129
<i>Лепешко Б.М.</i> Философия и сказка. Сказки из камина.....	137
<i>Сведения об авторах</i>	210

Слово к читателю

*У ума, как у
проселочной дороги,
есть своя проторенная колея*
О. Бальзак

Уважаемый читатель!

Данный сборник, посвящен 75-летию со дня рождения Семена Дмитриевича Шаша, в него вошли материалы самых различных литературных жанров: и научные, и эссе, и стихи, и сказки, и даже рисунки юбиляра, призванные отразить творчество и многообразие талантов С.Д. Шаша, как философа профессионала, ученого, преподавателя, как человека открывающего мир, вопрошающего о нем и удивляющегося им.

В размышлениях о творчестве талантливого человека, а таким и был Семен Дмитриевич Шаш, всегда возникает вопрос о неразгаданных, таинственных силах, которые формируют таких людей. В поисках ответа на этот вопрос всегда находим, что такие люди обладают талантливым умом как высочайшей способностью человеческого мышления и понимания; обладают высоким интеллектом, которые и ведут их по миру, по жизни.

В творчестве и деятельности Семена Дмитриевича Шаша, как собственно и представлено в статьях-посвящениях его коллег и учеников в данном сборнике, можно выделить четыре этапа.

Первый этап – это период его становления как философа профессионала, обретение им ученой степени и звания. Научный интерес Семена Дмитриевича сосредоточен на проблеме генезиса античной диалектики. В вышедшей в 1980 г. работе «Генезис античной диалектики (гносеологический аспект)» на основе исследования обширных исторических, этнографических, лингвистических и мифологических источников по-новому в рамках диалектико-материалистического подхода раскрывается внутренняя логика зарождения и развития диалектических идей в древнегреческой натурфилософии.

На втором этапе своего творчества Семен Дмитриевич сосредоточивает свои усилия на проблемах истории философского процесса. Выдвинутая им теория логики историко-философского процесса заняла свое достойное место в познании истории философии. Однако наиболее важным результатом его творчества в этот период является разработка им субстратно-информационной модели этносообщества и человека. Эта одна из малоисследованных проблем соотношения этноса и человека и по сегодняшний день. В 1995 г. издается его работа «Человек и этнос (Философский аспект)», в этом же году Семену Дмитриевичу Шашу присвоено звание профессора.

Важность и значение наследия мыслителей и философов в формировании человека, и особенно в подготовке специалиста, ориентированного на высшие духовные и гуманистические ценности – главная проблема третьего этапа философского творчества С.Д. Шаша. Здесь его волнует, прежде всего, проблема максимизации культурного пространства молодежи, через её приобщение к философскому наследию в процессе обучения, поскольку Семен Дмитриевич считает, что насыщение культурного пространства студенческой молодежи высокими духовными ценностями напрямую связано с её нормативной идентификацией. Высокую духовность наследия философов следует противопоставить, по мнению С.Д. Шаша, доминированию ценностей массовой культуры, унификации духовных потребностей, рекреативному характеру бытия молодежи. В этот период, написанные в соавторстве с коллегами по кафедре философии, были изданы три тома «Истории философии в избранных фрагментах с комментариями» (2002, 2003 и 2004).

Философские и научные поиски С.Д. Шаша на четвертом этапе его творчества связаны с проблемами разума и духовности, смысла жизни и свободы человека. В этот период С.Д. Шаш проявил свои новые творческие способности в области использования художественных жанров выражения своих мыслей и идей. Значимым событием этого периода было написание им философско-исторической повести «Элевтерия» по материалам истории Боспорского царства периода восстания Совмака, в которой в художественной форме реконструируется развитие философии и философского творчества в античной культуре, показывается процесс становления в общественном сознании понимания сущности и реальных пределов личной и общественной свободы, как высшей духовной ценности человека и общества

В сборнике помещены три творческие работы С.Д. Шаша, выполненные в технике рисунка цветными карандашами. По мнению специалиста Макаревич Юлии Михайловны, представленный здесь изобразительный ряд обладает колористическим богатством, разнообразием цветов и тональных отношений, которые оставляют положительное, душевное впечатление от самих рисунков. Сочетание грамотного композиционного решения, соблюдение перспективы, пропорций, законов светотени, выразительность цвета позволяют отметить, что рисунки С.Д. Шаша являются самостоятельными художественными произведениями, отражающими искреннее и особое восприятие им окружающего мира.

Творчество и деятельность свидетельствуют о том, что Семен Дмитриевич Шаш несомненно относится к плеяде выдающихся людей Берестейщины, представителей своего народа.

Г.И. Займист

В.А. Степанович, А.В. Климович

**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕМЁНА ДМИТРИЕВИЧА
ШАША: краткий библиографический очерк**

27 августа 2012 года Семёну Дмитриевичу Шашу исполнилось бы 75 лет. С 1970 года и практически всю оставшуюся жизнь Семён Дмитриевич работал на кафедре философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Для нас, членов этой кафедры, он был замечательным коллегой, другом, собеседником, советчиком.

Семён Дмитриевич родился в крестьянской семье в д. Свищево Каменецкого района Брестской области. Он в полной мере испытал все тяготы и лишения, которые выпали на долю белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления разрушенного войной хозяйства. Очень рано потерял отца, погибшего в первые дни войны. Жизнь потребовала от него рано начать рабочие университеты, а учёбу после 8 классов пришлось продолжить в школе рабочей молодёжи. Работал на железной дороге, затем служил в армии. Он был сыном своего времени, и его судьба в чём-то типична для молодёжи того поколения: после службы в армии Семён Дмитриевич поехал по комсомольской путёвке на строительство Днепропетровского шинного завода.

Работая, Семён Дмитриевич одновременно занимается самообразованием, стремится реализовать свою мечту – получить высшее образование – и реализует её: в 1961 году поступает на заочное обучение философского отделения исторического факультета Белорусском государственном университете. Природные способности, исключительное трудолюбие, целеустремлённость в сочетании с существующими тогда социальными возможностями и гарантиями реализовались Семёном Дмитриевичем наилучшим образом. Сочетая учёбу в университете с работой сначала на рабочих должностях, а затем на педагогической работе в средней школе и профтехучилище, Семён Дмитриевич становится одним из лучших студентов и заканчивает учёбу блестяще: итогом её явился диплом о высшем философском образовании с отличием и предложение продолжить учёбу в аспирантуре при кафедре истории философии. После учёбы в аспирантуре Семён Дмитриевич был рекомендован кафедрой и назначен ректором университета преподавателем в своей Alma mater.

С 1 августа 1970 г. Семён Дмитриевич по семейным обстоятельствам переехал в г. Брест и начал работу в Брестском пединституте в должности старшего преподавателя кафедры философии и политэкономии. За годы работы сначала в пединституте, а затем в университете в полной мере раскрылся его талант учёного и педагога: он стал одним из ведущих

вузовских профессоров и известным учёным. Его преподавательская карьера включает работу в качестве доцента и профессора, он исполнял обязанности заведующего кафедрой философии, избирался деканом и успешно руководил работой географо-биологического факультета. Его лекции и семинарские занятия всегда отличались глубиной научного анализа и рассматриваемых проблем, педагогическим мастерством, многообразием методических приёмов и методов, чёткой структурой, творческим подходом.

Не случайно Семёна Дмитриевича неоднократно приглашали для чтения спецкурсов в Белорусском государственном университете; известен он был как мастер педагогического труда и за пределами Беларуси. Как учёный исследователь, он получил признание у научной общественности: утверждён ВАК Беларуси в учёном звании профессора, в 1985 г. избран действительным членом ОО «Белорусская академия социальных наук». Богатый педагогический опыт Семёна Дмитриевича сказался и в ряде учебных пособий по истории философии и логике, которых он являлся основным автором и научным редактором.

Так сложилась педагогическая судьба профессор С.Д. Шаша, что почти вся его работа в высшей школе была связана с подготовкой будущих учителей. Уже считается общепризнанным, что педагогическое поведение будущих учителей в значительной степени определяется педагогическим поведением преподавателей высшего учебного заведения. Преподаватель, который ответственен за подготовку будущих учителей, имеет особый статус: он должен быть и преподавателем, и учёным. Однако это присуще любому преподавателю любого вуза, что же касается тех, кто готовит будущих учителей, то здесь преподаватель должен ещё демонстрировать положительные образцы педагогического мастерства, то есть быть ещё и методистом. Эти качества блестяще сочетались в личности профессора Шаша. Каждая его лекция по истории философии, логике, философии может быть полезной для будущих учителей разнообразием методических приёмов; творческим подходом к учебному процессу; глубоким проникновением в суть изучаемых проблем с доступным, чётким, логическим выверенным языком изложения; умением ставить проблемные вопросы и вести студентов к самостоятельному поиску ответа на эти вопросы.

С.Д. Шаш в ходе многолетнего поиска пришёл к выводу об эффективности концептуального подхода в обучении философии. При этом подходе к обучению эффективность его достигается тем, что студенты учатся анализировать и решать конкретные задачи под руководством профессора, под его присмотром. Этот подход обычно так и называют «learning by watching». Семён Дмитриевич применял в рамках этого подхода традиционную вузовскую лекцию, которую читал как

признанный эксперт в этой области. Его лекции были эмоциональны, отличались ярким языком изложения, чёткостью авторской позиции. Однако С.Д. Шаша широко применял и другой подход, который существенно дополнял первый. В своей преподавательской деятельности он основывался и на так называемых «проблемно ориентированных методах» – «problem based learning». Особенно широко эти методы Семён Дмитриевич применял при обучении студентов логике. Коллективное решение логических задач, комментируемое студентом решение задачи – всё это требует от студентов проявить инициативу, применять полученные теоретические знания на практике. Он учил студентов действовать, проявлять инициативу, подбирать адекватные методы решения проблемы, умению дискутировать, заходить иногда в тупик и опять находить выход из сложившегося лабиринта.

Отличительной чертой профессора С.Д. Шаша являлось его умение работать в группе. Он всегда был душой коллектива единомышленников, работающих над общей научной или методической проблемой. Вокруг него часто объединялись опытные преподаватели и особенно молодые: работа рядом с мастером благотворно сказывалась на всех нас. С.Д. Шаш всегда был открыт к сотрудничеству, щедро делился идеями с молодыми преподавателями и коллегами, участвовал в подготовке будущих научно-педагогических работников. Многие коллеги по университету благодарны были Семёну Дмитриевичу за ценную помощь и советы, которые они получили от него после прочтения рукописей их диссертаций и монографий. Он ничего и никогда не делал формально, всегда был заинтересован в успехе коллег и искренне радовался этим успехам.

Семён Дмитриевич был наделён многими способностями и, если верна известная формула о том, что талант – это способности, помноженные на труд, жизнь и деятельность С.Д. Шаша – очень яркое подтверждение этого утверждения. Круг его интересов был необычайно широк и многогранен. Он обладал редким исследовательским даром и смог воплотить свои научные интересы в почти полутора сотнях научно-исследовательских работ – статей и монографий. Уже первая монографическая работа С.Д. Шаша «Генезис античной диалектики (гносеологический аспект)», вышедшая в 1980 году в издательстве АН Беларуси, отличалась творческим подходом к анализу становления античной диалектики. Автор этой книги отошёл от традиционного и довольно широко распространённого хронологического подхода к исследованию названной проблемы и сосредоточил внимание на логическом её анализе. Семён Дмитриевич изучил исторические, этнографические, мифологические материалы и на их основе раскрыл внутреннюю логику зарождения и развития диалектических идей в раннегреческом натурфилософском мировоззрении, которое базировалось на догомеровской мифологии, теогониях и эпосе, достижениях в области начал науки (геометрии, астрономии, механики и др.) Древнего Египта и

ГЕНЕЗИС
АНТИЧНОЙ
ДИАЛЕКТИКИ

С. Д. ШАШ

Древнего Вавилона. На основе анализа процесса становления раннегреческой диалектической мысли от появления первых представлений о мире, содержащих элементы объективной диалектики, т.е. от предыстории диалектики и до формирования понятийного (т.е. категориального) мышления и его дальнейшего развития на этапе классической древнегреческой философии до уровня гипостазированных понятий в учениях Сократа и Платона, Семён Дмитриевич обосновывает ряд теоретических выводов. Он убедительно доказывает, что процесс становления диалектической мысли в философии был обусловлен, в конечном счёте, развитием практической деятельности человека. Начала объективной диалектики в представлениях людей о мире являлись продуктом активного, практического взаимодействия человека с окружающей средой. Этот процесс объективно был связан с развитием становящегося мышления. И чем сложнее становились взаимодействия человека с окружающим миром, разнообразнее отношения в обществе и разного уровня социальных группах, тем более усложнялись и интуитивные диалектические представления. Эти, вначале интуитивные, представления становились идеальными образованиями, хотя ещё только коллективными, поскольку они не превращались сразу в предмет анализа отдельных индивидуумов. Между такими представлениями существовала не только синхронная, но и диахронная связь, способствовавшая формированию преемственности мировоззрения поколений.

Анализируя героико-эпическое мировоззрение Гомера и Гесиода, С.Д. Шаш показал, что в связи с выделением личности из рода и утверждением её самостоятельности стала возможной индивидуальная рефлексия над существующими мировоззренческими представлениями, а следовательно, и разнообразная работа с этими представлениями. Таким образом появились понятия, абстракции, такие, как «вещь», «связь», «предмет», «мир» и др.

Переход от мифологического и героико-этического мышления к натурфилософии имплицировал как бы обратный процесс, названные и другие категории наполнялись конкретным содержанием. В силу того, что познание по самой своей логике направлено от внешней стороны вещей к их сущности, это привело к открытию субстанции, архэ, если речь идёт о мире в целом. Процесс движения познания от вещей к понятиям постепенно привёл к теоретическим изысканиям в области самих этих понятий у Зенона Элейского, софистов, Сократа, Платона, Аристотеля. Это направление философского анализа оборвалось в средневековой схоластике.

Особое место среди теоретических исследований С.Д. Шаша занимает его монография «Человек и этнос. Философский аспект», Брест, 1995 год. Этот труд С.Д. Шаша был рекомендован научно-методическим центром учебной книги и средств обучения Министерства образования и

С.Д.Шаш

Человек и этнос

(Философский аспект)

Брест

1995

БрГПИ -

частное издательство С.Лаврова

науки Беларуси в качестве учебно-методического пособия для студентов. Внимание учёного к этой проблеме было вызвано тем, что, начиная с конца 80-х годов и в 90-е годы XX века заметно обострились межнациональные отношения практически во всём мире.

К сожалению, таким же остаётся и начало XXI века, а примеров межнациональных конфликтов в глобализирующемся мире не счесть. Профессор С.Д. Шаш на основе разработанной им субстратно-информационной модели этносообщества и человека анализирует в системном плане их свойства, природу и сущность; типы и формы этносизации, что позволило уяснить глубинные причины современных межнациональных конфликтов, а также сформировать прогностическую модель будущего человеческого сообщества.

В кратком очерке нет возможности пространного анализа этого труда, но считаем нужным заметить, что многие теоретические находки С.Д. Шаша вполне применимы для того, чтобы лучше понять основные тенденции и состояние межнациональных и межкультурных коммуникаций в современном мире, увидеть причины конфликтов в этих областях и, возможно, наметить условия их преодоления.

Среди многих научных статей Семёна Дмитриевича можно выделить циклы его работ о будущем философии, исследования проблем логики развития историко-философского процесса.

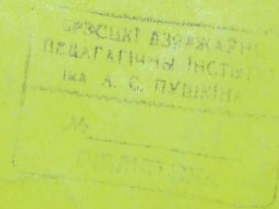
Автор, конечно же, опирался на имеющиеся в философской науке концепции развития историко-философского процесса, в том числе аристотелевскую, гегелевскую, марксистскую и др., однако формулировал ряд собственных положений, характеризующих логику развития философии как науки.

Ряд трудов С.Д. Шаша (некоторые из них написаны в соавторстве с коллегами, однако при несомненном, на наш взгляд, лидерстве Семёна Дмитриевича) – это пособия для студентов, магистрантов и аспирантов. Кроме уже упоминавшегося пособия «Человек и этнос», особое место среди них занимают «Лекции по логике» под общей редакцией С.Д. Шаша.

Этот курс лекций написан в соответствии с программой для студентов педагогических учебных заведений и представляет собой весьма удачное изложение классической, аристотелевской логики. Цикл лекций по логике написан ярким, доступным языком, содержит дидактически обоснованные и убедительные примеры, в нём удачно продумана структура каждой темы, включающая теорию, примеры, задания, вопросы для повторения. Лекции, кроме классической логики, содержат и основные положения математической логики. Это пособие до настоящего времени пользуется, пожалуй, наибольшей популярностью среди студентов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

И. Г. Кожух
В. М. Крюков
С. Д. Шаш

**ЛЕКЦИИ
ПО
ЛОГИКЕ**

Среди работ этой категории можно и отметить три пособия для студентов, написанные профессором С.Д. Шашем в соавторстве с коллегами по кафедре философии: «История философии в избранных фрагментах с комментариями», которые были изданы в БрГУ имени А.С. Пушкина в 2002, 2003 и 2004 годах.

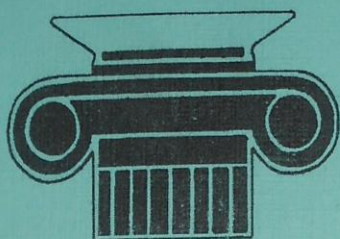
Эти три книги содержат фрагменты из произведений выдающихся мыслителей, внесших заметный вклад в развитие европейской философии. Соответствующие цитаты из основных философских произведений здесь подобраны так, чтобы как можно более глубоко представить основные философские доктрины и школы, отразить сущность фундаментальных проблем философии. Проводится также оценка этих взглядов как современниками авторов и их последователями и оппонентами, так и современными учёными. Авторы при написании этих пособий для студентов, аспирантов и магистрантов исходили из убеждения, что без умения читать и анализировать философские тексты изучение философии не может быть полноценным, что работа с первоисточниками позволяет почувствовать и оценить оригинальность мыслителя, стиль его философствования, образность и глубину философского анализа, ввести читателя в своеобразную лабораторию его философской мысли. Цель этих пособий по замыслу авторов и составителей – приобщить студенческую молодёжь к самостоятельной работе, пробудить интерес к изучению философии и осознать непреходящую ценность философского знания и, возможно, в силу этого обратиться непосредственно к трудам классиков философии. Такая цель – это, пожалуй, самое высшее достижение в изучении философии с учётом того, что только мысль рождает новую мысль, а великая мысль ведёт пылливый интеллект к вершинам мышления, часто будит, имплицитно рождает новую, оригинальную мысль.

Как известно, одной из особенностей развития философии является то, что философское знание представляет собой по существу поливариантный процесс. Как отмечал С.Д. Шаш, в естествознании последняя по времени научная теория – это обычно и самая полная, самая современная теория. Образно говоря, это подтверждается такими выражениями, как «последнее слово» в какой-то конкретной науке. В философии картина иная: здесь учения, возникшие в весьма отдалённые от нас эпохи, изложенные иногда наивным языком, на первый взгляд вызывающие улыбки, оказываются, а часто и остаются источником мудрости и основой дальнейшего развития философии. С одной стороны, философия и частные науки в значительной части опираются на рациональные методы познания, на интеллект. С другой стороны, философия похожа на искусство: её подлинно ценные творения, как и произведения искусства, не стареют во времени. Каждое новое поколение

по-своему прочитывает философские произведения, усматривает в них ранее не замеченные стороны и находит ключи для понимания волнующих людей проблем современного бытия. Именно благодаря этому, по мнению С.Д. Шаша, осуществляется преемственность духовности как высшего проявления в человеке Истины, Красоты и Добра.

Конечно же, Семён Дмитриевич не мог не быть рационалистом, он верил в силу и могущество разума в постижении бытия. Но этот рационализм философа и логика удивительно гармонично сочетался в нём с эмоциональным, чувственным. Это другая составляющая личности Семёна Дмитриевича, которая тоже воплотилась в его жизни и деятельности. Он любил и тонко чувствовал природу, увлекался пчеловодством, любил рыбалку, мог часами наблюдать за явлениями природы, заботиться о пропитании белочек в прилежащем к его дому городском парке, которые доверяли ему настолько, что принимали еду с его доброй руки... Эмоциональность и гуманизм побудили его и к художественному творчеству, начиная от сочинения сказок для своих внуков (которых он бесконечно любил и о которых заботился), затем небольших по объёму, но богатых по воспитательному воздействию на подрастающих внуков стихов, а затем и оформленных как художественные поэтические произведения философских рефлексий. Думается, об этом напишут в нашей коллективной работе профессионалы. Однако мы не можем хотя бы кратко не упомянуть особое произведение Семёна Дмитриевича, написанию которого он посвятил многие годы.

Речь идёт о его философско-исторической повести «Элевтерия». В этой повести проявились глубокие знания С.Д. Шаша в области философии, истории; в художественной форме здесь описаны проблемы личной и общественной свободы и ответственности человека, вопросы развития философии и философского творчества. Одной из особенностей этого произведения С.Д. Шаша является то, что образы основных героев он, по собственному признанию, в определённой степени писал со своих коллег, близких друзей. Это своеобразная «лебединая песня» Семёна Дмитриевича, который завершил написание повести к своему семидесятилетию, и она была издана в 2007 году. Мы, его коллеги по кафедре и университету, его родные и близкие получили экземпляры «Элевтерии» с личными посвящениями в день его семидесятилетия. Думается, что повесть «Элевтерия» ещё ждёт своего исследователя и профессиональной оценки.

В.А.Степанович

С.Д.Шаш

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
В ИЗБРАННЫХ ФРАГМЕНТАХ
С КОММЕНТАРИЯМИ

В трех частях

Часть 1

От Фалеса до
Августина Блаженного

Брест 2002

В.А.Степанович

С.Д.Шаш

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
В ИЗБРАННЫХ ФРАГМЕНТАХ
С КОММЕНТАРИЯМИ

В трех частях

Часть 2

От Эриугены до Экхарта

Брест 2003

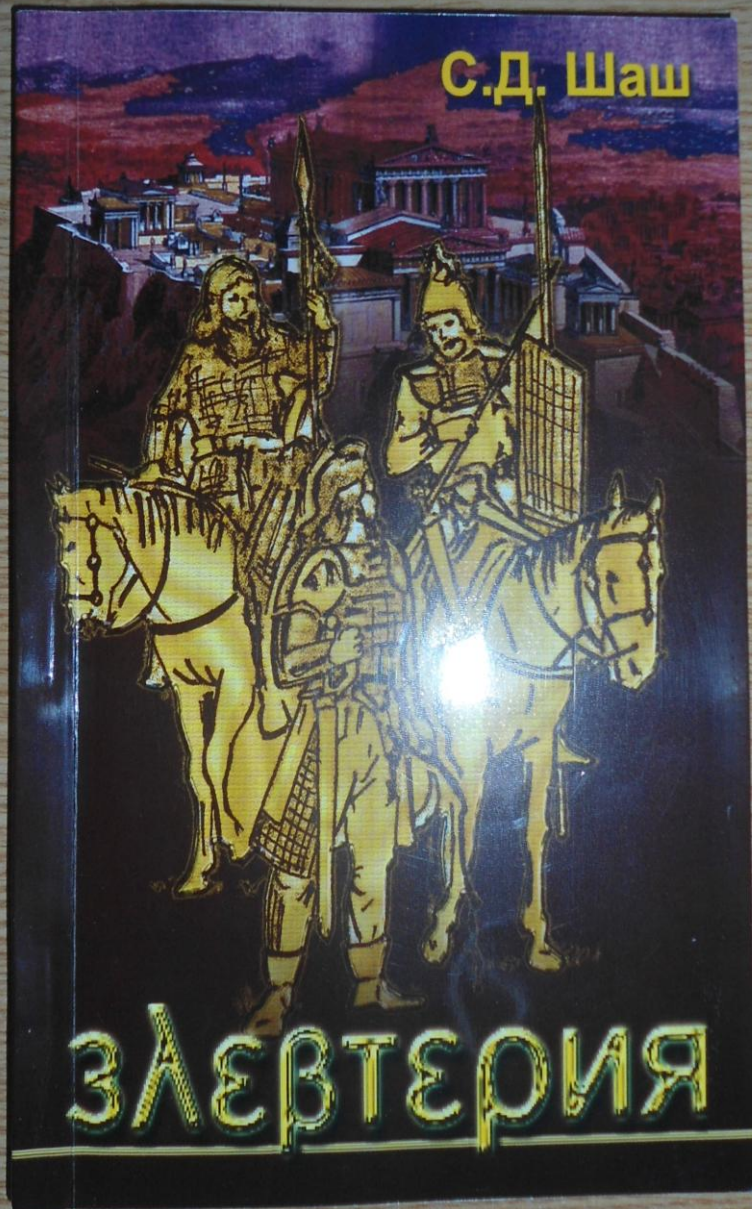
**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
В ИЗБРАННЫХ ФРАГМЕНТАХ
С КОММЕНТАРИЯМИ**

В трех частях

Часть 3

**От Николая Кузанского
до философии
французского Просвещения**

Брест 2004

Семён Дмитриевич Шаш – талантливый учёный и вузовский преподаватель. Он достиг значительных высот в своей профессиональной деятельности, ему было присвоено Высшей Аттестационной комиссией Республики Беларусь звание профессора, он был избран академиком ОО «Белорусская академия социальных наук», а главное, пожалуй, то, что он стал любимым преподавателем сотен и тысяч студентов, авторитетным в среде своих коллег, признанным Мастером и Учителем.

В.А. Степанович

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПРОФЕССОРА С.Д. ШАША

– Выучиться, не значит знать; есть знающие и есть ученые, одних создает память, других – философия.

– А разве нельзя научиться философии?

– Философии не научаются, философия есть сочетание приобретенных знаний и высокого ума, применяющего их; Философия – это сверкающее облако, на которое ступил Христос, возносясь на небо.

А. Дюма, Граф Монте-Кристо. Аббат Фариа в беседе с Эдмондом Дантесом [1, с. 150]

Нынешний этап развития общества требует людей творческих, и с учетом известного изречения, что только личность может воспитать личность, можно предположить: для формирования творческих специалистов нужен творческий стиль деятельности преподавателя высшей школы.

Под стилем деятельности вообще, в т.ч. преподавательской, можно понимать совокупность специфических методов, приемов и способов деятельности человека в той или иной сфере, обусловленную мировоззрением; психическими свойствами личности; уровнем его знаний, умений и навыков; логикой мышления; отношением к результатам, достигнутом в этой сфере другими людьми; способностью к объективному анализу и самооценке своей деятельности; разумным отношением к оценке этой деятельности другими людьми.

В сложной динамической структуре стиля деятельности есть то, что поддается изменениям и совершенствованию в результате обучения и тренинга, но есть и такие элементы, которые трудно поддаются изменениям, хотя они, несомненно, значимы для характеристики стиля деятельности университетского профессора. Считаем весьма полезными при рассмотрении проблемы стиля деятельности мысли профессора Ю. Яроня: «Мои многолетние наблюдения за преподавателями высшей школы Польши и изучение небанальных исследовательских позиций в таких науках, как этика, философия, социология, теология, аксиология, психология, позволяют утверждать, что успехи в учебной и научно-исследовательской работе зависят от следующих причин: позитивного мышления и отношения к себе и к миру; уровня интеграции или дезинтеграции личности; врожденных дидактико-педагогических качеств; качества воспитания в семье и других социальных группах; психической и физической устойчивости в профессиональной деятельности; мировоззрения и очерченных политических взглядов; способности быть

как бы отстраненным (на определенной дистанции) по отношению к себе и случаев личных научных неудач (согласно с античной посылкой «познай самого себя») [2, с. 65].

Так сложилась педагогическая судьба профессора С.Д. Шаша, что почти вся его работа в высшей школе была связана с подготовкой будущих учителей. Уже считается общепризнанным, что педагогическое поведение будущих учителей в значительной степени определяется педагогическим поведением преподавателей высшего учебного заведения. Преподаватель, который ответственен за подготовку будущих учителей, имеет тройной статус: он должен быть и преподавателем, и ученым. Однако это присуще любому преподавателю любого вуза, что же касается тех, кто готовит будущих учителей, то здесь преподаватель должен еще демонстрировать положительные образцы педагогического мастерства, т.е. быть еще и методистом. Эти качества блестяще сочетаются у профессора С.Д. Шаша. Каждая его лекция по истории философии, логике, философии может быть полезной для будущих учителей разнообразием методических приемов; творческим подходам к учебному процессу; глубоким проникновением в суть изучаемых проблем с доступным, четким, логическим выверенным языком изложения; умением ставить проблемные вопросы и вести студентов к самостоятельному поиску ответа на эти вопросы и пр. и пр.

С.Д. Шаш в ходе многолетнего поиска пришел к выводу об эффективности концептуального подхода в обучении философии. Он применяет и традиционную вузовскую лекцию, которую он читает как признанный эксперт в этой области. Его лекции эмоциональны, отличаются ярким языком изложения, четкостью авторской позиции. При этом подходе к обучению эффективность его достигается тем, что студенты учатся анализировать и решать конкретные задачи под руководством профессора, под его присмотром. Этот подход обычно так и называют: «learning by watching». Однако С.Д. Шаш широко применяет другой метод, который существенно дополняет первый. В своей преподавательской деятельности он основывается и на так называемых «проблемно ориентированных методах» – «problem based learning». Особенно широко этот метод профессор С.Д. Шаш применяет при обучении студентов логике. Коллективное решение логических задач, комментируемое студентом решение задачи – все это требует от студентов проявить инициативу, применять полученные теоретические знания на практике. Он учит студентов умением действовать, проявлять инициативу, подбирать адекватные методы решения проблемы, умению дискутировать, заходить иногда в тупик и опять находить выход из сложившегося лабиринта.

Такие методы работы профессора С.Д. Шаша вырабатывают у его студентов понимание, что изучаемая наука – это инструмент для решения

конкретных практических задач. Профессор убедительно демонстрирует, что знания, приобретенные в вузе – это ценное приложение к их будущей профессии и практической деятельности, т.е. у студентов складывается психологическая установка: знания нужны не только на период сдачи экзаменационной сессии, они потребуются и в отдаленном будущем.

Будучи оригинальным ученым, профессор С.Д. Шаш всегда очень ответственно относился и к преподавательской деятельности. Он разделял позицию крупного российского ученого и одновременно популяризатора науки профессора П. Капицы:

«Хороший ученый, когда преподает, всегда учится сам. Во-первых, он проверяет свои знания, потому что, только ясно объяснив другому человеку, можешь быть уверен, что сам понимаешь вопрос. Во-вторых, когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи. В-третьих, те, часто нелепые вопросы, которые задают студенты после лекций... заставляют с совершенно новой точки зрения взглянуть на то явление, к которому подходим всегда стандартно, и это тоже помогает творчески мыслить» [3, с. 55].

Отличительной чертой профессора С.Д. Шаша является его умение работать в группе. Он всегда был душой коллективов единомышленников, работающих над общей научной или методической проблемой. Вокруг него часто объединялись опытные преподаватели и особенно молодые: работа рядом с Мастером благотворно сказывалась на всех нас. Этот совместный поиск подтверждал мысль, которую более 150 лет тому назад высказал В. Гюго: «Искусство – это я, наука – это мы». Искусство не мыслимо без имени творца. Каждое произведение Гомера, Шекспира, Гете, Пушкина несет на себе печать гениального создателя. Вершины же науки сродни айсбергам, девять десятых их спрятаны в глубинах вод. В науке мы опираемся на достигнутое предшественниками; даже в гуманитарном знании проходит время одиночек; эффективным, особенно в методике, является групповой поиск.

Интеллигентность С.Д. Шаша еще одна его замечательная черта. Выдающийся мыслитель и гуманист XX века, человек со сложной судьбой академик Д.С. Лихачев когда-то заметил:

«Отнимите у человека все его знания, всю его «эрудицию», но если у него останется интеллектуальная способность к восприятию разнообразнейших культур нашего земного шара, современных и прошлых, – это и будет тем, что мы называем интеллигентностью. Качеством замечательнейшим, по-настоящему «миролюбивым» [3, с. 56].

Следуя такому пониманию интеллигентности, вполне понятным становится наличие этого качества у нашего юбиляра: его любовь – античная философия и история. Здесь он достиг глубокого проникновения в закономерности генезиса античной диалектики, уровень его знаний

истории философии Древней Греции поражает слушателей и коллег. Его первая монография была посвящена генезису античной диалектики; в этой работе он отошел от устоявшихся догм и шаблонов, отказавшись от хронологического подхода анализу древнегреческой диалектики, исследовал логику историко-философской мысли древних мыслителей.

К сожалению, занятия наукой, а там более в области истории философии никогда не гарантировали профессору С.Д. Шашу высоких материальных благ. Таким было его и наше время, но профессор С.Д. Шаш относится к тому типу ученых, который занимается наукой, потому, что не заниматься ею не может. Здесь тоже можно опереться на уроки прошлого, вспомнив легенду о молодом человеке, который пришел учиться к Евклиду. Первое, о чем спросил молодой человек это: «Какова мне будет польза от учения?». Евклид приказал дать молодому человеку грош и отослать его: «Он ищет выгоды, а не знаний».

Стремление к личной выгоде, саморекламе, завышенной самооценке – эти качества никогда не были присущи С.Д. Шашу. Если вспомнить мысль Л.Н. Толстого, что человек есть дробь, в числителе которой есть то, что думают о нем другие люди, а в знаменателе то, что думает он о себе сам, то можно сделать вывод, что наш юбиляр – Человек.

В эти дни мы отмечаем славный юбилей профессора С.Д. Шаша – ему 70. Но и в этом зрелом возрасте он остается для нас образцом Философа и Мыслителя. О нем вполне обоснованно можно говорить так, как когда-то известный русский писатель, киноактер и режиссер В.М. Шукшин написал о своем учителе М.И. Ромме:

«В жизни – с возрастом – начинаешь понимать силу человека *постоянно думающего*. Это огромная сила, покоряющая. Все гибнет: молодость, обаяние, страсти – все старится и разрушается. Мысль не гибнет, и прекрасен человек, который несет ее через жизнь» [3, с. 12].

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюма, А. Граф Монте-Кристо // Собр. соч. в 15 т. – Т. 9. – М. : Огонек, 1989.
2. Jaroń, J. Proba typologii nauczycieli akademickich w Polsce w kontekście podnoszenia jakości studjów / Jakości kształcenia w szkole wyższej – priorytetem współczesności. Materiały z konferencji naukowej. Siedlce 27–28 czerwca 2002 r. – Siedlce : W-wo Akademii Podlaskiej, 2002.
3. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е. Лихтенштейн. – М. : Знание, 1981. – 272 с.

А.Н. Сендер

*Те, у которых мы учимся, правильно
называются нашими учителями, но не всякий,
кто учит нас, заслуживает это имя*

И. Гете

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ УЧИТЕЛЕ

Вспоминаю свои студенческие годы в университете (тогда еще педагогическом институте) на физико-математическом факультете. У большинства студентов нашего факультета – ориентация на изучение специальных дисциплин: математический анализ, высшая алгебра, физика. Отношение к дисциплинам «социально-гуманитарного профиля» – мягко говоря, скептическое. Рассуждали так: их нужно как-то сдать. На втором курсе одну из таких дисциплин (диалектический материализм) у нас преподавал С.Д. Шаш. Первое впечатление: невысокий, рыжеволосый человек с сильным голосом, обаятельный, энергичный, как теперь сказали бы с «харизмой». И начал читать лекцию «Материя. Виды материи. Способы существования материи». И такая «ненужная» философия нам становилась понятной, доступной. Учебники по диалектическому материализму в библиотеке не брали, готовились к экзамену по конспектам лекций С.Д. Шаша. За фамилию «Шаш» мы, студенты, прозвали его «симметричным» человеком. Лекции у «симметричного» преподавателя мы не пропускали, т.к. именно он мог доступно, на житейских примерах, объяснить значение таких сложных, но важных для нас, философских категорий «пространство и время», «случайность и закономерность», «историческое и логическое» и т.д. С.Д. Шаш не только нас учил, он был нашим Учителем. Благодаря ему стало очевидным, что кроме наук физики, математики, есть еще и философия и, от себя добавлю, педагогика.

Память об этом замечательном педагоге и ученом фиксируется не только в нашем сознании, но и в тех монографиях, учебниках, научных статьях, которые им написаны: «Генезис античной диалектики» (монография), «Человек и этнос» (учебно-методическое пособие), коллективное учебное издание «Лекции по логике» и др. Последующим поколениям студентов будут интересны мысли Семена Дмитриевича об идеологии, языке, традициях, об этносе, соотношении человека и этноса, природе и сущности человека. Наука интернациональна. И это в полной мере подтверждает педагогическая и научная деятельность профессора С.Д. Шаша, который читал авторские курсы по философии и студентам Польши.

Работая деканом факультета естествознания в БрГПИ имени А.С. Пушкина, С.Д. Шаш, на мой взгляд, удачно сочетал административную, научную и педагогическую деятельность. Человек с позицией, не способный к конформизму, в неустанном научном поиске в течение всей жизни, таким он и останется в моей памяти.

Ян Дембовский

ПРОФЕССОР СЕМЕН ДМИТРИЕВИЧ ШАШ КАК ФИЛОСОФ И УЧИТЕЛЬ

Жизненный путь профессора Семена Дмитриевича Шаша чрезвычайно интересен и поучителен. Познакомившись с ним, мы последовательно прослеживаем его жизнь, поражаясь силой воли, мужеством присущей юбиляру и стремлением к достижению намеченных целей. И это несмотря на многочисленные препятствия, и наперекор судьбе обусловленными реалиями социально-политической ситуации в бывшем Советском Союзе.

Будущий профессор родился в крестьянской семье 27 августа 1937 года в деревне Свищево, неподалеку от живописной Беловежской пуши, в 35 километров от г. Бреста.

Его отец как один из первых советских военнопленных погиб в немецком плену в июне 1941 года и захоронен в Польше под Ostrowią Mazowiecką недалеко от границы Беларуси.

После окончания второй мировой войны будущий профессор жил в г. Бресте, где окончил базовую школу, а затем учился в вечерней средней школе. В 1952 году он уехал в Херсон (Украина) на работу, связанную с тяжелым физическим трудом. В 1953 году умер Иосиф Сталин. Событие повлияло на изменение судьбы миллионов советских граждан. Оно отразилось также и на жизни нашего юбиляра. В 1955 году он возвращается в г. Брест и работает слесарем на железной дороге.

Через год призывается в Красную Армию, в которой служит долгие четыре года. После увольнения из армии в 1959 году Семен Дмитриевич получает направление для работы на строительстве шинного завода в Днепропетровске (Украина).

Повторное пребывание в этой союзной республике СССР приводит к радикальным изменениям в его прошлой жизни. Там он знакомится со своей будущей женой Людмилой, которая внесла в этот союз важные ценности, а прежде всего доброе настроение, глубокие чувства и, что окажется не менее важным, кулинарные навыки. Короткий период знакомства завершился в 1962 году заключением брака, который длился почти полвека (45 лет). Результатом этого союза стало рождение сына Александра, который стал виновником появления двух внуков Дмитрия и Александра. Второй одиннадцатилетний внук проявляет, вслед за дедом, интерес к философии, он часто присутствовал на занятиях, которые проводил профессор.

Однако, вернемся к последующим событиям в жизни Семена Дмитриевича. В 1961 году он начинает заочную учебу в университете в

г. Минске, которую завершает в 1967 году, получив диплом с отличием, и практически одновременно был зачислен аспирантом кафедры истории философии того же университета. На своем пути становления как ученого Семен Шаш имел счастье встретить известного ученого, члена-корреспондента Белорусской Академии наук, профессора Ивана Николаевича Лушицкого, который стал научным руководителем молодого философа. Защита кандидатской диссертации на тему «Генезис развития раннегреческой диалектики» состоялась в 1974 году.

Следует отметить, что первый опыт работы Семена Дмитриевича учителем начался уже в 1964 году, когда он был учителем истории в средней школе г. Днепропетровска и работал там до 1967 года. Несомненно, опыт этой работы пригодился ему позже в высшей школе. Еще будучи аспирантом начал преподавать историю философии в университете в г. Минске, позднее философию, а также логику и этику в Брестском педагогическом институте. Итогом, увенчавшим его преподавательскую и научную работу, в 1995 году ему было присвоено звание профессора и избрание в 1999 году академиком Белорусской академии социальных наук. Следует также упомянуть, что профессор С. Шаш исполнял обязанности декана географо-биологического факультета в Брестском педагогическом институте.

В 1995 году началось сотрудничество профессора с Высшей сельскохозяйственно-педагогической школой, а затем с Академией Подляской на кафедре общественных наук (ныне Институт социальных наук) в качестве профессора философии и логики. Дидактические занятия профессора С. Шаша высоко оценены студентами. Характеризует их эрудиция и коммуникабельность. Профессор С. Шаш обладал исключительными педагогическими способностями, которые позволяли ему излагать наиболее сложные вопросы таким образом, чтобы они стали понятны для студенческой аудитории.

Научные интересы профессора были широкими. Они охватывали такие проблемы, как закономерность развития философской мысли, диалектика познания и развития, проблемы философской антропологии. В названных проблемах профессор достиг существенных достижений, внес новые идеи, вдохновившие дальнейшие исследования и размышления.

Так, говоря о закономерностях развития философской мысли, профессор утверждал, что это развитие следует дорогой гносеологических полей. Конец каждого такого есть отрицание предыдущих достижений. Согласно взглядам профессора С. Шаша, современное состояние развития философии характеризуется его нахождением в очередной ситуации изменения гносеологического поля, в переходе от характерного для современной философии отрыва человека от реального физического мира

человека. Актуально возникает новое гносеологическое поле, содержанием которого станет единство человека и мира.

С точки зрения истории диалектики познания профессор утверждает, что диалектическое мышление присуще научному мышлению. В своей кандидатской диссертации он показал, что возникновение и развитие диалектических идей происходило не только в философии, но и на основании всех наук. В этой работе он прослеживает связь и влияние на развитие диалектики от мифологии и философии от ее начал до школы Демокрита.

Что касается проблематики философской антропологии и этноса, которые профессор рассматривал в труде «Человек и этнос», то он утверждал, что человеческая личность – это функция не только социальных связей, но и этнического фактора. Автор рассматривал в работе теоретико-познавательные схемы развития человеческой личности в этнических условиях.

Когда речь идет о широте научных интересов профессора С. Шаша нельзя забыть о его внеученых увлечениях. Одно из них – литературная деятельность, которая нашла отражение в его исторической повести с углубленными философскими и историческими размышлениями. Другой его страстью было занятие пчеловодством, которому он отдавал свое свободное от формальных обязанностей время. На своей даче под Брестом у него были четыре улья с пчелиными семьями. Профессор не боялся враждебного отношения с их стороны. Они настолько завидовали профессору, что даже не возражали против присутствия жены Людмилы в своих владениях. Пребывание профессора в сообществе пчел, помимо отличного, экологически чистого меда, имели такую положительную сторону для Ученого Хозяина, что вдохновляли его ко многим глубоким и творческим размышлениям, которые нашли отражение в его многих монографических трудах, статьях в различных республиканских и зарубежных философских журналах.

Его жизнь была неустанным творческим поиском ценностей, воплощенных в Истине, Добре и Прекрасном.

Станислава Королевич

ОН БЫЛ ФИЛОСОФ И ПОЭТ...

В каких бы сферах деятельности человек ни находился, какими бы практическими или абстрактными проблемами ни занимался, в конечном счете, он неизбежно приходит к себе – человеку.

С.Д. Шаш

Бытует мнение, что полное представление о человеке можно составить лишь в том случае, если знаешь его очень долго, общаешься с ним очень близко, знаком с его семьей и вхож в его дом, изо дня в день встречаешь его в разных ситуациях, не однажды слышишь его рассуждения по разным поводам, видишь его в разных ипостасях. Между тем, мне кажется, что даже в этом случае человек не обязательно раскрывается до конца. В каждом из людей есть особые сокровенные глубины – его душа, его чувства, вызванные переживанием радостей и разочарований, сбывшихся и несостоявшихся устремлений и надежд. И позволено заглянуть в душу только к тому человеку, который сам ее раскрывает.

Раскрывает душу далеко не каждый и не сразу. Многие из нас на людях почти всю жизнь носят особую «защитную маску», за которую чужие заглянуть не могут (не случайно ведь существует выражение «поверхностное впечатление о человеке»). Была, наверно, такая маска и у Семена Дмитриевича Шаша, потому что окружающие обычно воспринимали его как самого обычного, внешне даже простоватого человека.

На самом же деле Семен Дмитриевич принадлежит к личностям уникальным – незаурядным и разносторонне одаренным. Во-первых, он был превосходным *преподавателем* – утверждаю это на основе собственных впечатлений. Во-вторых, он раскрывается как талантливый *ученый-философ* в написанных им книгах, прежде всего в монографии «Человек и этнос (философский аспект)». Наконец, совершенно неожиданно он оказался не менее талантливым *поэтом*, о чем свидетельствуют его стихотворения, которые мне посчастливилось недавно прочитать. Все это изменяет внешнее впечатление о Семене Дмитриевиче кардинальным образом.

При первом появлении Семен Дмитриевич обычно предстал перед коллегами и студентами как ничем не примечательная личность. Крепко сбитая мужиковатая фигура, рыжая кудрявая голова, нередко папироса в зубах. Однако при более пристальном взгляде необычность и

незаурядность личности Семена Дмитриевича проступала даже за этой «маской обычности и простоватости». Прежде всего, при явном отсутствии каких бы то ни было притязаний на интеллектуальную исключительность, на утонченность натуры, на рафинированную интеллигентность, в глаза бросалась особая основательность в фигуре, сдержанность в манере общения, обстоятельность в голосе Семена Дмитриевича. До недавних пор я ничего не знала о природе этой основательности, но сейчас думаю, что характерный отпечаток на внешний облик этого человека наложили его суровые детство и юность. Осиротевшему в раннем детстве Семену (его отец умер в плену в 1941 году) нужно было с детства помогать матери, у которой он был единственным сыном. Подрастая, С.Д. Шаш был вынужден постоянно заботиться уже сам о себе, поэтому и подростком, а позже, после трехлетней службы в армии, – и взрослым он работал. Выбирать не приходилось, и целых десять лет его жизни было отдано самым прозаичным профессиям – слесаря, плотника, кассира на железной дороге и др.

Однако с внешней сдержанностью С.Д. Шаша всегда необычно резко контрастировал его живой, острый, пытливый и даже цепкий взгляд. Думаю, что юноша из небольшой деревни, прошедший своеобразную школу выживания и рано привыкший полагаться на самого себя, осознанно избрал целью своей жизни объяснение мира, жизни, ее законов и предназначения человека. Много и постоянно работая, он так же много и постоянно учился – сначала вечерами, в школе рабочей молодежи, а потом заочно, на историческом факультете Белорусского государственного университета. Учился С.Д. Шаш тоже обстоятельно и основательно, поэтому и университет закончил с отличием, и в аспирантуру его рекомендовали сразу, и кандидатскую диссертацию защитил он вполне успешно и быстро.

В наш вуз Семен Дмитриевич Шаш пришел в августе 1970 года как преподаватель философии и с тех пор стал восприниматься в кругу коллег, студентов и знакомых как «философ». Заметим, что первое не обязательно предполагает второе, хотя и не исключает его.

«Философствовать», «преподавать философию» и «быть философом» – понятия далеко не одного порядка, хотя выражения эти связаны и по смыслу, и формально. Согласитесь, пофилософствовать у нас могут все. Ведь над смыслом жизни, над вопросом, кто мы, откуда взялись и куда движемся, рано или поздно задумывается чуть ли не каждый из людей. Хорошие преподаватели философии тоже не редкость, чему немало примеров есть и в нашем университете. И только если размышления над смыслом человеческого бытия и поиск ответов на эти извечные вопросы заполняют саму жизнь целиком, являют собой для человека своего рода *modus vivendi* и *modus operandi*, то речь идет об истинном философе.

В Семене Дмитриевиче Шаше счастливо соединялись все три составляющие – и интеллектуальная склонность к философским рассуждениям, к анализу, к философским построениям; и обширная эрудиция, глубокое знание истории философии, умение облечь сложные абстрактные положения в четкие языковые формы; и глубинное, непреходящее стремление самому понять устройство мира и предназначение человека в нем. Именно это и делает его незаурядной личностью.

Трудно сказать, как возникла склонность философствовать (в хорошем смысле слова) у юноши из маленькой живописной деревни, стоящей в окружении трех небольших озер недалеко от Беловежской пуши. Может быть, ему хотелось понять, кто был творцом прекрасных окрестных пейзажей. Может быть, он пытался объяснить себе, почему в этом прекрасном мире возможны такие уродливые явления, как война и смерть, отнявшая у него, четырехлетнего мальчика, отца. Может быть, он мечтал открыть универсальные законы, позволяющие сделать мир разумным, а человека истинно красивым, сильным и мудрым. Кто знает? Но очевидно, что философское отделение истфака БГУ было выбрано не случайно.

Впоследствии, познавая общие законы бытия природы и мира для себя, анализируя пути совершенствования человека и общества, С.Д. Шаш стремился передать свои открытия другим как преподаватель философии. Именно в этом качестве он около сорока лет назад впервые предстал перед нами, студентами-заочниками филологического факультета. Спустя лет семь он в этом качестве снова появился перед аудиторией, где была и я среди молодых преподавателей, готовящихся к кандидатскому экзамену по философии. В этом же качестве профессор Семен Дмитриевич Шаш оставался в кругу самых уважаемых преподавателей университета до 2004 года.

Хотя прошло немало лет, хорошо помню, что слушать Семена Дмитриевича как преподавателя мне всегда было необычайно интересно. Его лекции воспринимались сразу и были абсолютно понятными, что меня безмерно радовало. И даже удивляло, ибо чтение заумных пространственных периодов учебника о неких абстракциях, поясняемых обтекаемо, многословно и отвлеченно, иногда просто приводило в оторопь. Семен же Дмитриевич говорил о самых сложных вещах предельно доступно, и все оказывалось простым и понятным (не случайно кандидатский экзамен по философии я сдала очень прилично, хотя несколько столичных соискателей получили «неуды»). К тому же он был исключительно дружелюбен в общении, а его внешняя простота всегда по-особому располагала к восприятию его речи. Сейчас, с высоты своих лет и преподавательского опыта, понимаю, что эта понятность и доступность обеспечивались высокой ценой. Лекции Семена Дмитриевича и предлагаемые в них формулировки были результатом непростого осмысления целого комплекса противоречивых идей, высказанных его

предшественниками, и тщательной фильтрации разнородной информации, поставляемой самой жизнью. А главное, в них, как бы странно это ни звучало, всегда присутствовало собственное «Я» преподавателя, потому что все сказанное нам было прочувствовано, прожито и глубоко продумано им самим.

Как философ, Семен Дмитриевич был не просто всесторонне образованным человеком, настоящим интеллектуалом – он был ученым-гуманистом, находящимся в постоянном поиске истины, в утверждении высоких духовных ценностей. Обладая острым, критического склада умом, он глубоко верил в объективность разума. «Функция разума в познании – это, по существу, функция работающего контроля. Разум адсорбирует объективное от субъективного, устраняет односторонность, предвзятость субъективного», – писал в одной из своих работ Семен Дмитриевич.

Если задуматься над приведенными словами, начинаешь ценить и гражданское мужество этого человека и вместе с тем осознавать драматичность его судьбы как ученого. Ведь будучи философом настоящим, он разбирался лучше других в социально-политических сферах жизни и непредвзято оценивал истинную подоплеку любой идеологии. Тем не менее, ему довелось работать в такое время, когда все общественные науки были на службе у советской идеологии, и «субъективный фактор» жестко ограничивал объективное познание. Кроме этого, ученому, очевидно, было невероятно трудно формулировать новые философские умозаключения, заведомо зная об ошибочности исходных постулатов. Не случайно мне порой казалось, что в Семене Дмитриевиче жил некий скрытый скепсис по отношению к тому, о чем он рассказывал, особенно когда читался курс исторического материализма.

В связи с этим примечателен тот факт, что пик творческой активности Семена Дмитриевича как ученого приходится на постсоветское время, когда старые идеологические рамки разрушились. Возможно, некоторые скажут, что творческое наследие профессора С.Д. Шаша не так уж велико. Но здесь главное вовсе не количество книг, а емкость их содержания. Например, главная книга Семена Дмитриевича «Человек и этнос (философский аспект)» (1995) содержит интереснейшие рассуждения автора такой высокой смысловой концентрации (о бытии человека, об отношениях человека и общества, о языке и традициях, о природе и сущности человека, о гениях и талантах, о темпераментах и характерах и о многом другом), что, просмотрев ее, я решила не только сама прочитать эту монографию, но и незамедлительно порекомендовать ее другим лингвистам и литературоведам, психологам и культурологам, историкам и людям искусства. И вообще – каждому «человеку разумному», хотя бы потому, что заканчивается книга разделом «Вместо заключения. Проблема смысла жизни человека» (!).

К сожалению, эта книга С.Д. Шаша стала почти библиографической редкостью. Но, к счастью, есть еще стихотворения Семена Дмитриевича, в которых не только находят поэтическое воплощение философские идеи автора, не только выражены его взгляды на смысл жизни и предназначение человека, но еще и раскрывается душа философа-поэта. Оно и понятно: представляя философию – науку наук, которой присуща высшая степень абстракции, Семен Дмитриевич в научных работах не имел возможности выражать свои чувства (правда, он чуть-чуть приоткрывается как реальный человек в эпиграфе-посвящении к книге «Человек и этнос», адресуя ее своему внуку Дмитрию, и в заключении к этой монографии). Думаю, он обратился к поэзии потому, что видел в ней форму предельно искреннего самовыражения. Ведь в поэзии главный объект познания – именно внутренний мир человека, его восприятие жизни и эмоциональное отношение к ней. Стихи Семена Дмитриевича необычайно насыщены эмоционально, и сам он предстает в них и как мыслящий, ищущий исследователь, и как любящий, страдающий, сожалеющий, отчасти разочарованный, но неизменно верящий в возможности человеческого разума живой человек.

Показательно, что стихотворения профессора Шаша (его коллеги показали мне восемь текстов) принадлежат к тому времени, когда он прекратил преподавательскую деятельность. Думаю, это не случайно: даже перестав работать, Семен Дмитриевич не мог перестать мыслить и поэтому, облакая в поэтические формы свои мысли и чувства, поверял их бумаге. Все стихи, за исключением «Атлантиды», датированы, при этом первое из них («О познании») помечено ноябрём 2007 года, а последнее, без названия, в котором автор окидывает мысленным взором всю свою жизнь, написано за месяц до кончины, 28 июля 2011 года. Это исполненная глубокого смысла медитативная лирика, не только содержащая в спрессованном виде итоги философских раздумий и духовных исканий автора, но и окрашенная чувствами и эмоциями человека, оценивающего уходящую жизнь.

И форма, и содержание стихотворений свидетельствуют о несомненном таланте их автора, и это не только мое мнение, но и многих моих друзей, которым я успела открыть Семена Дмитриевича с такой неожиданной стороны. Не знаю, писал ли Семен Дмитриевич стихи раньше, но думаю, что писал, потому что первые поэтические опыты обычно выглядят беспомощными и наивными. Здесь же налицо все признаки качественной, добротной философской поэзии – компрессия глубокого смысла, яркие образы, богатый, выверенный язык, интересные композиционные решения, тонкое чувство ритма, правильные рифмы и т.д.

Образы лирики С.Д. Шаша – мир, познание, человек – представляют его, прежде всего, конечно, как философа. И заголовки стихов сами

говорят об этом. Так, в стихотворении «О познании», окидывая мысленным взглядом поле своей научной деятельности, Семен Дмитриевич еще раз задается вопросом: *«Кто знает сущность Мироздания?»* – и приходит к выводу, что это сокровенное знание человеку пока недоступно, потому что даже *«самый мощный гений всего лишь слабый человек»*. Вместе с тем, убежден автор, познание служит прогрессу и поэтому необходимо для постижения тайн Земли: *Нам ближе Космос стал далёкий, / Мы в глубь себя открыли путь / И в мир высоких технологий / Уже сумели заглянуть.*

Необычайно интересными и в чем-то неожиданными кажутся мысли Семена Дмитриевича об информационном поле как основе, творце и хранителе мироздания. В любых проявлениях есть взаимосвязанные звенья – «субстрат, энергия и код», выступающие оплотом всего живущего. Представляя эти образы, автор подчеркивает, что *«в их взаимосвязи себя являет сущий Бог»*, и проводит параллели с христианским учением о сотворении мира, о Святой Троице: *Информация трёхлика: / В себе Извечное храня, / Она – Отец и Вседержитель / Времён, пространств и бытия; / А как Творец всего, что суще, / Как Указатель всех дорог, / Она – Сын-Логос Всемогуший / И Дух – Хранитель наш и Рок.*

Не знаю, был ли Семен Дмитриевич верующим человеком, но примечательно, что образы Священного Писания есть почти в каждом из его стихотворений. Так, в «Познании» он пишет, что существует *«Чертог, где все Начала и Пределы в себе содержит Мудрость-Бог»*. В поэме-притче «Атлантида» отчетливо изложено существующее в христианстве трихотомическое учение о душе, одновременно обращенной к духу (*«душа разумная и нетленная»*) и к телу (*«душа другая, / Она рождается, живёт / И вместе с телом умирает, / Поскольку к жизни не ведёт; / Она полна огнём желаний / И скверной низменных страстей, / Она ввергает в ад страданий / Любого, кто подвластен ей»*).

Его стихи неизменно говорят о напряженных духовных исканиях, в том числе и в направлении веры. Прямое указание на это есть в стихотворении «Истина»: *Я всюду Истину искал: / Учёных слушал, мудрецов, / Трактаты древние читал, / В простой народ за ней ходил, / Но кроме вымысла и слов, / Её нигде не находил.* Открыть истинную суть предназначения человека, говорит поэт-философ, может помочь *«особый диалог с Бытием»* (имеется в виду вера): *С годами стало ясно мне, / Что средь логических дорог / К нему чрез храм ведет стезя...* Возникает ощущение, что ближе к концу жизни Семен Дмитриевич склонялся к мысли о том, что, коль ничего лучше люди не придумали, основой мироздания служит вера в Бога. Но, к сожалению, для человека, воспитанного в соответствии с принципами «научного атеизма», а особенно для философов, большую часть жизни исповедующих

«диалектический и исторический материализм», истинная Вера тоже недоступна (*И в храм пошёл, но в вышине / Кресты сокрылись от меня...*), и в этом их трагизм.

Подспудно утверждаясь в мысли о том, что разгадка сотворения мира недоступна земному человеку, Семен Дмитриевич снова и снова подчеркивает, что цель жизни человека – понять самого себя, стать достойным представителем вида *Homo sapiens*.

В стихотворении «*Homo sapiens*» Семен Дмитриевич не без присущей ему иронии замечает, что, «*ежели пристальней взглянуть*», термин *Homo sapiens* в приложении к современному человеку пока далеко не бесспорен. Доказывая это, автор остроумно, но жестко классифицирует окружающих людей в соответствии со шкалой их жизненных ценностей. Те, кто заботится лишь о внешнем облике – здоровье, фигуре, нарядах, – убоги разумом и лишены духовности: *Из собственного тела / Воздвигли для себя кумир, / И разум их осиротело / Взирает на духовный мир*. Неразумны и те ученые-чудаки, которые в поисках смысла жизни отрываются от этой самой жизни и превращаются в фанатичных догматиков: *Другие, ум свой обезличив, / Ушли в логическое «Я», / Чтоб в беспредельности различий / Искать единство Бытия*. Менее всего, по мысли Семена Дмитриевича, заслуживают названия «Человек разумный» те, с кем ему приходилось сталкиваться каждый день, особенно в последние два десятилетия: *Это большинство, которое «берет, что ближе, / Была б лишь польза и почёт, / И ничего для них нет выше, / Чем прагматический расчет»*.

Homo sapiens должен быть независимой личностью, душа которой устремлена к духовным ценностям – добру, благородству, знанию, истине, справедливости, достоинству. Но таких, к сожалению, мало, потому что «*лишь немногие способны / Наперекор слепой толпе / Достойно жить и благородно / Нести свет личности в себе*».

Семен Дмитриевич Шаш, несомненно, был такой личностью. Конечно, ему тоже не были чужды обычные человеческие слабостей в быту: я уже говорила, что он много курил, не отказывался и от рюмочки («*Но чарку добрую нередко в кругу друзей он выпивал*»). Но не это делает его слабым. Поэта-философа мучит бессилие перед неразумностью мира и несовершенством человека, и он снова и снова с горечью говорит об этом, говорит страстно, убежденно, проповедуя любовь и яростно клеймя человеческие пороки и грехи:

*Когда бы разум в самом деле
 Людскому роду был присущ,
 То мы бы мир уж свой успели
 Создать не хуже райских куш.
 Но вместо этого планета –
 Наш неделимый, общий дом –
 Не добротой людей согрета,
 А переполнена их злом.*

*Границ в потребностях не зная,
 На протяжении веков
 Мы за собою оставляем
 Раздоры, ненависть и кровь.
 Самоуверенность, гордыня,
 Корысть и низменная страсть
 Над человеком и поныне
 Имеют гибельную власть.*

Поучительна в этом плане его поэма-притча «Атлантида», в которой человечеству, утратившему нравственные принципы и разум, Семен Дмитриевич предрекает судьбу, подобную трагической судьбе легендарной Атлантиды:

*Быть может, нам великий эллин
 Не был, а притчу рассказал
 О том, что ждёт нас всех, ежели
 Лишимся нравственных начал
 И разум свой, свои умения
 Себе во зло употребим?*

Такое пророчество не ново в русской литературе, но здесь интересно и его художественное воплощение, представляющее собой параллель между причинами гибели мифологического государства и причинами упадка духовности современного человека.

В тексте «Атлантиды», как, впрочем, и в других стихотворениях, не только выступает энциклопедическая образованность Семена Дмитриевича, концентрируется его глубокая и разносторонняя эрудиция, представлены аллюзии на античную литературу, мифологию, но выявляется и недюжинное мастерство С.Д. Шаша как художника слова. Необычайно поэтично описание похожей на райскую обитель Атлантиды, которое воплощено в развернутых метафорических образах (*солнца нашего закат в волнах лазурных золотился; нивы тучные небесный, казалось, гладят горизонт; дворцы и храмы из гранита в объятьях мраморных колонн*), экспрессивных эпитетах (*плодородные равнины, многотравные луга, благословенный день* и др.). О высоких материях Семен Дмитриевич говорит преимущественно высоким стилем и при создании образной речи широко привлекает отвлеченную книжно-славянскую и поэтическую лексику (*алчность, блага, гордыня, жребий, истина, распри, скверна, дерзновенный, сокровенный, страждущий, внимающий*), в том числе сложные слова (*мироздание, многогласие, Вседержитель, всесильный, всемогущий*). Обеспечению высокого стиля служит также архаичная (*всказует, смута, чада, сей, чрез*) и экзотичная (*агора, ристалище, ипподром, палестры, портики*) лексика.

Вообще в стихотворениях С.Д. Шаша отмечено немало традиционных для поэтической речи металолических средств (**феномен Жизни, тайна Разума, судьбы Мира; душа, как светоч негасимый, ад страданий, возобладал разгул страстей, блага мнимые**). Вместе с тем здесь есть и поэтические находки, например: сравнения (*злорадство, ненависть, обман сердца атлантов охватили, как удушающий аркан; И удалилась добродетель, не в силах видеть сей позор, а с ней и дух былых столетий угас, как залитый костер*); метафоры (*догадок целые торосы, ключи от Сотворенья*), перифразы (*сокровенное знание, тьма неведения, великий эллин*), оксюмороны (*мощный гений – слабый человек; истина всегда стара и вечно нова*) и др.

Очень надеюсь, что все поэтические творения С.Д. Шаша будут опубликованы как дань памяти этому замечательному человеку, хотя они заслуживают признания и сами по себе. И все равно считаю нужным отдельно сказать еще о нескольких из них. Потому что в них есть самое поразительное в поэзии Семена Дмитриевича – абсолютная искренность, я бы сказала, полная обнаженность души. Таким, на мой взгляд, является совершенно неожиданное по замыслу стихотворение «Сон», по сути, представляющее эпитафию автора самому себе. Оно стоит особняком среди остальных, потому что это выплеснутое на бумагу сокровенное, хотя и с оттенком самоиронии, глубинное размышление о собственной жизни, ее смысле и ее итогах. Здесь уже нет недомолвок и сомнений, а есть некая самооценка, в которой предельно сжато характеризуется личность Семена Дмитриевича:

*Как будто люди за обедом,
Среди стола свеча горит,
Идет негромкая беседа,
И некто, слышу, говорит:
«Любила жизнь его не крепко
И не звала на карнавал,
Но чарку добрую нередко
В кругу друзей он выпивал.
Там рассуждал он о законах,
О сути жизненных начал
И тексты Гегеля, Платона
В трактовке собственной читал.
Немало в этих разговорах
Родилось зёрен тех идей,
Что после диспутов и споров
Вошли в ряд книжек и статей.*

*Согретый дружеским вниманьем
Таить он мысли не умел,
Делился щедро своим знаньем
С любым, кто этого хотел.
И рад он был успеху ближних,
Советом, делом помогал,
Ведь, добротой душевной движим,
Он чувства зависти не знал.
Подобно древнему Сократу,
В умах зажечь умел он свет.
И велика для нас утрата,
Что с нами больше его нет».
Хотел узнать я, кто же это,
Быть может, он и мне знаком?
Спросил, но не было ответа –
Не слышим был я за столом...*

Близким к нему по замыслу, но иным по настроению является и прощальное стихотворение «В далекой юности моей...», написанное в

самом конце жизни. Это проникнутое сожалением о несбывшихся мечтах молодости откровение одинокого пожилого человека, очевидно предчувствующего свой уход.

Самое же сильное впечатление у меня оставляет стихотворение С.Д. Шаша «Клен». Образ клёна в поэзии не новый, он восходит к Есенину, но, думаю, у каждого, кто читает это стихотворение, клён символически отождествляется с человеком, с самим Семеном Дмитриевичем.

Стихотворение построено на контрасте образов молодости и старости, которые воплощены в тексте с поистине удивительной выразительностью. *Сверкающая на солнце крона, царственно-державный вид, с которым он взирал на мир; сила, щедро заложённая природой; золотые мотыльки семян* – вот образ молодого клёна, за которым угадывается образ полного сил и жизненной энергии, еще недавно молодого автора. А старый клён, *осенней стужей обитый, стоит печально, листья золоченные кипы себе под ноги сбросил он*. И невольно всплывает образ С.Д. Шаша в конце жизни, с его поседевшей, уже не рыжей головой.

И все же, хотя стихотворение проникнуто нотами щемящей грусти, свойственной каждому человеку в конце жизни, поэт-философ заканчивает его философски: «У всего своя орбита / И срок всему определен...».

*Осенней стужей обитый
Стоит печально старый клён.
Листвы золоченные кипы
Себе под ноги сбросил он.
А ведь еще совсем недавно
На солнце кроною сверкал
И с видом царственно-державным
На мир окрестный он взирал.
Ему казалось будто силу
Природа щедрою рукой
В него такую заложила,
Что не уйдет он на покой,
Что и под зимними ветрами
Он избежит объятий сна*

*И золотыми мотыльками
Продолжит сеять семена.
Не так ли мы живём в надежде,
Что увяданья час далёк,
Что впереди у нас, как прежде,
Немало жизненных дорог,
Что пламя чувств и вдохновенья
Наш разум будет оживлять,
И долго опыт свой, уменья
Мы сможем людям отдавать.
Но у всего своя орбита
И срок всему определен.
С того-то, стужей обитый,
Стоит печально старый клён.*

Т.А. Ковальчук

ЗАМЕТКИ О ЧЕЛОВЕЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Когда говорят о харизме вообще, то, наверное, очень трудно подобрать слова, отражающие свое понимание данного феномена. Но данную задачу легко решить, если назвать конкретного человека, обладающего яркой харизмой.

Семен Дмитриевич Шаш с первой встречи оставлял о себе очень яркий образ, удивляющий и одновременно восхищающий. Мой педагогический стаж уже около 40 лет, а это значит, что, будучи студенткой, я слушала его лекции более 30 лет тому назад. Но до сих пор они яркой картиной встают передо мной. Образность и лаконичность, увлеченность и точность, необыкновенный педагогический такт делали каждую лекцию по философии Семена Дмитриевича интересной, а встречу с любимым преподавателем – такой желанной. И поверьте, ни у кого не возникали вопросы: «А зачем нам нужна эта философия?», «А не пойти ли лучше погулять?».

Семен Дмитриевич не переставал удивлять всегда и даже на экзамене. Он очень хорошо чувствовал каждого студента, знал, чувствовал каким-то непонятным для нас образом, на что он способен. Поэтому экзамен по философии не был простой демонстрацией усвоенных знаний, простым их воспроизведением, продолжительным «выспрашиванием». Он так умело мог подобрать и задать вопросы, что сразу было видно, что знает и понимает студент. Ему было гораздо важнее не то, что запомнил студент, а то, что он понял. Помню, отвечала я на вопрос о деятельности как философской категории. Семен Дмитриевич после моего бойкого ответа о существенных признаках деятельности сразу меня остановил и задал всего один диагностический вопрос «Вот я беру ручку и перекладываю ее на другое место. Это деятельность?» Семен Дмитриевич знал, например, что я всегда работаю с первоисточниками. И для того, чтобы показать, что при работе с ними нужно быть внимательной не только к основному содержанию, но и к деталям, фактам, он мне задал такой вопрос, который сразу дал мне понять, в чем мои проблемы.

Семен Дмитриевич обладал удивительным педагогическим мастерством, педагогическим тактом – не делая никаких нравоучений и указаний, не снижая отметку, он показывал направления нашего совершенствования. Много ли преподавателей, которые не только справедливо оценивают труд студентов, но и могут показать ненавязчиво, но убедительно перспективы его развития. Чтобы сделать последнее, надо очень хорошо знать студента, чувствовать его реальные возможности, его восприимчивость к помощи.

Семен Дмитриевич удивлял и восхищал при жизни – своим отношением к окружающим людям, к своей профессиональной деятельности, своим тонким юмором, оптимизмом, эрудицией. Самое удивительное, что это он продолжает делать и после своего ухода...

На днях я прочитала стихи Семена Дмитриевича. Не зря говорят, что талантливые люди, талантливы во всем. В этих стихах я сразу увидела именно его, Семена Дмитриевича, его чувствительность к миру, зоркий глаз, его позитивность и оптимизм, богатство его внутреннего мира. И вновь я была удивлена – его чувством природы, поэтизмом и педагогическим талантом.

Многие стихотворения относятся к разряду детских, предназначенных для его внука. Но можно с уверенностью сказать, что они будут интересны многим, читающим их. В этих стихах значительный познавательный и просто огромный воспитательный потенциал. В них содержится интересная информация об увлекательных наблюдениях автора за такими близкими для маленьких детей животными, как лиса, заяц, белка, сорока, ворона. Но не только в этом заключается их ценность. Чтобы создать такие интересные сюжеты в стихах, нужно быть очень наблюдательным, видеть необычное в обычном, повседневном и очень любить природу, а также жизнь, желать сделать ее лучше, чище. Описывая сюжеты из жизни животных (коты дерутся за кусочек хлеба, заяц на перегонки бежит с котом, лиса просит бельчонка спуститься с дерева для разговора, лиса забралась в курятник), автор в увлекательной и ненавязчивой форме знакомит ребенка с важными повседневными нормами поведения: драться плохо, важно об этом вовремя напоминать драчунам; не надо считать другого глупее себя, нельзя обижать более слабого... Содержание стихов учит сочувствовать тем, кого незаслуженно обижают, быть добрым, справедливым и не быть жестоким. Сорока в стихотворении «Коты-драчуны» только обещает наказать драчунов, если они не перестанут драться, и коты слушаются, поэтому наказания нет; лису, забравшуюся в курятник, только щипает петушок, не нанося большого вреда лисьей шубке, но при этом показывает пример храбрости, пример защиты более слабых. Все животные персонажи стихов вызывают только симпатию: и коты барс с Борисом, и умная сорока, и лиса с пушистым хвостом и в золотой шубке, и вежливая белочка, и озябший голубок... Сколько тепла, света, доброты в этих стихах! Разве не эти чувства возникают, читая строки: «Лесное диво – Шесть Боровичков!», «Мне купил щеночка Дога, Лучше Дога друга нет!», «И пара голубков летала...», «У Лисы пушистый хвост, Шубка золотая», «Котик с Зайчиком бежали, Только хвостики мелькали», «Белка вежливой была – Расспросила, как дела?»...

И даже проблема здорового образа жизни волнует автора. Зайчик выиграл у котика забег наперегонки и вот мораль:

Если хочешь бегать ловко,
Кушай мясо и морковку.

Очень интересные и глубокие стихи автора о временах года. Это не просто лирическое описание осени, зимы, лета, их пейзажей, красок природы. Это его философское отношение к жизни, ее переосмысление, его жизненная мудрость, мудрость ученого, писателя, поэта:

Деревья на людей похожи –
В них что-то от судьбы людской:
Одни сейчас, другие позже
Уходят тихо на покой.
Черед извечный соблюдая,
Сначала липы увядают,
Потом и клены, и каштаны
Стоят в оранжевых кафтанах,
А там – поникшие березы
Роняют золотые слезы...
И вот они, в ком жизнь кипела,
Кто украшал собою лес,
Уже в тиши осиротело
Читают письма небес.

Наблюдая осеннее увядание природы, у автора все-таки светлая, оптимистичная грусть, а романтические краски природы являются основой для осмысления своего предназначения, своих чувств в период «осени жизни». Прочитав следующие строки, не могу не восхищаться их глубоким смыслом, чувством природы автора; не могу не сказать, что Шаш Семен Дмитриевич был не только по профессии, но и по призванию, по своей сущности – ФИЛОСОФОМ.

Природа знает увяданье,
Но не тоску и не страданье,
Вот потому осенний лист
Так романтично золотист.
Не он ли каждому из нас,
Кто жизнь свою уже измерил,
Являться должен в трудный час
Простым, но действенным примером?

О смысле жизни человека на земле, его долге, предназначении, о значении нравственных начал в нашей жизни и для сохранения жизни на Земле С.Д. Шаш рассуждает и в своих глубоко философских стихотворениях «Homo sapiens», «Атлантида». В стихотворении «Homo sapiens» он рассуждает над вопросами: «Кто мы такие в этом мире, ...», «Кто он, живущий человек?» и печально замечает:

Одни из собственного тела
 Воздвигли для себя кумир,
 И разум их осиротело
 Взирает на духовный мир;
 Другие, ум свой обезличив,
 Ушли в логическое «Я»,
 Чтоб в беспредельности различий
 Искать единство Бытия;
 А большинство берет, что ближе,
 Была б лишь польза и почёт,
 И ничего для них нет выше,
 Чем прагматический расчет.
 И лишь немногие способны
 Наперекор слепой толпе
 Достойно жить и благородно
 Нести свет личности в себе.

Меня глубоко взволновала озабоченность автора судьбами человечества, его боль о том, что человек сам себе настойчиво и преднамеренно создает опасные проблемы, проявляя свои самые низменные чувства:

Но вместо этого планета –
 Наш неделимый, общий дом –
 Не добротой людей согрета,
 А переполнена их злом.
 Границ в потребностях не зная,
 На протяжении веков
 Мы за собою оставляем
 Раздоры, ненависть и кровь.
 Самоуверенность, гордыня,
 Корысть и низменная страсть
 Над человеком и поныне
 Имеют гибельную власть.

Боль автора, осмысление им проблем человечества и их причин говорит о том, что Семена Дмитриевича, как человека, волнуют не только обычные житейские вопросы, что его мудрость и талант, действительно, помогают «Достойно жить и благородно / Нести свет личности в себе».

Наверное, все замечаем, как нам в жизни в последнее время не хватает оптимизма, светлых чувств. Поэтому так приятно читать дальше строки стихотворения Семена Дмитриевича, в которых он снова и снова демонстрирует свой жизненный оптимизм, свою веру в то, что духовность – главный фактор нашего выживания на этой планете:

И вновь встаёт вопрос извечный:
«Кто мы такие, почему
Жестоки так, бесчеловечны?»
Ответ не ведом никому...
Но всё же верится, смиреньем
В Духовность мы откроем дверь,
И Глас нам скажет в утешенье:
«Вы Homo sapiens теперь».

Известно, что стихи автора живут, действуют, если они находят душевный отклик, если отражают то, что важно, близко для человека, читающего их. Я уверена, поэзия С.Д. Шаша должна жить долго, будет действенной потому, что она найдет отклик у многих, небезразличных людей. Мне так хочется сказать: «Спасибо, Семен Дмитриевич, за то, что своим жизненным примером, своим поэтическим даром и далее словами автора – являетесь должным в трудный час простым, но действенным примером».

П.П. Крусъ

ФИЛОСОФИЯ ДУХОВНОСТИ И ЛЮБВИ К ЧЕЛОВЕКУ

Когда вспоминают замечательного и талантливого человека стараются выделить наиболее яркие и незаурядные проявления его творческой биографии. При этом нередко подчеркивают мысль, что сама жизнь незаурядной личности и есть творчество, процесс, который преобразует мир, делая его более нарядным, красочным и, что самое важное, человечным.

Сказанное в полной мере можно отнести к характеристике С.Д. Шаша, профессора кафедры философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, недавно оставившего свои земные дела, но продолжающего согреть сердца многих людей своими неповторимыми мыслями и трудами.

Каждый из нас, хорошо знающих и длительное время работающих с ним коллег, способен представить свой собственный образ оригинального мыслителя и светлого человека. И, хотя существует риск банального повторения известных черт, но на самом деле, здесь нельзя повториться. И причиной тому выступает сама личность мудреца, его мысли и многогранность неповторимого таланта. «Человек есть тайна» – провозгласил однажды великий Ф.М. Достоевский и, что характерно, неразгадываемая тайна. Однако, приобщение к ней, стремление её постичь не только не напрасно, в этом стремлении, по его мнению, заключена подлинная человеческая сущность, в нем реализуется истинный смысл человеческого бытия.

Принимая во внимание сказанное, позвольте отойти от ряда известных обобщающих характеристик профессора С.Д. Шаша и остановиться только на двух взаимосвязанных аспектах его творческого пути: рассмотрение человека как представителя этнического сообщества и обоснование духовности как важнейшего фактора человеческого существования.

Так получилось, что еще при жизни С.Д. Шаша причисляли прежде всего к представителям классического подхода к истории философии. Подхода, в котором философия рассматривается как логика историко-философского процесса: характерная черта классической философской традиции.

В указанном отношении некоторые специалисты пытались усмотреть явный анахронизм, преувеличение эвристической роли классической философии по сравнению с рядом современных философских направлений, прямо или косвенно противоречащих прежней трактовке философской истории. Казалось, что здесь налицо явная недооценка

современной, часто иррациональной, философской мысли. Безусловно, это не так. Семён Дмитриевич был исключительно внимателен к сложным процессам духовной культуры своего времени и прекрасно понимал причины кажущегося противоречия классики и неклассики. Так, в частности, он подчеркивал такую опасность объективного толкования истории философского процесса как герменевтический круг. Чтобы избежать субъективности и односторонности в интерпретации конкретных фактов действительности, относящихся к определённому пространству и времени, необходимо уже заранее знать сущность (дух) этого пространства – времени, в которое погружены эти факты. Таким образом, вопрос заключается в необходимости занять определённую позицию до начала исследования. Как ты не уповать на интуицию, озарение и прочие иррациональные приёмы.

Как же выйти из этого герменевтического круга? Ответ как прост, так и исключительно сложен: в данной ситуации исследователь должен стремиться к обнаружению самой объективной основы, которая породила и постоянно воспроизводит основания герменевтического круга. Перед нами яркий образец блестящего диалектического мышления.

Существуют и иные способы преодоления герменевтического круга, но не один из них не выдерживает серьёзного логического анализа, если, конечно, не принять позицию современных иррационалистов относительно отсутствия какой-либо логики вообще в философско-историческом процессе. В этом случае полностью игнорируется не только трёхчленная структура познавательного процесса (бытие, сущность, понятие), но и сама рациональная природа философской рефлексии. Между тем, все эти три элемента великолепно логически взаимодействуют в классике и, прежде всего, в философии Г. Гегеля. Именно здесь, вероятно, следует искать истоки столь уважительного отношения профессора С.Д. Шаша к классической традиции философствования. Традиции, органично включающий в себя и те ценностные качества философской рефлексии во взаимодействии которых отражается подлинная специфика философского познания. Специфика же эта, как известно, заключается в том, что философия есть мировоззренческое знание и, как следует всякому мировоззрению, включает в себя органичную взаимосвязь мироощущения, мировосприятия и миропонимания, а определяет их диалектическое единство исторически определенной материально-духовной практики людей.

Философия видит мир как единое целое и поэтому предметом философской рефлексии может быть только та часть мира, которая уже подверглась материально-духовной практике людей конкретной эпохи. Таким образом, философия в своих учениях представляет этот целостный мир, что выражает подлинную сущность предмета философии и олицетворяет её неподдельную и всегда практическую направленность.

В указанном контексте всегда рассматривал философский процесс профессор С.Д. Шаш. Становится понятным по этой причине обращение мыслителя к некоторым чрезвычайно актуальным темам исследования: антропологии и этнологии. Так появилась одна из наиболее оригинальных его работ «Человек и этнос». Эта книга представляет собой удачное сочетание оригинальной философской мысли с великолепным методическим преподнесением материала. Неудивительно, что издание было рекомендовано научно-методическим центром учебной книги и средств обучения Министерства образования и науки Республики Беларусь в качестве учебно-методического пособия для студентов исторических факультетов высших педагогических учебных заведений. На самом деле книга, что в целом характерно для автора, легко читается и может быть адресована самому широкому кругу читателей.

Перед нами глубокий, действительно философский аспект рассмотрения проблемы «человек – этнос». Актуальность темы объясняется не только обострением межэтнических отношений в конце двадцатого столетия. Главной причиной обращения к теме, по мнению философа, выступает недостаточный уровень разработки третьей формы гносеологической структуры отношения человека к миру – теоретически осмысленного единства субъекта и объекта, т.е., «...когда такое единство опосредуется особенным, когда преодолевается оппозиция «единичное – общее», возникают предпосылки для анализа этноса как необходимого элемента в структуре «индивидуальный человек – этнос – общее (природа, общество и т.д.)»». Однако, это происходит уже на довольно поздней ступени социокультурного развития и выражает специфику рефлексии того типа мировоззрения, которое формируется в наше время и которое, как представляется, предопределяет характер будущей эпохи. В его основе наряду с «диалектическим мышлением», «экологическим сознанием», «общечеловеческими ценностями» подобающее место займет и «этническое самосознание» как психогносеологическая установка на единство человеческого рода и субстанциальная форма личного достоинства каждого человека» [1, с. 7].

Довольно длинное цитирование здесь необходимо, так как позволяет достаточно объёмно представить не только особый характер философского рассмотрения автором базисного отношения «человек – этнос», но и лаконично и чётко выразить его творческое кредо. Логика используется здесь исключительно в ограниченных рамках своего предмета, как один из способов и одновременно уровней постижения сложной природы человека. Человека, как существа, одним из важнейших модусов которого выступает духовное начало, начало, принципиально не подвластное одностороннему рационализаторству. Впрочем, ни один из уровней человеческого бытия не

поддаётся глубокому анализу в отрыве от системных взаимосвязей с другими проявлениями человеческой активности.

В указанном контексте поистине ключевым интегральным понятием всего человекознания выступает понятие «смысл жизни человека». Не удивительно, что С.Д. Шаш самое пристальное внимание уделял этой ключевой проблеме философской антропологии. Системный характер термина «смысл жизни» предполагает скрупулёзный учёт диалектической взаимосвязи различных уровней человеческого существования. Рассматривая проблему «смысла жизни» в контексте субстратно-полевой модели человека и этносообщества профессор С.Д. Шаш констатирует: человечество лишь приступает к своей социальной истории. Для действительной социальной истории оно должно функционировать на «собственной основе – на основе общечеловеческих целей и ценностей...» [1, с. 145].

Переход к такому этапу предполагает совершенствование духовных качеств личности. Только высокий уровень духовности позволит человечеству справиться с лавинами глобальных проблем, с ускорением приближающихся с каждым годом.

Общечеловеческие ценности, любовь и сопричастность – вот действенные факторы вступления людей в подлинно социальный этап своего развития. В необходимости осуществлять высокие гуманистические идеалы и духовные ценности заключается истинный смысл человеческой жизни.

Рассмотрение духовности – серьёзная проблема для каждого мыслителя. Здесь бессильна формальная логика. Не существует и, вероятно, не может существовать ее однозначного понимания. С.Д. Шашу удалось предложить, на наш взгляд, оригинальное, весьма яркое и методологически значимое определение этого понятия: «Духовность является внутренним, психическим состоянием человека, в основе которого лежит императив творить благо, что субъективно понимается как истинный смысл и подлинная цель человеческой жизни [2, с. 24].

Именно к такой цели были направлены жизнь и творчество замечательного учёного. Его неповторимые работы заставляют современного читателя серьёзно задуматься о сущности и подлинных ценностях жизни, помогают разбираться в её сложных хитросплетениях. Рукописи, как известно, не горят, а значит, что их ожидает славная судьба.

Герой философско-исторической повести С.Д. Шаша «Элевтерия» Деметрий сказал: «Истинная любовь к человеку – это глубокое чувство теплоты и привязанности ко всем людям, как к своим братьям, независимо от того, кто они и как к тебе относятся; это забота о каждом человеке, большая чем о себе; это радость за успехи других; это готовность самопожертвования во имя блага других; это сострадание и участие в горе своего ближнего; это правдивость и честность, искренность и доброта в

отношении с любым человеком, даже если он твой враг. Вот что я понимаю под истинной любовью к человеку» [3, с. 54].

Провозглашать такое отношение к человеку – удел истинной мудрости, которой в полной мере обладал С.Д. Шаш и которую преподавал нам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаш, С.Д. Человек и этнос (философский аспект): учебно-методические пособие для студентов исторических факультетов высших педагогических учебных заведений / С.Д. Шаш. – Брест : БрГПИ – частное издательство С. Лаврова, 1995. – 184 с.

2. Шаш, С.Д. Разум и духовность // Философские проблемы образования и воспитания студенческой молодежи : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Брест, 22–23 апреля 2009 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, каф. философии ; редкол.: В.А. Степанович [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 23–27.

3. Шаш, С.Д. Элевтерия / С.Д. Шаш. – Брест : Альтернатива, 2007. – 160 с.

Е.Н. Григорович

ИСТИНА – ЦЕЛЬ ПОИСКА И ЛИЧНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Философствование присуще самой природе человека. Именно поэтому оно как явление демократично по своей сути. Знать философию может любой, кто пожелает освоить некоторую сумму знаний, познакомиться с текстами выдающихся мыслителей, овладеть категориальным аппаратом философской науки. А вот быть философом дано не каждому. Совершенно очевидно, что Семён Дмитриевич Шаш был философом. И, как настоящий философ, искал истину.

«Я всюду Истину искал:
Учёных слушал, мудрецов,
Трактаты древние читал,
В простой народ за ней ходил,
Но кроме вымысла и слов,
Её нигде не находил». –

написал Семён Дмитриевич в апреле 2011 года.

В стихотворении «О познании» (2007 г.) он задаёт всё тот же вопрос:

«Кто знает сущность Мироздания,
Кто смысл и цель его постиг
И в многогласии Быванья
Расслышал Истины язык?
Кто разгадал феномен Жизни
И тайну Разума раскрыл?
Кто с Провиденьем, словно с ближним,
О судьбах Мира говорил?»

Отвечая на поставленный вопрос, автор выносит неутешительный вердикт:

«Никто из живших и живущих...»

Размышляя о возможностях и границах человеческого познания в стихотворении «Ното sapiens» (2007 г.), автор приходит к выводу:

«Когда бы разум в самом деле
Людскому роду был присущ,
То мы бы мир уж свой успели
Создать не хуже райских кущ».

Глубокое знание философии, опыт собственной жизни позволили Семену Дмитриевичу в том же стихотворении очень высоко оценить роль духовности в жизни человека. В диалектическом единстве «духовность-рациональность» ведущим компонентом выступает духовность:

«Кто мы такие, почему
Жестоки так, бесчеловечны?»
Ответ не ведом никому...
Но всё же верится, смиреньем
В Духовность мы откроем дверь,
И Глас нам скажет в утешенье:
«Вы Homo sapiens теперь».

Это, безусловно, рациональное философствование, но окрылённое духом и согретое душою. Представляется, что именно такие размышления имеют право называться философией.

Еще великий Иммануил Кант выделил 4 вечные проблемы философии: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что есть человек?» Это – вечные проблемы, на которые отвечает каждая эпоха, и которые уточняет каждый истинный философ.

Свою «Атлантиду» Семён Дмитриевич завершает вопросом-обращением:

«А может быть, не там мы ищем,
И Атлантида в нас самих?:
Быть может, нам великий эллин
Не быль, а притчу рассказал
О том, что ждёт нас всех, ежели
Лишимся нравственных начал
И разум свой, свои умения
Себе во зло употребим?»

Размышляя о философском познании мира, традиционно принято говорить о двух устойчивых формах познания бытия человеком: 1) познание сущности мира; 2) познание сущности человеческой жизни. Познание сущности мира у С.Д. Шаша сопровождалось стремлением подчеркнуть разумность мироздания, что хорошо просматривается уже на уровне категориального аппарата: «Логос Вселенной», «Мудрость-Бог», «Сын-Логос Всемогущий». Он не переставал восхищаться разумным устройством мира и когда рассказывал студентам о строении Вселенной, и когда делился с коллегами по кафедре собственными наблюдениями за жизнью пчёл – социальных насекомых, рационально организующих свою жизнь.

Рассказывая о чем бы то ни было, Семён Дмитриевич никогда не подавлял своего собеседника превосходством ума, охотно делился знаниями, практическим опытом. Будучи по натуре человеком щедрым и

великодушным, Семён Дмитриевич охотно делился как методическими советами, методологическими подходами с дипломниками и аспирантами, так и семечками, орешками со своими подопечными – белочками, к которым испытывал нежную привязанность, и которых регулярно навещал в парке воинов-интернационалистов.

Он был готов к постоянному творческому поиску и личностному росту. Целью каждого собственного поиска и личных размышлений была *истина* (а отнюдь не авторитетная позиция ученого-философа). Вспоминается, с какой серьезностью и научной тщательностью Семен Дмитриевич исследовал вошедшие в моду в начале 90-х гороскопы, пытаюсь ответить для себя на вопрос, что лежит в их основе: законы Вселенной, влияние космоса на человека или чистое шарлатанство? Но отличительной особенностью исследования любой проблемы была глубина философского анализа. И многие вопросы рассматривались в целостной системе нравственных категорий добра, любви, радости, сострадания, счастья и т.д.

Не только глубиной и выразительностью отличается постановка философских вопросов о смысле жизни. Размышления о быстротечности времени, о конечности земной жизни, о связи жизни и смерти показывают гармонию мира, заставляют задуматься, призывают восхититься разумным устройством Вселенной, но ни в коем случае не оставляют равнодушным читателя или слушателя.

«Деревья на людей похожи –
В них что-то от судьбы людской:
Одни сейчас, другие позже
Уходят тихо на покой.
Черед извечный соблюдая,
Сначала липы увядают,
Потом и клёны, и каштаны
Стоят в оранжевых кафтанах,
А там – поникшие березы
Роняют золотые слезы...»

Основное противоречие жизни – рождение-смерть – рассматривается по-философски мудро и сдержанно:

«Природа знает увяданье,
Но не тоску и не страданье.
Вот потому осенний лист
Так романтично золотист.
Не он ли каждому из нас,
Кто жизнь свою уже измерил,
Являться должен в трудный час
Простым, но действенным примером?»

И даже детские стихотворения и сказки Семёна Дмитриевича, написанные в полушутливой, полусерьёзной форме, рассчитанные на самого маленького почитателя философского и литературного творчества – внука, наполнены глубоким смыслом, персонажи наделены способностью оценивать свои и чужие поступки, а зло, несправедливость, жестокость обязательно бывают раскрыты и наказаны.

«Но зайчишка, хоть раскосый
 Видел все, умен поди!
 Оставался Волк тот с носом –
 И кричал, Ну – Погоди!»

А здесь ненавязчивое замечание в адрес вороны, интеллигентная неловкость за чужую невоспитанность:

«Мне стало жалко голубка,
 Я дал ему кусок батона
 Но, тут же где-то с высока
 Явилась серая ворона.
 Батончик клюнула она
 И быстро, быстро удалилась.
 Видать, была так голодна,
 Что с голубком не поделилась»

Нам – друзьям, коллегам, ученикам Семёна Дмитриевича несказанно повезло. Мы столкнулись с весьма редким явлением: философом по призванию, учителем жизни. Философия – это его личная судьба, наполненная духовным содержанием и душевным теплом.

С.Д. Шап

РАЗУМ И ДУХОВНОСТЬ

Разум – это способность человека постигать существенные, закономерные связи вещей и явлений объективно наличной или прогнозируемой действительности. Духовность является внутренним, психическим состоянием человека, в основе которого лежит императив творить благо, что субъективно понимается как истинный смысл и подлинная цель человеческой жизни.

Разум и духовность тесно взаимосвязаны, поскольку представляют свойства одного и того же сознания и имеют общий источник своего происхождения – Единое информационное поле Универсума. Но по своей функциональной направленности они различны: разум создает системы логико-гносеологических категорий, служащие людям теоретико-методологическим инструментарием практического освоения и преобразования мира, духовность же «очеловечивает» мир, утверждает те нравственно-эстетические нормы и ценностные ориентации, которые способствуют внутреннему совершенствованию человека и обеспечивают культурно-психологическую стабильность общества; разум нацелен, прежде всего, на получение прагматических, утилитарных результатов, духовность лишена грубо меркантильных, сиюминутных интересов.

В указанном различии потенциально содержится коллизия разума и духовности человека. Ведь преследуя какие-то действительные или мнимые утилитарные цели, разум легко попирает духовность. Утратив же толерантность и смирение, присущие духовности, он становится жестоким и агрессивным. В результате, сознание человека фрустрируется – разум оказывается бездуховным, а духовность неразумной. Позитивный выход из этого может быть только один – восстановление естественной связи между разумом и духовностью, при которой понятия «человек разумный» и «человек духовный» становятся синонимами.

НОМО SAPIENS

Как только первый луч познания
Пробив неведения тьму,
Скользнул по высям Мироздания
И сонм вещей открыл уму,
Мы на себя взор обратили,
И жгучим стал для нас вопрос:
Кто мы такие в этом мире,
Исконны здесь иль нас принёс
Из дальних Сущностей небесных
Могучий Логос для того
Чтобы в обличии телесном
Достичь предела своего?
Иль может, вещая Природа
В какой-то ей известный час
В порыве к собственной свободе
Искусно сотворила нас?

Догадок целые торосы
Мы громоздим который век!
Но нет согласия в вопросе:
Кто он, живущий человек?
В одном сошлись как будто твердо,
Что *Homo sapiens* мы суть.
Но это тоже не бесспорно,
Ежели пристальной взглянуть:
Одни из собственного тела
Воздвигли для себя кумир,
И разум их осиротело
Взирает на духовный мир;
Другие, ум свой обезличив,
Ушли в логическое «Я»,
Чтоб в беспредельности различий
Искать единство Бытия;
А большинство берет, что ближе,
Была б лишь польза и почёт,

И ничего для них нет выше,
Чем прагматический расчет.
И лишь немногие способны
Наперекор слепой толпе
Достойно жить и благородно
Нести свет личности в себе.

Но разве в силах единицы
Всех нас настолько представлять,
Чтоб в ткань научных дефиниций
Могли мы разум свой включать?
Когда бы разум в самом деле
Людскому роду был присущ,
То мы бы мир уж свой успели
Создать не хуже райских кущ.
Но вместо этого планета –
Наш неделимый, общий дом –
Не добротой людей согрета,
А переполнена их злом.
Границ в потребностях не зная,
На протяжении веков
Мы за собою оставляем
Раздоры, ненависть и кровь.
Самоуверенность, гордыня,
Корысть и низменная страсть
Над человеком и поныне
Имеют гибельную власть.
И вновь встаёт вопрос извечный:
«Кто мы такие, почему
Жестоки так, бесчеловечны?»
Ответ не ведом никому...
Но всё же верится, смиреньем
В Духовность мы отроем дверь,
И Глас нам скажет в утешенье:
«Вы Homo sapiens теперь».

17.12.2007

О ПОЗНАНИИ

Кто знает сущность Мироздания,
Кто смысл и цель его постиг
И в многогласии Быванья
Расслышал Истины язык?
Кто разгадал феномен Жизни
И тайну Разума раскрыл?
Кто с Провиденьем, словно с ближним,
О судьбах Мира говорил?

Никто из живших и живущих
Сказать не может: «Это я
В пластах времен быстротекущих
Нашел Константу Бытия
И слившись с Логосом Вселенной,
Узревши сразу все века,
Проникся знаньем сокровенным –
Откуда всё, зачем и как».

Ведь чтобы смертный это сделал
И, наконец, вошёл в Чертог,
Где все Начала и Пределы
В себе содержит Мудрость-Бог,
Он должен стать отцом творений,
Давать им жизнь и точный век,
Но даже самый мощный гений
Всего лишь слабый человек.

И, тем не менее, стараньем
Умов великих мы смогли
Обрести различнейшие знания
О многих таинствах Земли;
Нам ближе Космос стал далёкий,
Мы вглубь себя открыли путь
И в мир высоких технологий
Уже сумели заглянуть.

Но гордый демон самомненья
Не устаёт нас соблазнять:
«Ищите ключ от Сотворенья –
Пора всеильными вам стать».
И мы с упорством дерзновенным
Опять разыскиваем Знак,
Ведущий к тайне сокровенной –
Откуда всё, зачем и как.

И вот одна из тех теорий,
В которой к Сущему пути,
Пускай и в форме аллегорий
Как будто мы смогли найти.
Согласно ей, всё Мирозданье
Есть Информация. Она
Единым Полем, словно дланью,
Творя, объемлет все тела.
Она субстрат их и основа,
Она сама чрез них живет,
Всегда стара и вечно нова –
Не ведом ей веков черед.
Но Информация трёхлика:
В себе Извечное храня,
Она-Отец и Вседержитель
Времён, пространств и бытия;
А как Творец всего, что суще,
Как Указатель всех дорог,
Она – Сын-Логос Всемогущий
И Дух – Хранитель наш и Рок.
Вот потому в любых явлениях
Субстрат, энергия и код –
Взаимосвязанные звенья,
Всего живущего оплот.
Они исток разнообразья,
Единства подлинный залог,
Поскольку в их взаимосвязи
Себя являет сущий Бог.

И если связь их и значение
В единой формуле постичь,
То и ключи от Сотворенья
Мы вроде сможем получить.
И мнится нам, что преуспеем,
Ведь мысль и вправду глубока,
Но только станет ли яснее,
Откуда всё, зачем и как?..

27.11. 2007

АТЛАНТИДА

Платон, прозорливый мыслитель,
Чей гений светит и сейчас,
В своих трудах «Тимей» и «Критий»
Оставил нам такой рассказ:

«Жрецы Египта говорили,
Что девять тысяч лет назад
За Геркулесовым проливом,
Где солнца нашего закат
В волнах лазурных золотился,
Обширный остров испокон
Творенья мира находился.
Морской владыка Посейдон
Его по жребию когда-то
В удел от Зевса получил.
Земля там всем была богата –
Обитель райская почти:
И плодородные равнины,
И моноготравные луга,
И гор зелёные вершины,
И реки в тихих берегах;
Различной дичью в изобилии
Леса в горах были полны,

И даже семьями бродили
Среди кустарников слоны;
Стада в лугах и перелесках
Паслись свободно круглый год,
И нивы тучные небесный,
Казалось, глядят горизонт;
А в недрах – камни-самоцветы,
Янтарь и золото, и медь...
Земля не каждая на свете
Богатства те могла иметь!

И жил на острове великом
Во всём достойный род людской.
Царей им дал морской владыка,
Зачав от женщины земной.
Она пять раз ему родила
По паре чудных сыновей,
Вскормила их и возрастила
Как истых божеских детей.
Сам Посейдон давал им знанья,
Учил, как в мире надо жить,
Чтобы греховным послушаньем
Богов бессмертных не гневить.
«Ведь Демиург, творец Вселенной, –
Сынам он строго говорил, –
Душой разумной и нетленной
Людей для счастья одарил.
Она, как светоч негасимый,
Всказует людям к жизни путь,
Не позволяя в благах мнимых,
Утратив разум, утонуть.
Но в смертных есть душа другая,
Она рождается, живёт
И вместе с телом умирает,
Поскольку к жизни не ведёт;
Она полна огнём желаний
И скверной низменных страстей,

Она ввергает в ад страданий
Любого, кто подвластен ей.
И горе обществу, в котором
Рабов души той большинство:
Накажет Зевс его сурово,
Не пощадит он никого –
Погибнет малый и великий,
Исчезнет даже их земля». –
Так говорил морской владыка
Внимавшим в страхе сыновьям.

Когда же чада возмужали,
Набрались опыта и сил,
Владыка равными частями
Меж ними остров поделил.
Уделы были равноценны,
Но часть центральную он дал
Тому, кто в день благословенный
Мир Зевса первым увидал.
За силу, смелость и таланты,
За то, что скромен был и тих,
Назвал он первенца Атлантом
И главным сделал среди других.
Отсюда люди, что там жили,
Держава, остров, вокруг моря
В своём названии носили
То имя первого царя.
И вскоре с помощью владыки
Цари воздвигли города,
Каких и Гелиос великий
С небес не видел никогда:
Дворцы и храмы из гранита
В объятых мраморных колонн
На возвышениях открытых
Сияли золотом, серебром;
Прямые улицы с домами
Людей и знатных и простых

С холмов кварталами сбегали
К стенам и башням крепостным;
Палестры, портики, каналы,
Купальни с теплою водой –
И всё искрилось и блистало
Отделкой самой дорогой.
Ведь драгоценные металлы,
Янтарь и камни всех родов
Служили здесь материалом
Для украшения городов.
Так, золотые изваянья
Богов, героев, граждан тех,
Чей разум, сила и старанья
Имели признанный успех,
Стояли всюду – на агоре,
В священных рощах, среди садов,
Вблизи ристалищ, ипподромов
И даже в двориках домов.
Никто не знал ведь недостатка
В одежде, крове иль еде
И не копил себе украдкой
Каких-то средств на черный день.
К тому ж атланты соблюдали
Со всею строгостью закон,
Что в главном храме на скрижали
Им начертал сам Посейдон:
«Благая жизнь несовместима
С корыстью, завистью и злом –
Они ведут неотвратимо
К паденью нравов и умов.
Дорога к счастью пролегает
Чрез добродетель и любовь,
И да никто не нарушает
Заветов праведных богов».
Царям же дал он предписание:
«Союз незыблемый хранить,
Чтобы любое испытанье

Могла держава пережить;
Не допускать вражды, измены,
А помолясь у алтаря,
Решать по-братски все проблемы
С участием главного царя;
Не отступать ни в чём от меры,
Вершить по совести дела,
Чтоб жизнь царей благим примером
Во всём для подданных была».
И государство процветало.
Не зная рабства, войн и смут,
Оно снискало себе славу
Страны, где свято берегут
Устои равенства и братства,
Где ум и нравственность людей
Ценились больше, чем богатство
Иль величавость должностей.
И все окрестные народы
Не в силах были уяснить,
Как можно знаньем и свободой
Так чудно жизнь преобразить.
Но время шло, и постепенно
Возобладал разгул страстей –
Что было низким и презренным,
То стало ценным для людей.
Нажива, власть, а вместе с ними
Злорадство, ненависть, обман
Сердца атлантов охватили,
Как удушающий аркан.
Законы отчие, преданья,
Что жизнь крепили, как столпы,
Предметом стали осмеянья
В глазах разнузданной толпы.
И удалилась добродетель
Не в силах видеть сей позор,
А с ней и дух былых столетий
Угас, как залитый костер.

Верховный бог всего Творенья,
Что на Олимпе восседал,
Атлантам грозные знаменья
Не раз уж в гневе посылал:
То черной мглой покроет горы,
То поколеблет твердь земли,
То вспенит волны в тихом море
И уничтожит корабли.

Но люди Зевсу не внимали...
Тогда созвал он всех богов
И обратился к ним с словами:
«С тех пор, как вы земных сынов
По моей воле сотворили,
Достойней я не знал людей,
Чем те, что остров населили
В пределах западных морей.
Заветы наши соблюдая
И нравы чистые храня,
Они страну земного рая
Создать сумели для себя.
Но истошилось в них начало
Души бессмертной, и они,
Погрязнув в распрях небывалых,
Дорогой гибели пошли.
Безумством алчности, гордыни
Они внесли в наш мир разлад,
А потому для них отныне
Дороги к жизни нет назад».

Молчали боги, понимая,
Что жребий брошен на весы,
А Атлантида доживает
Свои последние часы.
Ведь Зевс, хранитель Мирозданья,
Сурово каждого карал,

Кто демоническим деяньем
Основы жизни подрывал.
И вот Кронидовой рукою
Разверзлось море, и страна
Была чудовищной волною
В пучине вод погребена...»

Прошли столетия. Эпохи
Уже сменилися не раз,
Но был о тех веках далёких
И по сей день волнует нас.
Все изучаем текст Платона,
Не устаем холмы копать
И рыщем в царстве Посейдона,
Стремясь хоть что-то отыскать.
Но нет ни храмов, ни жилища,
Ни изваяний золотых...
А может быть, не там мы ищем,
И Атлантида в нас самих?
Быть может, нам великий эллин
Не был, а притчу рассказал
О том, что ждёт нас всех, ежели
Лишимся нравственных начал
И разум свой, свои умения
Себе во зло употребим?
Скорей всего, философ древний
О том для нас и говорил.
Тогда свою нам Атлантиду
Искать и нужно, чтоб сберечь.
Ведь знаки есть уж от Кронида...
Неужто ждём и его речь?!

С.Д. Шап

**ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ**

ИСТИНА

Я всюду Истину искал:
Учёных слушал, мудрецов,
Трактаты, древние читал,
В простой народ за ней ходил,
Но кроме вымысла и слов,
Её нигде не находил.
Никто не знает Бытия,
Его пространств, его времён,
Его незримого огня,
Что мирозданья создаёт
И в сущей многости имён
Единым логосом живет.
И никому неведом путь,
Что изначально дан нам всем,
Его ведь истинная суть
В простом бываньи не видна,
Лишь в диалоге с Бытием
Понятной может стать она.
Я не вступил с ним в диалог.
С годами стало ясно мне,
Что среди логических дорог
К нему чрез храм ведет стезя,
И в храм пошёл, но в вышине
Кресты сокрылись от меня...
И всё ж продолжен будет труд –
Другие люди в час иной
К заветной Истине придут,
И ныне страждущий народ,
Познав вселенский жребий свой,
Покой и счастье обретёт.

10.04.2011

КЛЁН

Осенней стужею обитый
Стоит печально старый клён.
Листвы золоченные кипы
Себе под ноги сбросил он.

А ведь еще совсем недавно
На солнце кроною сверкал
И с видом царственно-державным
На мир окрестный он взирал.

Ему казалось будто силу
Природа щедрою рукой
В него такую заложила,
Что не уйдет он на покой,
Что и под зимними ветрами
Он избежит объятий сна
И золотыми мотыльками
Продолжить сеять семена.

Не так ли мы живём в надежде,
Что увяданья час далёк,
Что впереди у нас, как прежде,
Немало жизненных дорог,
Что пламя чувств и вдохновенья
Наш разум будет оживлять,
И долго опыт свой, уменья
Мы сможем людям отдавать.

Но у всего своя орбита
И срок всему определён.
С того-то, стужею обитый,
Стоит печально старый клён.

03.12.2009

СОН

Как будто люди за обедом,
Среди стола свеча горит,
Идет негромкая беседа,
И некто, слышу, говорит:
«Любила жизнь его не крепко
И не звала на карнавал,
Но чарку добрую нередко
В кругу друзей он выпивал.

Там рассуждал он о законах,
О сути жизненных начал
И тексты Гегеля, Платона
В трактовке собственной читал.

Немало в этих разговорах
Родилось зёрен тех идей,
Что после диспутов и споров
Вошли в ряд книжек и статей.

Согретый дружеским вниманьем
Таить он мысли не умел,
Делился щедро своим знаньем
С любим, кто этого хотел.

И рад он был успеху ближних,
Советом, делом помогал,
Ведь добротой душевной движим
Он чувства зависти не знал.

Подобно древнему Сократу,
В умах зажечь умел он свет.
И велика для нас утрата,
Что с нами больше его нет».

Хотел узнать я, кто же это,
Быть может, он и мне знаком?
Спросил, но не было ответа –
Не слышим был я за столом...

Февраль 2010

* * *

В далекой юности моей
Немало я имел друзей
Благих намерений полны
К большим делам стремились мы.

Казалось, мир без нас не мог
Найти в грядущее дорог,
Ведь только мы имели план,
Как вскрыть общественный обман,
Чтоб справедливость и закон
Навек вселились в каждый дом.

Однако, в жизни штормовой
Мы оказались за кормой.
И каждый путь нашел себе
Быть может, радуясь судьбе
Теперь уж некоторых нет,
Других не видел много лет.

И вот, доживши до седин,
Остался ныне я один.
Но голоса моих друзей
Слышны в душе и до сих дней...

28.06.2011

НА 27 АВГУСТА 2009 ГОДА

В хибарке тесной возле Бреста
Живу один, как под арестом,
И редко в гости кто ко мне
Сюда приедет. В тишине
Душа волнения не знает,
Порой лишь память полистает
Страницы прошлого. Тогда
Немного дух мой оживляет,
И легче кажутся года.
Но лишь на время, на мгновенье,
Ведь здесь, в своём уединенье,
Я пенье птиц, жужжанье пчёл
Людскому шуму предпочёл
И, погасив огня познания,
Предался неге созерцания.
Однако знаю, в тишине
Вернётся творчество ко мне,
И уж в хибарке возле Бреста
Мой дух не будет под арестом:
Идеи вспыхнут как костёр,
Рванутся чувства на простор,
Статьи и рифмы на бумагу
Легко, как прежде, снова лягут.
И спросят: «Сколько ж ему лет,
Что всё философ и поэт?»
Ответ простой: уединенье,
В душе рождает вдохновенье,
А коль душа вдохновлена,
Не знает старости она.

С.Д. Шап

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С ВНУКОМ

ОСЕННИЙ ЛЕС

Синей акварелью
Небо растекалось,
И грибную прелью
Лес пропах насквозь.
Всюду паутина,
Точно пряди кос.
Тишиной застыла
Осень среди берез.
Лишь порою сверху
Над листвой осин
Прокурлычет редкий
Журавлиный клин.
Только не бывает
Здесь прощальных слез –
Осень их смывает
Дождиками грёз.

***

Деревья на людей похожи –
В них что-то от судьбы людской:
Одни сейчас, другие позже
Уходят тихо на покой.
Черед извечный соблюдая,
Сначала липы увядают,
Потом и клены, и каштаны
Стоят в оранжевых кафтанах,
А там – поникшие березы
Роняют золотые слезы...
И вот они, в ком жизнь кипела,
Кто украшал собою лес,
Уже в тиши осиротело
Читают письма небес.
03.09.2007

***

Вчера лишь солнышко светило,
А нынче вижу рано утром:
Как будто сахарною пудрой
Снежком листву запорошило.
Вот так неслышно, незаметно,
Набравшись сил за «бабье лето»,
По октябрьским тихим дням
Зима подкрадывается к нам.

***

Природа знает увяданье,
Но не тоску и не страданье,
Вот потому осенний лист
Так романтично золотист.
Не он ли каждому из нас,
Кто жизнь свою уже измерил,
Являться должен в трудный час
Простым, но действенным примером?
05.10.2007

***

Деревья на людей похожи –
В них что-то от судьбы людской:
Одни сейчас, другие позже
Уходят тихо на покой.
Черед извечный соблюдая,
Сначала липы увядают,
Потом и клены, и каштаны
Стоят в оранжевых кафтанах,
А там – поникшие березы
Роняют золотые слезы...
И вот они, в ком жизнь кипела,
Кто украшал собою лес,
Уже в тиши осиротело
Читают письма небес.
03.09.2007

НОВЫЙ ГОД

Вот Новый Год пришел опять,
Развесил снег на ветках ели,
И зайки будут теперь спать
В пушистой беленькой постели.
Среди нарядного двора
Шумит, резвится детвора.
Немножко, правда, щиплет в нос,
И зябнут в рукавичках руки,
Но это Дедушка Мороз
Играет с нами так и шутит.
Для всех прекрасная пора!
Друг друга люди поздравляют:
Здоровья, счастья и добра
Они от всей души желают.
Да, Новый Год пришел опять,
И он особенно веселый –
Ведь мне теперь уже не пять,
И, наконец, пойду я в школу!

27.12. 2001

КОТЫ-ДРАЧУНЫ

Барс с Борисом во дворе
Хлеб не поделили
И на радость детворе
Драку учинили.
Раздуваются, шипят,
Прижимают уши,
А не знают, что ребят
Этому не учат.
С ветки цыкнула на них
Умная сорока:
«Ну-ка, брысь! А то я в миг
Клюну ненароком».

Испугались коты,
Тихими вдруг стали,
И, пригнувшись, в кусты
Тут же убежали.

ЛИСА ВО ДВОРЕ

Случилось как-то в декабре
Лиса к нам в гости прибежала.
Ходили куры во дворе
И пара голубков летала.
Все куры бросились бежать,
Но петушок не растерялся
И ну, давай лису щипать,
А белый голубь рассмеялся:
«Ага, проказница Лиса,
Хотела курочку, цыпленка?
Беги скорей в свои леса,
Пока цела твоя шубёнка!»

***

На свете много есть чудес:
Лисичка любит темный лес,
А Свинка – лужи во дворе,
На радость нашей детворе.
«Тяв-тяв!» – Кричит Лиса из лесу.-
«Хрю-хрю!» - ей Свинка отвечает.
За всем за этим с интересом
Я очень часто наблюдаю.

***

Летним днем в густом лесу
Белка встретила Лису.
Меж кустов она бежала,
Пышным хвостиком виляла.
Белка вежливой была –
Расспросила, как дела?
Лиска носик облизала
И так вкрадчиво сказала:
«А ты, Белка, с ветки слезь,
Побеседуем мы здесь».
Белка фыркнула в ответ:
«Нет, Лиса, прости, уж нет!
На, лови сухой грибок,
Об него чеши зубок».
Так закончили беседу
Два пушистые соседа.
Лиска в поле побежала
Птиц и мышек промышлять,
Белка в чашу ускакала,
Чтоб орехи собирать.

***

У Лисы пушистый хвост,
Шубка золотая.
Несмотря на малый рост
Она очень не простая:
Лиса Волка обманет
Зайку напугает,
А в курятник заглянет,
Даже Бобик не залает!

***

Как-то в поле, у реки,
Шла игра вперегонки,
Котик с Зайчиком бежали,
Только хвостики мелькали
Но, как котик не старался,
Зайчик первым оказался
Зайчик котику сказал:
«Плохо, братец, ты бежал»
Если хочешь бегать ловко,
Кушай, мясо и морковку!

***

Я друзей имею много,
Но хочу, чтоб Сеня, дед,
Мне купил щеночка Дога,
Лучше Дога друга нет!
Будет он со мной играть,
И на улице гулять,
На Фольцвагене кататься,
И квартиру охранять.

***

Синей акварелью
Небо растекалось,
И грибною прелью,
Лес пропах насквозь.
С папою и Димой,
Ходим средь кустов,
Вдруг! Лесное диво –
Шесть Боровичков!
Рвать, конечно, грустно,
Но скажу я Вам,
Мама супчик вкусный,
Приготовит нам.

***

Жили-были Волк и Зайчик,
Как показано в кино,
Зайчик был хороший мальчик,
А Волк немножко не того.
Он за зайчиком гонялся,
Укусить его хотел,
Как стилияга одевался,
Папиросою пыхтел,
Но зайчишка, хоть раскосый
Видел все, умен поди!
Оставался Волк тот с носом –
И кричал, Ну - Погоди!

***

К птенцам подбирался,
Тигренок задира,
Да только не знал,
Что хозяйка строга!
А ну-ка, назад,
Здесь чужая квартира!
Мы в гости, Вас, сударь
Не звали пока.

ГОЛУБЬ И ВОРОНА

Осенний ветер был сердит:
Бросал он дождик мне в окошко.
Вдруг, вижу – голубок сидит,
Поджав озябнувшую ножку.
Мне стало жалко голубка,
Я дал ему кусок батона
Но, тут же где-то с висока
Явилась серая ворона.

Батончик клюнула она
 И быстро, быстро удалилась.
 Видать, была так голодна,
 Что с голубком не поделилась.

***

В снегу деревья и дома,
 Синички за окошком,
 Глядишь, пришла зима
 Пушистой белой кошкой.
 Мальчишки радостный народ,
 Мы очень любим санки.
 И Дед Мороз под Новый Год
 Приносит нам подарки.

***

Привет, Сашуля, я косой:
 Моя фамилия такая.
 В лесу и по полю босой
 Зимой и летом я гуляю.
 Ищу, где травка посочнее,
 Морковь с капустою растет.
 Игратья с ежиком умею,
 А Волк меня не проведет.
 Давай дружить, я расскажу
 Тебе секреты про зверей,
 А в лес придешь – так покажу
 Свою избушку без дверей.
 Она под кустиком в траве,
 Вот жаль, что нету там игрушек,
 Бери машинки и ко мне,
 Уверен – нам не будет скучно.

С.Д. Шаш

БАЛЛАДА О КНЯЗЕ ИГОРЕ

Доволен князем был народ –
Для славы русской потрудился:
На Цареград свершил поход
И с данью знатной возвратился.
Оружье, слитки серебра,
Парчу, изделия золотые
И много всякого добра
Привез князь Игорь в стольный Киев.

Весь город шумно ликовал:
Застолья, песни, хороводы.
Один лишь князь древлянский Мал
Почти не пил хмельного меду.
Сидел он молча за столом
И в сердце не было веселья,
Ведь дань с Олеговых времен
Платил и край его удельный.

Чужая киевская власть
Древлян давно уж тяготила.
Страна однажды поднялась
И вольность предков возродила,
Но Игорь к ним пришел тогда,
Жестоко подавил восстанье,
Разграбил веси, города
И вновь принудил к тяжелой дани.

«Что, князь, не весел, что молчишь? –
Вдруг повернулся Игорь к Малу. –
Обиду, может быть, таишь,
Иль на столе чего-то мало?
Пируй, древлянин, ешь и пей!
На днях к тебе приеду в гости,

Ведь на лесных твоих людей
Я не держу уж больше злости.
Нам нужно всем быть заодно,
Коли живем в стране единой.
Вот потому и я давно
Себя считаю славянином».

Его речам дивился Мал.
«Видать, варяг упился медом:
И славянином уже стал,
И встрече рад с моим народом.
Дитя! Хоть дожил до седин, -
Подумал он, а вслух промолвил:
Ты нам и друг и господин;
Мы ждем тебя, дары готовим».

И вот в один из теплых дней,
Хоть осень поздняя стояла,
С большой дружиною своей
Князь Игорь прибыл в гости к Малу.
Ему и вправду хлеб да соль
Радушно люди подносили –
Наверно, выветрилась боль,
Что им варяги причинили.
В любом селении, где князь
Со своей дружиной появлялся,
Река медов хмельных лилась,
И пир подолгу продолжался.

Когда ж древлянская земля
Всю дань для Игоря собрала,
Он повелел седлать коня
И, обнявшись, простился с Малом.
Но, не проехав полпути,
Дружина стала совещаться:
«Не рано в Киев нам идти,
Не лучше ль к Припяти податься?»

Древляне нынче к нам добры,
Земля их сказочно богата. –
Возьмем еще себе дары:
Бобров, куниц, а то и злата».
Князь Игорь против был – молчал,
Но под конец на просьбы сдался:
Дружину с данью отослал,
А сам с охраной лишь остался.

Листва последняя, кружась,
С деревьев тихо опадала.
За данью новой ехал князь
В пределы северные Мала.
Но люди в припятском краю
Его уж гостем не считали –
Забрав пожитки и семью
В глухие чащи убежали.
Их весть до Мала донеслась:
«Что делать нам, уже не знаем;
Опять пришел варяжский князь
И дань повторно собирает».

Вскипел от злости вождь древлян,
С дружиной тут же появился,
Посек варягов-киевлян
И гневно к князю обратился:
«Не друг ты нам, не господин,
А хищный волк, проникший в стадо!
Умрешь как вор, чтоб и другим
Нас грабить было неповадно!»
Стволы нагнули двух берез,
К верхушкам князя привязали
И, отпустив пеньковый трос,
При всем народе разорвали...

Через месяц в Киев бить челом
Пришли посланники от Мала.

Спокойно выслушав послов,
Княгиня Ольга им сказала:
«Супруга мне не воскресить,
Так что за прок быть в ссоре с вами?
Но чтобы мир восстановить,
По мужу тризну вместе справим».

Весною в припятских лесах
Она то место отыскала,
Где находился мужа прах
И слава Киева увяла.
Варяги с помощью древлян
Над ним высокий холм подняли
И по обычаю славян,
Вокруг усевшись, пировали.
Но людям Мала крепкий мед
Давали с сонною травой,
И вскоре все, кто выпил рог,
К земле клонились головою.
Княгиня, выждав, поднялась,
Мечи варяги обнажили,
И кровь ручьями полилась –
Древлян пять тысяч умертвили
Их Ольга в жертву принесла
И так за мужа отомстила.
С тех пор клубит густая мгла
Над князевой могилы.

Туда уж тропы не ведут,
Никто тот лес не посещает,
В нем птицы гнезд своих не вьют
И дикий зверь не обитает.
Стоит он мрачно среди болот,
Живой свидетель страшной тризны,
И будто нам за что-то шлет
Свою немую укоризну...
Март 2009

С.Д. Шаш

ОТДЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ ИЗ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ЭЛЕВТЕРИЯ»*

Деметрий

Деметрий, как всегда, встал перед рассветом, съел просяную лепешку, запил ее иппакой и, не запирая двери своего старого домика, направился к морю.

Пантикапей просыпался. Сквозь прозрачные предрассветные тени деревьев и кустарников проглядывали белые пятна домов. Над многими из них к светлому небу подымались дымки очагов. В эргастериях уже стучали молотки, шаркали пилы, вздыхали кузнечные мехи. Впереди, на агоре, среди скрипов повозок, лая собак и фырканья лошадей слышалась разноязычная речь. Только акрополь на вершине высокого холма за белой зубчатой стеной, как бы вознесенный террасами к небу с его дворцами, храмами и святилищами был тих. А может быть, просто звуки оттуда здесь, внизу затухали и размывались, как капли дождя на поверхности моря.

На агору Деметрий вошел с северной ее стороны. Здесь обычно торговали различной рыбой и мясом. Скифы, греки, меоты, сарматы и другие завсегдатаи пантикапейского базара раскладывали свои товары. В глиняных корытах плескались метровые судаки, осетры, в рассоле лежали сельдь и хамса, горками возвышались тушки сомов, сазанов, камбалы, скумбрии. А неподалеку шли ряды с бараниной, говядиной, кониной, свининой и различной птицей. От всего этого исходил какой-то особый густой запах, а во рту ощущался солоновато-сладкий привкус.

Миновав агору, Деметрий направился влево от порта к своему излюбленному месту, где рядом с высоким обрывом у самой кромки воды, лежал широкий, глубоко вросший в песок и отшлифованный волнами камень. Сюда обычно никто не приходил, было тихо и спокойно. Лишь друзья знали, где он проводит свои утренние часы, и только они могли его здесь изредка побеспокоить. Хотя Деметрий и не считал это беспокойством. Наоборот, он был рад неожиданному собеседнику, ибо привык к коллективному обдумыванию интересовавших его проблем. Вопросы, замечания и любые соображения со стороны только стимулировали его рассуждения, а часто способствовали и новому ходу мысли. Правда, он видел, что не каждому легко даются его беседы. Но что поделать? Ведь как говорил Антисфен, образованного и умного человека трудно переносить, так как неразумение – вещь легкая и необременительная, а разум непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима¹.

* Шаш С.Д. Элевтерия / С.Д. Шаш. – Брест : Альтернатива, 2007. – 160 с.

Деметрий омыл лицо и грудь прохладной водой, вытерся краем гиматия и, сев на камень, подставил босые ноги под гребешки лениво набегавших волн. Взошло солнце, но горизонт не был чистым, и оно повисло на разорванных крыльях фиолетовых облаков, растекаясь по ним красным светом, будто кровью.

«К непогоде, наверно, – подумал Деметрий. – Что ж, пора! И так уже затянулась погожая осень. Совсем как наша философия, – вспомнил он вчерашний разговор, – уже пришла к своему логическому завершению, а все не уступает место новой. Или вот, как я сам: минуло восемьдесят, а все ищу истину и не нахожу ее... Какова она, и каков тот единственный путь, который ведет к ней? А ведь он есть. Не могут же быть правы скептики, отрицающие познавательную силу нашего разума. Если бы это было так, то мы ничем не отличались бы от животных. Скептики раньше других увидели недостатки нашей философии, но, увидев их, растерялись. Ограниченность и ущербность существующих учений они приняли за изначальную ущербность человеческого разума. Нет, не через скепсис пролегает путь к будущей философии. Наряду с критическим анализом теперешнего знания, наряду с сомнением в его истинности этот путь должен включать в себя, как свои первейшие и важнейшие составные части, твердую веру в возможность достижения подлинной истины и убеждение в необходимости грядущего преобразования человеческой души. Разум человеческий могуч, но слаб человек, поэтому разум и не может развернуться во всей своей силе. Значит, дело не в разуме человека, а в самом человеке, в его элевтерии...».

– Хайре, Деметрий, – вдруг послушалось рядом.

Деметрий повернулся – перед ним стояли Стратоник и Сосий.

– Хайре, друзья мои! – поднялся Деметрий. – Не продолжить ли симпозиум вы решили?

– Ты не ошибся, – сказал Стратоник. – Из головы не выходят твои слова о новой философии.

– Вот и я об этом сейчас размышлял. Но посмотрите: к нам идут, кажется, еще три участника симпозиума.

Из-за прибрежного кустарника вышел Савмак в сопровождении двух стражников.

– Что, Савмак, – крикнул Деметрий ему навстречу, – и тебе сова Афины не дает покоя?

– Не дает, – улыбнулся тот, подходя и здороваясь. – Но не так сова, как царь: он велел тебе, Стратоник, быть у него к полудню вместе со мною.

– Знаю, потому я сейчас и не пошел во дворец. Хорошо, что ты нашел меня: до встречи с царем нам надо с тобой кое о чем переговорить. Но время еще есть. Так на чем мы прервали твои размышления, Деметрий?

– На проблеме человека, на свободе его души.

– А ты говорил, что размышлял о новой философии?

– Именно. Видишь ли, Стратоник, я пришел к выводу, что для новой философии должен вырваться и новый человек.

– Как это?

Деметрий опять занял свое место на камне, справа и слева от него разместились Стратоник и Сосий, который сразу же положил себе на колени восковые дощечки, а остальные уселись прямо на песке.

– Ну, чем не симпозиум «У камня?» – засмеялся Деметрий. – Только, извините, никаких яств и вин у меня нет.

– Может, что и хорошо, а то вчера их было кое-кому замного, – заметил, Сосий.

Стратоник укоризненно посмотрел на него, и тот, смутившись, нагнулся над дощечкой, сделав вид, что готов записывать.

– Дело в том, Стратоник, – продолжил Деметрий, – что разум как способность познания присущ всем людям независимо от того, в какое время они жили или живут. Люди эпохи Гомера, например, ничуть не хуже мыслили, чем мы. Но разум каждого отдельно взятого человека своеобразен и неповторим. Своеобразен и неповторим в смысле познавательной силы. У одних разум острый и гибкий, глубок и основателен, он обращается к разрешению самых сложных задач и не знает в этом усталости. У других разум вял и неповоротлив, он избегает трудностей познавательной работы, легко утомляется и бросает начатое. Существует множество и других, промежуточных видов разума. Откуда такое различие? Оно врождено. Каждый человек получает свой разум от рождения как дар Природы или, что для меня одно и то же, как дар Бога. Поэтому, с каким разумом ты родился, с таким и будешь жить, пока не покинешь этот мир. Безусловно, огромную роль играет образование. Оно способно и слабый разум поднять до уровня среднего. Вчера, когда речь шла о типах философов, я уже говорил, что имеется много образованных людей, мнящих себя подлинными философами, но таковыми не являющимися. Самое большое, на что они способны, это быть учителями философии. И тем не менее, каждый разум, поскольку он разум, обладает способностью познания. Но есть одна вещь, которая в силах ограничивать и парализовать даже самый могучий разум. Это – дух эпохи, или тот освященный веками и традицией образ мыслей и способ жизни, который люди рассматривают как само собой разумеющийся. Именно он накладывает на разум духовные путы и подчиняет себе человека, делает его рабом своего времени. Возьмем, к примеру, Аристотеля. Он имел необычайно глубокий и прозорливый разум, но ведь не увидел того, что рабство есть зло.

– В отличие от Стратоника, – вставил Сосий, оторвавшись от своих восковых дощечек.

– И тех, немногих, которые практически пришли к этому выводу, – добавил Савмак.

– Правильно. Мало того, Аристотель попытался даже теоретически обосновать вечность рабства.

– «С одной стороны, одни не являются по природе рабами, а другие свободными, а с другой стороны, у некоторых это различие существует и для них полезно и справедливо одному быть в рабстве, другому – господствовать, и следует, чтобы один подчинялся, а другой властвовал и осуществлял вложенную в него природой власть, так чтобы быть господином»,² – наизусть процитировал Сосий.

– Слышите? Кто это говорит? Мощный аристотелевский разум, которому было под силу создание даже самой науки об истинном мышлении, или – Аристотель-человек, покорный раб своего времени, человек, парализованный духом своей эпохи?

– Конечно, же последний, – ответил Сосий.

– В том-то и вся суть. Отсюда делайте вывод: чтобы увидеть очертания новой философии, а тем более, чтобы войти в ее высокие чертоги, мало получить при рождении великий божественный дар – глубокий разум, надо еще иметь и подлинно свободную душу, без которой не вырваться из мертвящих объятий духа своей эпохи. Демокрит говорил, что для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир – родина высокого духа³. И это действительно так, но я бы добавил: поскольку высокий дух является синтезом глубокого разума и подлинно свободной души. Такой высокий дух не знает не только пространственных, но и временных границ. И лишь такому духу является сова Афины, чтобы указать ему новые, еще неизведанные пласты познания. Людей же, не имеющих этого духа, она не удостаивает своим вниманием.

– Верно ли я понял, Деметрий, что человек, наделенный от природы даже самым глубоким разумом, может и не иметь подлинно свободной души? – спросил Стратоник.

– Правильно, может и не иметь.

– Значит, подлинно свободная душа, чтобы быть таковой, нуждается, кроме разума и еще в чем-то?

– Да, нуждается.

– В чем же?

– В воле. Но здесь надо сразу сказать, что следует различать между свободой души и свободой в смысле общественного положения человека, ибо это не одно и то же. Большинство людей под свободой понимает как раз последнее: не раб, значит, свободный. Но это мнимая, или внешняя свобода, ее легко можно как приобрести (например, фактом рождения в

семье свободных), так и потерять (известно, что даже великий Платон едва не был продан в рабство). Я же говорю о внутренней, действительной свободе человека, какой и является свобода души. Так вот, чтобы обрести такую свободу, нужна воля. А воля – это родная сестра разума, только в отличие от него, беспокойная и своенравная, ибо она является не чем иным, как нашим неистребимым и по большей части неосознанным стремлением к самоутверждению. Правда, каждого из нас Природа наделила волей с неодинаковой степенью силы. Поэтому-то люди с весьма слабой волей имеют, как правило, несвободную душу. И наоборот, те, кто имеет сильную волю, способны иметь и свободную душу. Из этого-то как раз и исходил Аристотель, когда он, как человек своего времени, поспешил сделать вывод, что одним полезно и справедливо быть в рабстве, а другим – господствовать. Но воля имеет не только степень своей силы, она еще имеет (что очень важно отметить) и свой предмет и средства овладения им. От них – первую очередь и главным образом и зависит свобода души. И надо сказать, что Аристотель-теоретик видел это. В своих трудах он не раз писал, что подлинная свобода души обеспечивается высшим предметом воли, каковым является прекрасное на деле. А на деле прекрасным для него были благо и добродетельная жизнь⁴. И с этим нельзя не согласиться.

– Но если есть высший предмет воли, то, следовательно, существуют и низшие и даже неизменные ее предметы с соответствующими средствами овладения ими? Значит, существует и неподлинная свобода души? – включился в разговор Савмак.

– Безусловно.

– Откуда же это различие в предметах воли?

Предметы воли, как и средства овладения ими, людям не даются от природы, в отличие от самой воли. Каждый человек сам их находит в своей жизни в силу сложившихся обстоятельств, в меру своего воспитания и в соответствии с духом своей эпохи. А поскольку у разных людей обстоятельства жизни и воспитание различны, пускай и в рамках одного и того же духа эпохи, то и предметы их воли, и средства овладения этими предметами будут неодинаковы. Не одинаковой будет и их свобода души. Чем выше предмет воли по своему достоинству, чем ближе он к «прекрасному на деле», тем полнее и подлиннее свобода души. И наоборот: чем ничемнее предмет воли, чем больше он наполнен животным содержанием, тем ущербнее свобода души, тем быстрее она сливается с несвободой.

– Выходит, Деметрий, что свобода души является следствием самоутверждения человека в мире, а это самоутверждение зависит от врожденной силы воли и от того предмета воли со средствами овладения им, который человек избирает сам в соответствии со своими жизненными

обстоятельствами, воспитанием и духом своей жизни, – подытожил Стратоник.

– Пожалуй, так, если сказать не просто «избирает», а «избирает иногда вопреки своему разуму». Я уже говорил, что воля – это своенравная сестра разума. Она порой не считается со своим братом и часто поступает вопреки его намерениям. Поэтому-то некоторые и говорят не о свободе души, а свободе воли. Но как мы уже видели, воля – это стремление человека к его самоутверждению. И не всякое стремление к самоутверждению заслуживает того, чтобы быть свободным.

– Почему? – спросил Савмак.

– Потому что если оно избрало своим предметом непотребное и пагубное, то к свободной душе уже дороги нет. Так не стоит ли вовремя ограничить такое стремление человека к его самореализации? Для блага самого этого человека и блага других?

– Видимо, стоит.

– Вот я и говорю, что свобода воли кажется безусловной только на первый взгляд. В действительности же не всякая воля заслуживает свободы. А вот свобода души безусловна, ибо свободная душа – это та душа, которая сумела вырваться из пут мертвящей повседневности и обратиться к высшим ценностям – Истине, Добру и Справедливости. Те же, кто ратует за свободу воли, просто не понимают сути дела. Они забывают, что действительным содержанием воли является ее предмет и те средства, с помощью которых она овладевает своим предметом. Сосредоточив свое внимание на воле, то есть только на стремлении к самореализации, и тем самым сделав волю пустой, они, сами того не подозревая, с разгону оправдывают и такое стремление к самореализации, которое присуще теперь большинству людей. Вот послушайте, как они самореализуются, каков предмет их воли и каковы средства овладения им:

«... Людей покинула Совесть,
И они как Гарпии с крючковатыми пальцами,
Готовы из каждого камня выдавить прибыль,
Каждый ищет, где бы пограбить,
И бросается стремглав в воду и плывет
К своей удаче, готовый утопить
На своем пути друга, брата, жену,
Лишь бы спасти свою трижды жалкую шкуру.
Для этих людей нет ничего святого –
Они не задумываются превратить море в сушу, а сушу – в море».

Это стихи, приписываемые Фениксу Колофонскому⁵. Гераклит же с присущей ему категоричностью на этот счет так сказал: «Сколько ни есть людей на земле, истины и справедливости они чуждаются, а прилежат в дурном неразумении своем к алчности и тщеславию»⁶. Вот таково

самоутверждение наших современников. Ясно, что это люди с несвободной душой, и кроме вреда и горя, они ничего ни себе, ни обществу не приносят. Но они имеют свободную волю. И никто, к сожалению, ее не в силах ограничить. А почему? Потому, что они живут и действуют в полном согласии с духом своей эпохи, о котором хорошо сказано у того же Феникса. – Деметрий приподнял брови, припоминая. – Сказано, а как дословно, уже, кажется, и призабыл...

– Может, это? – спросил Сосий и продекламировал:
 «... Некогда священная и еще до сих пор почитаемая
 Справедливость ушла и никогда больше не вернется.
 Процветает неверие, а вера покинула землю.
 Бесстыдство стало сильнее Зевса.
 Святость клятв умерла, и боги терпят все это.
 Низость буйствует повсюду среди людей,
 Которые соленой слюной плюют на благородство»⁷.

– Молодец, Сосий. У тебя прекрасная память!

Деметрий встал и несколько раз прошелся около камня, разминая ноги. Все молчали.

– А я вот не согласен с тобой, Деметрий! – вдруг решительно заявил Савмак. – Ты говоришь, что свободную волю негодяев никто не в силах ограничить, поскольку она согласуется с существующим духом эпохи. А я считаю – можно. Для этого необходимо сначала разрушить то общество, которое создали себе эти негодяи, а затем изменить и сам бесчеловечный дух эпохи. А это вправде и должны сделать люди со свободной душой, ибо только они знают истину и не скованы кандалами презренной действительности.

Стратонник с удивлением смотрел на Савмака: он никогда не видел его столь страстным.

– Друг мой, – мягко сказал Деметрий, снова присаживаясь на камень, – если общество и вправду заслуживает разрушения, то оно рано или поздно будет разрушено. Но давай посмотрим, кто его будет разрушать. Сразу скажу, что люди со свободной душой разрушителями быть не могут. Ведь они уже по природе своей никому не могут причинить зла. Насилие для них, если даже оно и свершается в самых благих целях, — это путь в противоположную сторону от высших ценностей. Поэтому Платон и говорил, что человек разумный, то есть человек со свободной душой, совершать насилие над родиной в виде государственного переворота не должен, если перемена к лучшему не может свершиться без изгнания и истребления людей. А где ты видел переворот без крови, без слез и горя тысяч людей?⁸ Нет, это не путь к Истине, Добру и Справедливости. На него не вступит ни один человек, имеющий подлинно свободную душу. К тому же ни один человек со свободной душой не скажет, что уже знает

Истину, – он лишь идет к ней. Поэтому он никогда не станет выдавать свое приближение к Истине за полное ее знание, а тем более силой навязывать ее другим.

– Но ты сказал, что общество, заслуживающее разрушения, рано или поздно будет разрушено. И если люди со свободной душой этого делать не станут, то кто же его будет разрушать? Не люди же с несвободной душой?!

– Как это ни парадоксально, мой друг, но именно они.

– А точнее.

– Прежде всего, это будут делать люди подневольные, обездоленные жизнью и лишены надежды на лучшее. Их большинство, и они являются естественным врагом того общества, в котором живут. Их энергия разрушения не в разуме, а в злобе и ненависти. Они похожи на огромное количество воды, которая спокойна, пока ее удерживает плотина, но, прорвавшись, способна снести на своем пути все и вся. К ним примыкают и часто смешиваются с ними те люди, у которых самоутверждение в жизни состоялось не так, как они того хотели, которым не достались те куски общественного пирога, на какие они рассчитывали. С этим они не могут смириться, а потому, сделав предметом своей воли месть, энергично ищут ее осуществления, убеждая при этом и себя, и других, что они пекутся об общем благе. Именно из их среды и появляются, как правило, те демагоги и вожаки, которые способны зажечь пожар социальных потрясений. И наконец, третья часть людей – это те негодяи, как ты их назвал, которые и создали свое ущербное общество. Предметом их воли были и остаются выгода, богатство и власть. Как верно заметил Эпикур, богатство, требуемое природой, ограничено и легко достижимо, их же неразумие и алчность не имеет границ⁹. И на этом пути они так далеко зашли, что возвращение назад к Справедливости уже стало невозможным. В этом трагедия не только их, но и всех нас. Они-то и являются главными разрушителями. Вот таковы те люди, Савмак, которые будут разрушать и уже разрушают общество. И для этого у них имеется все необходимое: незнание дороги к Истине, Добру и Справедливости и духовная пуповина, намертво связывающая их с теперешним образом жизни.

– Странно как-то: умом понимаю тебя, а вот сердцем принять твои слова не могу.

– Так это же у тебя сейчас спорит брат с сестрою, – засмеялся Деметрий, – разум с волей. Только не забывай, что сестрица у него весьма своенравная и властная. Как бы она не взяла верх над ним!

Стражники захохотали:

– О, ты прав, Деметрий! Женщины – они такие! Уж мы-то их знаем!

– Они враз способны околпачить нашего брата!

Савмак улыбнулся и, подождав, пока стражники успокоятся, спросил:

– А не могут ли быть отнесены к разрушителям общества и философы некоторых школ, например, киники, эпикурейцы, стоики? Ведь они тоже не приемлют своих обществ.

– Если речь идет о подлинных философах, а не о тех, которые только мнят себя таковыми, то не могут. Ибо подлинный философ – это человек со свободной душой. А когда некоторые демагоги и вожди разрушения выдергивают у них какие-то отдельные высказывания, чтобы при их помощи обосновать свои пагубные идеи и придать им больший вес, то к этому философы не имеют никакого отношения. Что же касается философов названных тобою школ, то они действительно кажутся иногда разрушителями общества. Возьмем киников. Кто они такие? Это люди, глубоко чувствующие и переживающие пороки своего общества, и главное, видящие основную причину их – неумную жажду богатства и власти. Но как они борются с этим злом? Только своим личным примером – ведут нищенскую и скитальческую жизнь, отказываясь от всех благ и ценностей общества, чем не мало удивляют своих современников. Известен рассказ о Диогене из Синопы. Когда он спал в своей бочке, к нему однажды подошел Александр Великий и спросил «Скажи, Диоген, что тебе надо, и я выполню все твои желания». – «В таком случае, – отозвался тот, – отойди от бочки и не заслоняй мне солнца». Можно ли таких людей называть разрушителями общества? Конечно, нет. Самое большое, на что они способны, это уйти из общества и проповедовать простоту и естественный образ жизни. То же и эпикурейцы. Видя, что порочная жизнь общества причиняет людям боль и страдания, они уединились в Саду Эпикура, чтобы посредством трезвого размышления исследовать причины всякого нашего предпочтения и избегания и через это прийти к свободе от страданий и от смятений души.¹⁰ Этим трезвым рассуждением, изгоняющим мнения, поселяющие великую тревогу в душе, конечно же, является только философия. Поэтому, пожалуй, никто так вдохновенно не сказал о пользе философии, как Эпикур в своем известном письме к Менекею. Может, помнишь, Сосий?

– Помню. Мы же когда-то вместе читали это письмо. – И Сосий своим звонком, молодым голосом произнес: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни незрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно. Поэтому заниматься философией следует и молодому и старому: первому – для того, чтобы он и в старости остался молод благами в доброй памяти о прошлом, второму – чтобы был и молод и стар, не испытывая страха перед будущим»¹¹.

– Вот видите? – сказал Деметрий, с явным удовольствием слушавший знаменитое рассуждение Эпикура. – Разве можно рассматривать это как призыв к разрушению общества? Это призыв к тем, кто еще не успел до конца потерять себя в обществе и хочет обрести свободную душу,— призыв обратиться к мудрости и возродиться через нее. Но для этого, как и в случае с киниками, требовался уход из активной общественной жизни. Сад Эпикура – это блаженная обитель для избранных, следовавших принципу: «живи незаметно».

– Теперь я знаю, Деметрий, что ты скажешь и о стоиках, – засмеялся Савмак.

– А если так, то давай попросим Стратоника, который, будучи в Афинах, хорошо постиг их науку и знает, в чем они усматривают свободу человека. Возможно, он сообщит нам и что-то другое?

– Ничего другого, Деметрий, я не сообщу.

– И все же.

– Насколько мне известно, они учат следующему. Человек должен уметь избежать печали, страха, вожделения, удовольствия и зла. Печаль – это сострадание, зависть, ревность, недоброжелательство, беспокойство, смятение, боль, горе, тоска. Страх – боязнь, робость, стыд, ужас, замешательство, тревога. Вожделение как неразумное стремление души включает в себя: неудовлетворенность, ненависть, придиричивость, злобу, гнев, негодование, любовь. Удовольствие как неразумное возбуждение имеет такие виды: восхищение, злорадство, наслаждение, развлечение. Зло же – это неразумие, трусость, неумеренность, несправедливость. И вот если все это человек преодолет в себе, освободится от всего этого, то он и будет жить согласно разуму, добродетели и всепроникающему Логосу, то есть он и будет действительно свободным человеком, или мудрецом. У такого человека будет своя особая внутренняя жизнь, не похожая на жизнь обычных людей. Находясь в обществе, он как бы и не находится в нем. В общем, это то же самоисключение из общества, что и у киников, и у эпикурейцев. Отсюда и вывод тот же: стоики не являются и не могут быть разрушителями общества – это вытекает из их образа мысли. Согласно стоикам, сама идея вмешательства в ход общественной жизни недоступна, ибо Единый Бог – Логос все устроил и все изначально предопределил. Мало того, любые человеческие усилия в чем бы то ни было бессмысленны и даже греховны, ибо рок владеет всем. Вот что говорит Клеанф в своем «Гимне Зевсу»:

«Властитель неба, мой отец, веди меня,
Куда захочешь! Следую не мешкая,
На всё готовый. А не захочу – тогда
Со стонами идти придется грешному,
Терпя все то, что претерпел бы праведным.

Покорных рок ведет, влечет строптивного»¹².

– Что же? Вполне убедительно. Ни киники, ни эпикурейцы, ни стоики разрушителями не будут – ведь это люди со свободной душой! – иронически сказал Савмак. – Но скажи, Деметрий, какая польза от их свободной души? Ударившись в бега от общества, эти философы для людей ничего хорошего сделать не могут. Чем же они тогда отличаются от тех, кто имеет несвободную душу?

– Ты совершенно прав, Савмак. Свобода души у них действительно ущербна. Я уже говорил, что свободу души можно обрести только на пути к Истине, Добру и Справедливости. Но существуют два пути к этим высшим ценностям. На первом из них человек руководствуется только своим холодным разумом, логосом, и все, что не соответствует этому разуму или мешает ему, отбрасывается. Оттого-то данный путь и уставлен различными запретами: того нельзя делать, этого следует избегать и т.д. В результате, человек, убрав все, что относится к его нормальной душевной жизни, как это показал Стратоник на примере стоиков, приходит к полной невозмутимости, безмятежности и отрешенности духа – к эпикурейской атараксии или к стоическому идеалу мудреца. Это он и считает свободой своей души. Но поскольку такое состояние достигается через подавление целого ряда душевных свойств, то и свобода, обретенная подобным образом, является тоже отрицательной, или неистинной. Это свобода «от» жизни, а точнее – «от» ответственности перед жизнью. Через такую свободу души невозможно выйти к общественной элевтерии, поэтому, как ты заметил, Савмак, эта свобода смыкается с несвободой. Подлинная, истинная свобода души достигается на другом пути. Здесь человек руководствуется тоже разумом, но уже согретым душевными силами, и, прежде всего, любовью к другому человеку. Поэтому свобода души, приобретаемая здесь не посредством бегства от действительности, а вследствие приближения к ней, имеет иное качество: это свобода «для» жизни и «для» ответственности перед жизнью. И только такая свобода души ведет к общественной элевтерии, поскольку она порождает в душах всех людей действительно доброе и справедливое – любовь к человеку. Люди с такой истинно свободной душой, имея или получив общественную свободу, не разрушают общество, не навязывают ему силой свои схемы жизни, а постоянно преобразуют его изнутри – духовно. В этом их коренное отличие от людей с несвободной душой, которые не знают, что делать с общественной элевтерией, если она на них сваливается, а думая, что знают, творят в обществе насилие, произвол и сеют смерть.

– Значит, чтобы изменить общество к лучшему, его нельзя разрушать, а нужно преобразовывать изнутри, духовно на основе любви к человеку. Но не думаешь ли ты, Деметрий, что это займет многие столетия? И все это время будет твориться несправедливость и зло?

– Думаю, Савмак. Но иного выхода нет. Пока не укоренится в наших душах истинная любовь к человеку, пока она не станет определять все наши поступки, до тех пор мы улучшить свою жизнь не сможем. От нетерпения мы будем лишь одну форму насилия и несправедливости заменять другой.

– Но о какой такой истинной любви к человеку ты говоришь? Она что, какая-то особенная?

– Истинная любовь к человеку – это глубокое чувство теплоты и привязанности ко всем людям, как к своим братьям, независимо от того, кто они и как к тебе относятся; это забота о каждом человеке, большая чем о себе; это радость за успехи других; это готовность самопожертвования во имя блага других; это сострадание и участие в горе своего ближнего; это правдивость и честность, искренность и доброта в отношении с любым человеком, даже если он твой враг. Вот что я понимаю под истинной любовью к человеку. Понимаю, но это не значит, что я так и поступаю, – вздохнул Деметрий. – Дух нашей эпохи крепко держит наши души и, как Кербер,¹³ зорко следит за тем, чтобы в них не прокралось что-либо чуждое ему. Прискорбно, но даже такой глубокий философ, как мой друг Панетий, говоря о главных стремлениях человеческой души (о стремлении к мудрости, к сохранению себя и своего общества, к достижению независимости, совершенства), не упоминает о любви. Видать, он, как и все стоики, относит ее лишь к возделению. А ведь только истинная любовь к человеку и способна наполнить наши души подлинной свободой, ибо она коренится в самой природе человека как существа общественного. Да и сама Истина, Добро и Справедливость суть ни что иное, как любовь, только высшая Любовь. И каждый человек способен подняться к ней, но, к сожалению, у большинства людей на их пути встает непреодолимой преградой все тот же дух эпохи. Он парализует даже очень глубокий разум и очень сильную волю, делает их ленивыми и послушными обстоятельствам жизни. Пример Аристотеля я уже приводил.

– Деметрий, будет ли правильно, если я запишу: подлинно свободная душа – это та душа, которая сумела вырваться из пут мертвящей повседневности и через истинную любовь к человеку обратилась к высшим ценностям – Истине, Добру и Справедливости, каковые являются и высшей Любовью? – спросил Сосий.

– Я бы лучше не сказал, – улыбнулся Деметрий.

– Но каким же образом, Деметрий, – прервал свое молчание Стратоник, – можно поселить в душах людей такую любовь к человеку, если там ее место теперь прочно занимают себялюбие, вражда и неприязнь? Знание, мне кажется, здесь не поможет. Ведь наша философия, не смотря на все ее разнообразие и богатство, обращена к разуму человека, а не к его душе. Она и есть та холодная логическая мудрость, которая, как

ты говорил, ведет к неистинной свободе души, построенной на логосе, а не на любви к человеку. Усилия воли тоже мало могут чем помочь, поскольку воля своим предметом избирает, в конечном счете, то, чем располагает дух эпохи. Вот и выходит, что второй путь – путь истинной любви к человеку, ведущий к подлинной свободе души, к свободе «для» жизни и ответственной перед жизнью, для нас закрыт. Или ты видишь выход?

– Не вижу, Стратоник. Ни наша философия (ты правильно заметил), ни благие попытки отдельных людей, никакие социальные перевороты этого сделать не в силах. Порой мне кажется, что должен пройти какой-то нечеловеческой силы Разум, являющийся одновременно и высшей Любовью, и только он, этот Разум-Любовь, очистит наши души от скверны вражды, ненависти и зла. Вот тогда и появится тот новый человек, о котором я говорил в начале нашей беседы. Именно его и ожидает сова Афины, чтобы указать ему дорогу к новой философии, которая станет философией и новой, обновленной эпохи.

– А может, ты и есть этот новый человек, только того не знаешь?— тихо спросил Сосий.

Деметрий рассмеялся.

– Нет, дорогой мой друг. Я только тот сеятель, который знает, что уже скоро придет пора сеять, но еще не видел своего поля и не имеет семян.

– А знаете что, – вдруг вскочил один из стражников, – сеять некогда. Посмотрите, что делается!

Увлеченные разговором, собеседники и не заметили, как над морем в полнеба встала серовато-черная лохматая туча. Ветер посвежел, и к берегу побежали высокие с белыми гребешками волны. Послышалось близкое урчание грома.

– И в самом деле, – поднялся Савмак. – Давайте быстрее вон туда, к пристани – там есть навес.

И все спешно покинули симпозиум «У камня». Порывы ветра усилились, и посыпались первые крупные капли дождя. Начали бежать, но Деметрий отстал. Тогда Савмак вернулся, взял его на спину и что силы пустился к навесу.

– А наездником, оказывается, быть не плохо, – спрятавшись под черепичной крышей и отдышавшись, пошутил Деметрий. – Недаром в Афинах и в Риме существует целое сословие всадников.¹⁴

Но его никто не расслышал. Тяжелый шум ливня и сотрясающие раскаты грома заглушили все. Перед навесом колыхалась мутная стена дождя, прорезываемая сполохами молний.

Только через час с лишним гроза ушла, и гром уже доносился где-то с северной стороны. Над морем прояснилось, но ливень не прекратился. Казалось, тучи решили до последней капли излить перенасытившую их

водяную тяжесть. По улицам-террасам с вершины холма неслись бурные потоки, смывая накопившиеся там мусор и грязь.

Наконец, дождь прекратился, и Деметрий со своими собеседниками вышел из-под навеса. С листьев деревьев еще падали холодные прозрачные капли. Но солнце мягко и любовно уже лило свой свет на мокрые улицы, дома, деревья. Все преобразилось, наполнилось свежестью и покоем.

«Вот если бы так кто омыл и наши души, – подумал Деметрий. – Тогда бы это солнце пролило свой животворящий свет и в них, и мы бы стали пригодными для новой жизни».

Стратоник с Савмаком в сопровождении стражников заспешили в акрополь, а Деметрий и Сосий, попрощавшись на огоре, разошлись по домам.

Примечания

1. *Антисфен* (ок. 450 – 360 гг. до н.э.) – ученик Сократа; основатель кинической философии (См.: Антология кинизма. – М., 1984. – С. 111).
2. Аристотель. Политика. I 2, 1255 в 5.
3. Лурье, С.Я. Демокрит. – Л., 1970. – С. 372.
4. Аристотель. Метафизика XII 7, 1072 а 25; см. так же: Никомахова этика X 10, 1180 а 5-10; Большая этика I 4, 1184 в 35.
5. Антология кинизма. – М., 1984. – С. 205.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях... IX 14.
7. Антология кинизма. – М., 1984. – С. 205–206.
8. Платон. Письма. Платон – Диону 331 d.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях... X 144. *Эпикур* (341–270 гг. до н.э.) – крупнейший представитель древнегреческой «философии жизни».
10. Там же X 131-132.
11. Там же X 122.
12. *Клеанф* (ок. 331-233 гг. до н.э.) древнегреческий философ-стоик; в течении 32 лет был схолархом стоической школы.
13. *Кербер* – в древнегреческой мифологии чудовищный трехглавый пес, охранявший вход в подземное царство; свирепый страж.
14. *Всадники* – вторая после землевладельческой знати сословная группа рабовладельцев в Древней Греции и Древнем Риме.

Элевтерия

В жизни Боспора после подавления заговора Крифона произошли значительные перемены. Новое окружение царя Перисада, возглавляемое Стратоником и Савмаком, осуществило целый ряд важных реформ. Были освобождены все государственные рабы, и теперь они работали в эргастериях, в порту, на строительстве, на рыбозасолочных, камнедобывающих и других промыслах, получая плату за свой труд. Им разрешалось, как вольнонаемникам, строить себе дома, приобретать имущество, некоторых из них городские власти назначали даже агораномами и астиномами. Бывшие сельскохозяйственные рабы в царских имениях образовали своеобразные кооперативы. Пелаты стали полноправными хозяевами своих земель, а имения заговорщиков были размежеваны на участки и отданы в пользование городским жителям. В полную силу заработали выборные городские органы; за царскими чиновниками теперь остались только общие функции руководства и надзора.

Окрепли и боспорские войска. Они пополнились за счет новых наемников, среди которых были освобожденные рабы и хейромахи, решившие получать гарантированное жалование воина. В войска влились с молчаливого согласия Фарзоя и многие отряды скифских ополченцев Асия. Вступили в строй новые военные корабли. Их экипажи состояли, в основном, из опытных боспорских моряков, которые в свое время были «списаны» на берег и теперь с радостью вернулись к своей привычной работе.

Но не всем в Боспоре нравились столь необычные и быстрые преобразования. Зажиточные боспорополиты относились к ним подозрительно и враждебно. Они видели во всем этом разрушение самих устоев социальной жизни. Им казалось диким и противоестественным, что вчерашние рабы смотрели на своих бывших хозяев без должного почтения и страха, а некоторые из них, от кого еще разило вонью рабских казарм, ходили в начальниках. Эти настроения подогревало и то, что среди прежних рабов было много и таких, кто понял элевтерию как вседозволенность и начал заниматься грабежами и разбоями. Савмак, отвечавший вместе с Литодором за безопасность Пантикапея, решительно пресекал такие явления. Иногда ему приходилось даже вступать в настоящие боевые схватки с шайками бандитов. Схваченных тут же казнили, иных заковывали в кандалы и отправляли на галеры. Но появлялись новые насильники – приходили из других городов, – и все повторялось. Это не нравилось уже и проостому демосу. После очередных погромов боспорополиты собирались на огоре и говорили:

– Что это за элевтерия такая, когда у тебя в любой момент могут отобрать не только имущество, но и жизнь!

Ситуацией воспользовались не выявленные в свое время или затаившиеся сторонники промитридатовской партии. Они посылали своих людей на агору, и те, подлаживаясь под общее настроение, поддерживали разговор:

– А что вы хотели! Кто теперь правит Боспором? Может, царь? Так его уже некоторое время не видно и не слышно. Власть захватили предатели и некчемные люди. Кто такой, например, Савмак? Безродный скиф, случайно пригретый и вскормленный Перисадам. А ведь он – один из главных зачинщиков этой проклятой элевтерии, принесший нам столько бед и несчастий.

Тут же появлялся кто-то из подкупленных рапсонов или аэдов¹ и начинал петь:

«Город наш все еще город..., но уже люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
Кто одевал свое тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасса, как дикий олень,
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали»².

– Так оно и есть, – соглашались многие. – Верно подмечено!

– Это были стихи правдолюбца Феогнида, – говорил рапсоно. – А вот слушайте, что сказал мудрый Гесиод:

«Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.
Беды великие сводит им с неба владыка Кронион, –
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них обильное войско, иль рушит
Стены города, либо им в море суда потопляет»³.

– А у нас грешит и творит беззаконье не один, а целая свора, окружившая царя Перисада! Поэтому не только наш город, но и все Царство терпит разоренье! – комментировали Гесиода искусные посланцы промитридатовцев. – Граждане! Не подобает нам терпеть богопротивное. Скажем свое слово, пока не поздно!

Но люди в таких случаях сразу же вспоминали о своих делах и начинали расходиться. Кроме организации отрядов самообороны, что поощрял и Савмак, они никакого иного «слова» говорить не хотели, ибо видели, что новые власти делают и много хорошего. Помимо бесплатной раздачи хлеба беднякам, они снизили налоги, установили невысокую пошлину на товары, стали выдавать суды на строительство домов,

способствовали налаживанию частного дела, к тому же реформированное сельское хозяйство обещало обильный урожай и неплохие доходы.

На формирование позитивного настроения горожан оказывали влияние и их беседы с Деметрием и Тохаром, которых пантикапейцы и многие приезжие хорошо знали и любили. Старый философ и молодой поэт, каждый по-своему, разъясняли собиравшимся вокруг них боспорополитам смысл происходящего. Деметрий говорил, что элевтерия – это дар богов. И если боги, по милости своей, ниспослали ее нам, то и принимать ее надо с благоговением. Каждый должен в сердце своем построить для нее алтарь из справедливости и любви к человеку. И здесь имеется только один строительный материал – честный труд и благие помыслы. Людей праздных, черствых и злых элевтерия не освещает своими благодатными лучами, она оставляет их прозябать и дальше в неразумии и пороках.

– Вот почему, – подхватывал Тохар, – те, кто привык жить за счет других, кто всегда презирал людей труда, так ненавидят элевтерию. А между тем,

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжалюному трутню, который
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых...
Нет никакого позора в работе: позорно безделье»⁴.

– Да, действительно так, – соглашались слушавшие. – Толстопузые аристократы и всякие их прихвостни всегда презирали людей труда. И ясно, чем они испорчены – своим несправедно нажитым богатством. Но почему, скажите нам, многие вчерашние рабы, знающие цену труду, поревратились сегодня в грабителей и тунеядцев?

– А случилось ли кому из вас, дорогие мои, напиться «по-скифски» так, чтобы наутро и не помнить, что вчера происходило?

– Ну, с кем не бывало? Иногда приходилось, – раздавались голоса.

– Так вот элевтерия, подобно неразбавленному вину, опьянила этих несчастных. Они в силу своей забитости не знают, что делать со свободой, неожиданно упавшей им на голову. И первое, что пришло в их сумрачный разум, – это отомстить обществу за свое унижение и пожить в свое удовольствие.

– Значит, элевтерия не так и хороша, как ты говоришь! – кто-то бросал реплику, прячась за спинами других.

– А разве виновато вино в том, что некоторые не умеют его пить? – улыбался Деметрий. – Элевтерия несет благо всем, но не все пока достойны ее. Я уже говорил, что только через праведные поступки и любовь к человеку она входит в каждого из нас, как в свое жилище. И боги знают это, иначе они и не послали бы ее к нам.

Вот в такой обстановке и пришла в Пантикапей весть о полном разгроме Скифии и ее присоединении к Понтийскому царству. Она, словно вихрь, смешала и закружила и без того беспокойные настроения боспорополитов. На агоре, в гавани, в эргастериях, в харчевнях – везде, где собирались или встречались люди, только и слышно было об этом. Никто не был равнодушен, ибо знал, что в случае нападения понтийцев на Боспор его жизнь может измениться коренным образом. Одни считали, что это приведет к катастрофе Боспора в целом; другие боялись потерять блага, которые уже дала им элевтерия; третьи опасались двойного гнета – со стороны своих, боспорских, и понтийских господ; четвертые надеялись на возвращение старых порядков, при которых было не так уж хорошо, зато спокойно; пятые в приходе понтийцев видели свое спасение. Люди спорили, доказывали друг другу свою правоту, при этом самые горячие в качестве аргументов использовали и кулаки. Сбившиеся с ног астиномы с трудом разнимали их. Но постепенно страсти поутихли, и обозначились две партии. К одной из них принадлежали те, кто уже ощутил на себе благотворные результаты реформ, проведенных новыми властями. Это, в основном, вольноотпущенники, метеки⁵, хейромахи, мелкие торговцы, скифы, бежавшие от Диофанта, а также горожане, получившие наделы на конфискованных землях сторонников Крифона. Они решительно стояли за царя Перисада и в случае вторжения митридатовских войск готовы были вступить в ряды ополченцев.

Другую партию составляли представители зажиточного демоса – хозяева торговых судов, различных мастерских, рыбозасолочных предприятий, виноделен, обширных имений в хоре. Если во время заговора Крифона не каждый из них видел пользу для себя в подчинении Боспора Понту, то теперь они стали твердыми промитридатовцами, ибо потеряли всякую надежду на царя Перисада, разрешившего столь неслыханные реформы. И слухи о возможной войне их ободрили: Митридат, захватив Боспор, конечно же пресек бы все эти новшества. Вступив через Кофа, находившегося в Херсонесе, в переговоры с понтийским пресбевтом Метродором и заручившись поддержкой военных мятежников, бежавших в свое время в Фанагорию, они исподволь начали действовать. В Пантикапее как-то сразу стала ощущаться нехватка товаров первой необходимости, возникли перебои в поставках продовольствия, а шайки грабителей теперь все чаще громили дома сторонников царя Перисада, хотя там особо и поживиться было нечем. И в городе появилось недовольство.

– Элевтерия – дело хорошее, – слышалось на агоре – но то ли мы ее приняли плохо, то ли наши власти не ладят с нею. Где же это видано, чтобы осенью, да еще в такой урожайный год не хватало продуктов в городе. Разве можно сравнить теперешний базар с прошлогодним? А цены

какие! Так мы и по миру пойдем. Страшно подумать о зиме! Одно только останется, что стоять в очереди за бесплатным царским хлебом.

– Если его еще дадут! – мрачно добавлял кто-то.

Савмак знал о сложившемся положении в городе и делал все, чтобы исправить его. Но если мародеров удавалось находить, то промитридатовцев обнаруживать было не легко: они умело маскировались под добропорядочных и лояльных граждан. К тому же на их стороне был закон: частная собственность, производственная и торговая деятельность являлись неприкосновенными. Государство не имело права вторгаться в эту сферу и как-то регулировать ее.

– Вообще-то, оно так должно и быть, государь, – говорил Литодор на совещаниях во дворце, куда он теперь приглашался как один из главных разработчиков реформ. – Частную предприимчивость не могут заменить и сотни государственных чиновников. Но это в условиях, когда общество уже окрепло и вошло в спокойное русло своей жизни. У нас же сейчас иное положение. Богатые хозяева и в городе, и в хоре оказывают упорное сопротивление начавшимся преобразованиям. Поэтому в качестве временной меры следует обязать их производить и поставлять в города все, что необходимо народу, притом по разумным, твердым ценам. Если надо будет применить силу или даже отобрать кое у кого имущество, то и перед этим нельзя останавливаться. Думаю, что такое решение городские власти одобряют и экклесия примет соответствующие законы.

– Не мешало бы, государь, уже и сейчас некоторых взять под стражу, – осторожно добавлял Савмак. – Я убежден, что они действуют по указке бежавших сторонников Крифона.

– Только этого не хватало! Взрывался Перисад. – Не трогайте никого! Достаточно нам пролитой крови. Или вы хотите превратить меня в тирана? Разберитесь сначала с тем, что уже натворили. А если демос ропщет, то в том ваша вина! Слишком быстро вы начали бежать вперед и не потрудились оглянуться – а поспевают ли за вами другие.

– После таких приступов гнева царь в сопровождении старшего соматофилака Пасиона удалялся в опочивальню и никого не принимал. В его характере за последнее время произошли заметные изменения. Он часто бывал раздражительным, никого не хотел видеть, плохо спал, и даже присутствие Стратоника не оказывало на него, как бывало прежде, своего благотворного влияния. В голову приходили одни и те же мысли: «Сделали из меня какого-то Аристоника – царя рабов! И творят неизвестно что. Проводят опыты с людьми, правдолюбцы слепые! А того не знают, что человеку та жизнь хороша, к которой он привык. И вообще, есть ли она, эта справедливая жизнь? И что такое справедливость, если в душе каждого полно мерзости и грязи? Элевтерия! Вот я – царь, а чувствую себя последним рабом: я повелеваю, а на деле повелевают мною; я желаю,

но желают за меня; я мыслю, но от моего имени уже помыслили. Где же здесь элевтерия? Только боги могут быть свободными! А они хотят сделать свободными всех людей. Любовь к человеку! Что это такое? Заключение в темницы и убийства одних во имя счастья других? Или это то, когда желают добра врагам своим, как утверждает Деметрий? Но кто видел таких безумцев? И вот люди с подобными суждениями теперь являются моими советниками!» – Царь звал Пасиона, тот приносил вино, и он пил, чтобы забыться.

Но были дни, когда у Перисада отлегалось от сердца, и он снова занимался своими обычными делами: выслушивал доклады, рассматривал просьбы, отдавал какие-то распоряжения, интересовался казной, состоянием дел в войсках и т.п. И если все шло хорошо, а реформаторы не донимали своими предложениями, к нему возвращалось былое благодушие. Он веселел, начинал шутить, и окружающие снова видели в нем своего прежнего доброго царя.

В один из таких дней во дворце появился гонец от Диофанта. Он сообщил, что Диофант завершил все свои дела в Скифии и на-днях по поручению царя Митридата прибывает вместе с пресбевтом Метродором в Пантикапей. А поскольку время беспокойное, то он уведомляет царя Перисада, что приедет в сопровождении полутысячного отряда телохранителей и просит, чтобы в том ему ни на границе, ни в дальнейшем пути следования не чинили никаких препятствий.

– Передай хилиарху Диофанту и пресбевту Метродору, что я буду рад видеть их у себя, – сказал Перисад.

Когда гонец ушел, царь внимательно посмотрел на Стратоника, который присутствовал при этом, и в полголоса спросил:

– Ну что, Стратоник, развязка приближается?

– Думаю – да, государь.

Наутро во дворец пришли Стратоник, Савмак, Неокл, Дейнострат, Гаттион, и Литодор. Царь проинформировал собравшихся, что ни сегодня-завтра начнутся переговоры с послами Митридата.

– Ни для кого из вас не является тайной, о чем будут эти переговоры, – сказал он. – Митридат хочет подчинить себе Боспор, как он это уже сделал с Херсонесом и Скифией. И речь пойдет, скорее всего, только об одном: или добровольное присоединение к Понту, или война. Вот я и хочу сейчас выслушать ваши соображения на сей счет. Может, начнем с тебя, Стратоник?

– Государь, ты знаешь мое мнение: я решительный противник вхождения Боспора в состав Понтийского царства в любой его форме, ибо это будет концом существования нашего государства. Не для того наши предки строили его почти полтысячи лет, чтобы мы теперь вот так вдруг перечеркнули все их труды. Я считаю, что на переговорах надо отстаивать

независимость Боспора во что бы то ни стало. Можно соглашаться на выплату любой дани, даже на заключение каких-то союзов, но только не на прямое подчинение Митридату. Если же это не удовлетворит понтийских послов, и они пригрозят войною, что ж, выхода не будет – примем и войну. У нас уже есть договор с сарматами. Думаю, подымутся и скифы: царь Фарзой не применит воспользоваться случаем, чтобы освободить свою страну. Помогут и другие племена, ведь от Митридата они тоже не ждут ничего хорошего.

– Ясно. А что ты скажешь Дейнострат? – спокойно спросил Перисад хилийарха. – Я государь, полностью согласен со Стратоником. Митридат обнаглел. На каком таком основании он требует передачи ему Боспора? Что это – его вотчина? Или он думает, что мы здесь овцы? Конечно, войска у него хороши, но и наши неплохие! Уверен, что в военном столкновении с ним мы ему не уступим. И Диофанту об этом надо прямо сказать – пусть знает, что здесь его никто не боится.

– Гаттион, твое мнение.

– Дейнострат прав, государь. Наши войска уже не те, что были год тому назад. Они хорошо вооружены и обучены и вполне могут противостоять понтийцам. Но все же я думаю, что с Митридатом лучше договариваться. Если мы с ним начнем войну, то она может затянуться и неизвестно, каков будет ее конец. И все равно потом придется вести переговоры. Так не лучше ли сейчас покончить с этим делом, даже если и надо будет чем-то поступиться?

– Даже если этим «чем-то» будет наша независимость?! – зло сверкнул глазами Савмак. – Прости, государь.

– Почему независимость? Я об этом не сказал! – поднял брови спирийарх. – Стратоник говорил уже о дани, о союзах, можно и еще что-то предложить в этом роде. Тем более, что Митридат в настоящее время на войну с нами явно не настроен, иначе он бы не вывел все свои войска из Тавриды, кроме трех отрядов – они остались в Хабеях, Палакии и Евпатории.

– Позволь, государь, – попросил слова Неокл. – Я тоже считаю, что с послами следует договариваться. Ведь то, что Митридат вывел свои войска из Тавриды – хороший знак. Значит, он настроен на переговоры. Не нужно только нам спешить с категорическими заявлениями. К предложению о присоединении мы должны отнестись спокойно и начать разговор об отсрочке: нужно, мол, привести в порядок внутренние дела, уладить отношения с соседями, подготовить умонастроение демоса и т.п. Главное – понянуть время, а там посмотрим. Нельзя забывать, что у Митридата под боком римляне, и может статься, что вскоре ему будет не до нас.

– Это верно. Ну, а если послы, не смотря ни на что, все же потребуют категорического ответа?

Газофилак-просодик развел руками:

– Тогда государь, наверно, останется только то, о чем говорили Стратонике и Дейнострат.

Царь повернулся к судье:

– Тут Неокл упомянул о демосе. Как настроены люди, Литодор?

– В городе, как ты знаешь, государь, беспокойно. Многие опасаются, что Боспор, в случае вторжения понтийцев, может потерять свою независимость. Простой демос, метеки и вольноотпущенники горой стоят за тебя, ибо ты для них являешься символом элевтерии и надежды на лучшее будущее. Они все, как один, готовы взяться за оружие, чтобы помочь тебе отстоять независимость Боспора. А вот богатые хозяева ждут не дождутся прихода Митридата. Для них присоединение к Понту – это спасение от начатых преобразований, и они готовы предать тебя, государь, в любой момент.

– Вижу я, – вздохнул Перисад, что переговоры, чем бы они не закончились, не внесут в общество успокоения... И все потому, дорогие мои советники, что вы раскололи его своими преобразованиями! Все ищите новые пути, вместо того, чтобы приводить в порядок старые дороги.

Царь нахмурил брови и помолчал.

– Значит, так. В переговорах будут участвовать Стратоник и Неокл. Остальным постоянно находится во дворце.

Послы приехали на третий день. По указанию царя Перисада на границе их встретил и сопровождал до Пантикапея Гаттион, а у ворот города приветствовали Савмак и Дейнострат. Они уже знали послов по их прошлым приездам в Пантикапей (Диофант здесь был после своей первой войны со скифами, а Метродор – во время секретных переговоров год тому назад), поэтому поздоровались с ними просто, как со старыми знакомыми. Диофанту это, кажется, понравилось. Он улыбнулся и слегка прищурил свои черные непроницаемые глаза, спросил:

– Ну что, Савмак, где ты будешь размещать мое воинство?

– Там, где и в прошлый раз, – недалеко от гавани.

– А сколько охранников будет со мною в акрополе? Пятьдесят?

– Таков наш давний обычай, – ответил Савмак.

Пока шел разговор, по обе стороны от ворот столпились люди. Они с любопытством и опаской разглядывали понтийцев. Рослые, крепкие всадники на горячих сытых лошадях в полном вооружении, поблескивавшим на солнце, ровными рядами стояли позади Диофанта и Метродора. Стражники Савмака и Дейнострата, по сравнению с ними, выглядели как-то по-домашнему буднично и серо.

– Таким все нипочем! Где уж тут было скифам устоять против них! – раздавались приглушенные голоса.

– Да упасут нас боги иметь дело с ними!

– А старшой-то у них не очень видный: и ростом мал, и в седле сидит без особой осанки.

– Да, но посмотри на его лицо – все в шрамах. Видать тоже добрый рубака!

– А кто это второй? Без оружия, без доспехов – явно не военный.

– Так это, наверно, и есть их главный переговорщик. Посмотри, какой дорогой плащ носит – красный, с золотым шитьем!

– Но если он едет на переговоры, то зачем ему такая охрана? Не воевать же собрался.

– А кто знает, что у него на уме? Видишь, как хитро поглядывает!

Диофант оставил пятьдесят всадников с собою, остальные вслед за Дейностратом поехали к гавани в приготовленные для них казармы. По дороге в акрополь он спросил Савмака:

– Скажи, лохаг, не воевать ли вы с кем собрались? И на границе у вас немалые войска, и здесь для мирного времени с избытком, и городские стены охраняются так, как будто за ними уже стоит неприятель. Ведь война, слава богам, закончилась, и благоприятным для вас образом – скифской угрозы больше нет.

– Война закончилась, это так. Но ведь ты сам, хилиарх устами своего гонца сказал, что «время нынче неспокойное».

Оба посмотрели друг на друга и рассмеялись. «Находчивый малый!» – отметил про себя Диофант.

К вечеру в кабинете Перисада начались переговоры. Царь не захотел проводить их в тронном зале – пышность и торжественность, считал он, здесь была неуместна. Он и сам появился в своем обычном одеянии: зеленый гиматий, шитый по краям золотым орнаментом, и красная повязка на голове вместо диадемы.

После принятых в подобных случаях приветствий и пожеланий благополучия слово взял Метродор:

– Царь Перисад, я привез тебе от великого царя Митридата Евпатора послание и уполномочен огласить из него следующее. – Он развернул свиток и начал читать: «Теперь, когда Херсонес и Скифия вошли в состав моего Царства, наши государства стали непосредственными соседями и у них оказались одни и те же враги: варвары в северопонтийских степях и ненасытные до чужих земель римляне. Поэтому я предлагаю тебе объединить наши силы, чтобы перед лицом варварской и римской угрозы мы смогли выступать как единое целое. В сложившихся условиях малые государства не являются жизнеспособными. Единственный выход для них – это объединение с другими, более мощными государствами. Такое

объединение не лишает их самостоятельности, наоборот – укрепляет ее, ибо оно обеспечивает их покой и безопасность. Считаю, что пробил час исторического выбора и для Боспора: или единение с нами и – процветание, или отказ от него и – неминуемая гибель».

Ни одна черта на спокойном лице Перисада не изменилась. Он принял послание из рук Метродора и спросил его:

– В какой форме царь Митридат видит наше объединение?

– Есть много форм, царь Перисад. Существует, например, договор о взаимопомощи, торговый союз, военный союз и т.п. Но ничто не является столь действительным, как единое государство, поэтому великий царь Митридат Евпатор настаивает именно на этой форме.

Перисад перевел взгляд на Стратоника:

– Что скажешь?

– Я думаю, государь, что нам следует поблагодарить царя Митридата за заботу о Боспоре. Она выдает в нем человека великодушного и доброжелательно относящегося к нам. Но давайте посмотрим, что такое объединение и что оно даст для нас. Смысл объединения, как понятия, заключается в том, что единение сторон осуществляется на основе их взаимного желания и стремления. А чтобы взаимное желание и стремление у сторон было, то необходимо наличие у них общих целей и, по крайней мере, близких по своему характеру исторических, культурных и политических ценностей. Имеются ли они у наших народов? Возьмем ценности. Историческое прошлое Понта обусловлено тем, что он был одной из сатрапий Ахеменидской державы; история Боспора – это история свободной милетской колонии. В основе понтийской культуры лежит персидский дух, слегка приправленный эллинизмом; культура Боспора – это культура Эллады, не потерявшая себя в окружении варварского мира. Политическое устройство понтийского царства являет нам ярко выраженную азиатскую деспотию; форма правления в Боспоре – сочетание монархической и демократической власти. Только совершенно несведущий человек не увидит здесь глубокого различия. И ясно, что народы, имеющие столь несхожие исторические традиции и жизненные ценности, не могут стремиться к объединению. А имеется ли совпадение в целях? В послании говорится, например, что Понт видит в римлянах и северопонтийских племенах своих врагов; мы же их врагами не считаем, ибо мы всегда старались и стараемся жить со всеми в мире и добрососедстве. Значит, и цели у нас разные: вы враждуете, мы дружим. Такова правда. А если это так, то что даст нам объединение Боспора и Понта? Оно с необходимостью заставит нас, как более слабую сторону, отказаться от многих наших традиционных ценностей и целей и взамен их принять чужие, не свойственные нам. А это равносильно потере Боспором своей самостоятельности. К тому же, и об этом надо сказать откровенно, в

таком едином государстве не может быть места двум династиям – династии Ахеменидов и династии Спартокидов. Одна из них, рано или поздно, должна уйти с исторической сцены. И конечно же, эта роль отводится Спартокидам. Исходя из сказанного, я предлагаю, государь, темой наших переговоров сделать не объединение государств, а поиск форм их взаимовыгодного, добрососедского и безопасного существования. Это и будет единение с Понтом, о котором говорит царь Митридат, и оно действительно принесет процветание, и не только Боспору, но и Понтийскому царству.

– Каков будет твой ответ, пресбевт? – обратился Перисад к Метродору.

– Великий царь Митридат Евпатор предвидел пободный поворот на переговорах, поэтому он поручил мне обсудить с тобою и тему соседских отношений. Он тоже считает, что эти отношения должны быть взимовыгодными, добрыми и способствовать безопасности каждого из наших государств. Но чтобы они являлись таковыми, то соседи не должны представлять собою угрозу друг другу. К сожалению, со стороны Боспора исходит для нашего Царства серьезная угроза.

Перисад удивленно посмотрел на него:

– Угроза для Понта?

– Да, царь Перисад, угроза.

– В чем же она заключается?

– Начну хотя бы с того, что ты, царь Перисад, отпустил на волю всех государственных рабов и способствовал физическому уничтожению или изгнанию лучших людей Боспора. Под видом демократии к власти везде пришли вчерашние рабы и низкие люди. Опьяненные ложной элевтерией, в городах орудуют шайки разбойников. Великий царь Митридат Евпатор недоумевает, как это все может происходить в некогда сильном и славном Боспоре. Неужели здесь повторяется пергамская смута времен злополучного Аристоника? Все это, конечно, не касалось бы Понта, если бы мы теперь не были соседями. Но посуди сам, когда дом соседа горит, то разве это не опасно? Ведь огонь в любой момент может перекинуться и на наше жилище! А этого мы допустить не можем – это страшная угроза для самих основ нашего Царства. Далее, является ли дружественным поступком в отношении Понта то, что вы принимаете у себя беглых скифов – наших подданных и рабов, даете им оружие и зачисляете в свое войско? А договор с сарматами? Это что? Может, он заключен от избытка дружественных чувств по отношению к нам? Не против же Рима он направлен! Стратег Стратоник только что сказал, что римляне не являются вашими врагами. Кстати, Рим – это наш заклятый враг, а кто относится хорошо к нашим врагам, тот, по логике вещей, становится тоже нашим врагом, хочет он того или нет. Вот таковы сейчас наши соседские

отношения. Великий царь Митридат Евпатор, поручая мне обсудить их с тобою, сказал, что если тебе удастся вернуть отпущенных рабов в их прежние стойла, уважаемых людей – на родину с выплатой понесенных ими убытков, беглых скифов – в Скифию, при этом если ты разорвешь договор с варварами и пересмотришь свои взгляды на Рим, то у него не будет претензий к Боспору, и между нашими Царствами установятся действительно добрые, взаимовыгодные и безопасные отношения.

Стратоник, возмущенный столь бесцеремонными требованиями пресбевта, что-то хотел возразить, но царь Перисад жестом руки остановил его и глухо сказал:

– Мнения сторон определились, продолжим переговоры завтра.

Понтийские послы, откланявшись неторопливо вышли.

– Государь, – подавляя раздражение, сказал Стратоник, – это же грубое вмешательство в наши внутренние дела. И Метродор, по-существу, предъявил нам ультиматум!

– А ты как бы поступил на его месте, если бы тебе дали задание – отобрать Царство? Вот то-то. Уже поздно – идите и думайте.

Опираясь на плечо Пасиона царь медленно пошел в опочивальню. Там он за полночь сидел у столика и много пил «по-скифски». Ложась спать, спросил:

– Как царевич, Пасион? Я не видел его целый день.

– У него все хорошо. Он уже спит.

– Пусть хранят его боги...

Переговоры продолжались еще шесть дней. Перисад объявлял перерывы, менял состав своих помочников, беседовал с Метродором с глазу на глаз, но прийти к соглашению не удавалось. Понтийцы стояли на своем: или выполнение всех выдвинутых ими требований, или объединение Боспора с Понтом. Ни первое, ни второе Перисада не устраивало. Хилярх Диофант уже стал терять терпение и вопреки инструкции Метродора начал намекать на силовое решение проблемы. На одном из заседаний он прямо заявил:

– Царь Перисад, из практики известно, что там, где сторонам никак не удастся достичь взаимопонимания по жизненно важным для них вопросам, начинаются войны. Великий царь Митридат Евпатор далек от того, чтобы таким образом договариваться с Боспором, но боюсь, что у него не останется иного выбора.

Это еще больше обострило переговоры. Савмак, Дейнострат и Литодор, которые в разных составах и все вместе уже участвовали в переговорах, решительно стали на сторону Стратоника, расценившего слова Диофанта, как явную угрозу и попытку сорвать достижение каких бы то ни было договоренностей. Метродору пришлось дезавуировать заявление своего нетерпеливого помочника. Но Неокл и Гаттион начали

склоняться к тому, что требования, выдвинутые Метродором, хочешь не хочешь, а придется выполнять.

– У нас иного выхода нет, – говорили они, когда понтийские послы отправлялись на перерыв. – Лучше поступиться немногим, чем потерять все. Ничего страшного не произойдет, если мы, например, отдадим понтийцам беглых скифов и разрешим сторонникам Крифона вернуться в Боспор. Разрыв договора с сарматами тоже никак не скажется на нашей безопасности, раз у нас будет прочный мир с Понтом. А что касается отпущенных на волю рабов, то многие из них и так уже заслуживают того, чтобы опять оказаться в своих казармах – в городах станет спокойнее. Стронники реформ с негодованием отбрасывали эти предложения. Завязывался спор, сыпались взаимные обвинения в некомпетентности, недалёковидности и даже в предательстве. Метродор догадывался о разногласиях между боспорцами и это ослабляло позиции Перисада.

Горожане тоже не оставались безучастными. Они знали, что происходило на переговорах: Литодор, твердый приверженец демократии и элевтерии, считал своим долгом держать народ в курсе событий, да и царь не делал из этого никакого секрета. И когда Литодор сказал, что Неокл и Гаттион готовы пойти на уступки понтийцам ценой отказа от достигнутого в ходе реформ, в городе сами собой стали возникать отряды ополченцев из беднейшего демоса, вольноотпущенников и метеков, большинство которых составляли скифы. Люди клялись не щадить своей жизни ради защиты элевтерии и царя – ее гаранта. Промитридатовцы тоже организовали свои дружины, в которые вошли и военные, тайно вернувшиеся из Фанагории. И в Пантикапее возникло вооруженное противостояние.

Это обеспокоило не только Перисада, но и Метродора. Он говорил Диофанту:

– В городе могут начаться волнения в любой момент. Поэтому надо спешить. Я постараюсь завтра снова встретиться с Перисадом наедине и попытаюсь еще раз склонить его к передаче власти нашему государю. Угроз и твердости было предостаточно, особенно с твоей стороны. – Он искоса взглянул на Диофанта. – Теперь я доверительно поговорю с ним; распишу те блага, которые его ожидают, когда он станет «царским сыном». Мне кажется, что он уже сломлен, и теплая беседа может оказаться тем слабительным средством, которое окончательно лишит его воли к сопротивлению. Ну, а если не удастся, то не хлопая дверью, придется срочно уезжать. Благо, что за нами уже пришли корабли из Херсонеса.

Перисад и в самом деле был сломлен. Он находился в том мучительном душевном состоянии, которое угнетало его волю, но одновременно и обостряло чувство опасности. Поэтому и на переговорах

он часто стоял на своем, руководствуясь лишь каким-то подсознательным упрямством. Его злила наглость и бесцеремонность требований понтийцев, но раздражало и собственное окружение, впавшее в разногласия. А теперь еще нависла и угроза кровавых беспорядков в городе, которые легко могли ввергнуть в хаос все Царство. Переговоры же не давали желаемых результатов. Мало того, они зашли в тупик, а это означало только одно – войну. Войны же Перисад допустить не мог, ибо давно был убежден, что в военном столкновении с превосходящими силами Понта Боспор будет уничтожен. И вечером, после шестого дня переговоров, он принял твердое решение – отказаться от престола в пользу Митридата.

Когда утром царь вошел в кабинет, Метродор сразу же стал просить об аудиенции, но Перисад оборвал его:

– Не надо. Я согласен передать власть Митридату.

От неожиданности все замерли. Даже лица Метродора и Диофанта застыли в недоумении. Установилось тягостное молчание. Наконец, побледневший Савмак прошептал:

– Как согласен? Государь!

– Такова моя воля, – безучастным голосом сказал царь. – Оформляйте это решение. – И покинул заседание.

В глазах Стратоника стояли слезы. Дейнострат сорвался с места, и открыв ногою двери выскочил из кабинета. За ним молча удалился Литодор.

Вскоре весь город знал, что царь Перисад отрекся от престола в пользу Митридата. К вечеру пришло известие, что Савмак отстранен от должности лохага Пантикапея – им стал понтийский стратег Ламах – и охрана царского дворца перешла к понтийцам. Распространился слух, что смещен со своей должности и Дейнострат, а наутро якобы назначена присяга пантикапейского гарнизона на верность царю Митридату.

И город забурлил. Ополченцы с оружием в руках наводнили агору и прилегающие улицы. Через некоторое время на агоре появились Савмак, Стратоник, Дейнострат, Демарх и Литодор. Они были в панцырях и шлемах, на поясах висели мечи. Савмак, поднявшись на возвышение, обратился к собравшимся:

– Боспорополиты! Воины! Сегодня царь Перисад отрекся от престола и всю власть передал понтийскому царю Митридату.

Площадь взорвалась криками:

– Предатель! Смерть ему!

Савмак выждал и продолжил:

– Митридат вознамерился уничтожить Боспор, как он уничтожил Скифию. Акрополь уже захвачен понтийцами. Их там около полутысячи. Готовы ли вы идти сейчас со мною на акрополь, выбить оттуда

митридатовцев и отстоять элевтерию? Или покоритесь врагу и станете его рабами? Решайте!

– Готовы! Готовы! На акрополь! За элевтерию! Смерть понтийцам! Веди, Самвмак! – снова закипела агора.

Спустя час в сгустившихся осенних сумерках Савмак с отрядом бывшей дворцовой стражи через потайной ход проник на территорию акрополя и внезапно напал на понтийцев, охранявших тяжелые, окованные железом крепостные ворота. В короткой схватке потнийские охранники были уничтожены, и ворота открылись. В них лавиной хлынули восставшие. Понтийцы оказали ожесточенное сопротивление, но Савмак, Дейнострат и Демарх, хорошо знавшие планировку акрополя, умело руководили боем, и спустя некоторое время сражение перекинулось уже в царский дворец.

Восставшие, захватывая одно помещение за другим, вскоре оказались у царской опочивальни. Взломав двери и перебив находившихся там понтийцев, они увидели царя. Он сидел на краю ложа и держал на руках своего восьмилетнего сына Спартока. Мальчик уткнулся лицом в плечо отца и, крепко обвив своими ручонками его шею, дрожал от страха.

– Вот он – предатель! Крикнул один из повстанцев и, подскочив к царю, с силой вонзил ему в грудь акинак. Другим ударом он пронзил худенькое тельце царевича.

Перисад, не выпуская из рук вскрикнувшего сына, медленно завалился на спину. В мятущемся свете факелов было видно, как под ним на белой простыне начало набухать и расширяться темное пятно крови.

Лишь на минуту опоздал Савмак.

– Что вы сделали?! – срывающимся голосом закричал он. Это же наш царь!

– Это предатель! Он был с ними! – хрипло ответили повстанцы и начали рубить двери в кабинет, за которыми тоже забаррикадировались понтийцы.

Савмак подошел к ложу. В свете ночного светильника на него смотрели широко раскрытые глаза Перисада. В них стояло удивление, и они, казалось, спрашивали:

– И ты с ними?..

Савмак нагнулся, провел своей жесткой широкой ладонью по еще теплому лицу царя и закрыл их. Затем осторожно снял царевича с мокрой от крови груди Перисада и положил его рядом с ним. Несколько минут он стоял неподвижно, не слыша ни криков сражающихся, не видя ничего вокруг себя. Сердце его щемило. Почему-то вспомнилось детство, невинно убитый отец, скитания с Деметрием, потом жизнь при дворе у этого доброго человека. «И вот как я отблагодарил тебя»... – беззвучно шептал он. Савмак снял светильник со стены, поднял его над головой и обвел

глазами разгромленную опочивальню. Между трупами понтийцев и повстанцев он увидел тело старшего соматофилака Пасиона. «Бедный старый скиф! Ты до последнего оставался возле государя, а я вот бросил его, предал...»

– Ты здесь, Савмак? А я ищу тебя, – раздался голос.

На пороге с факелом в руке стоял Демарх. Его панцырь в нескольких местах был прорван.

– Пойдем! Понтийцы отступают, они уже покидают дворец.

С Савмака в одно мгновение слетела пелена расслабленности и он вернулся к происходящему.

– Отступают? Где Дейнострат?

– Он организует преследование. С ним Стратоник и Литодор.

– Хорошо. Ты ранен? Оставайся здесь. Следи, чтобы не началось мародерство! – И Савмак побежал к выходу.

Понтийцы действительно отступали. Диофант, получив известие, что Перисад убит, а восставшие заняли почти весь дворец, понял, что акрополя ему не удержать, приказал отступить к воротам. Он надеялся, что при поддержке промитридатовских дружин, в которые уже были назначены понтийские военачальники, ему удастся пробиться к гавани, где стояли херсонесские корабли. И это получилось. Понтийцы с трудом образовав каре вокруг Диофанта, Ламаха и Метродора, покинули акрополь. Отбиваясь от яростно нападавших повстанцев, они постепенно вышли к гавани. Там с помощью промитридатовских дружинников понтийцы сели на корабли и отплыли. Но только третья часть воинов Диофанта возвращалась вместе с ним в Херсонес. Остальные полегли в акрополе и на кровавом пути от него до гавани.

Утром город ликовал. Даже похороны погибших не омрачили общего настроения: им воздавали почести как героям и спасителям Боспора и элевтерии. На агоре оратор сменял оратора, и все они говорили об одном: в Боспоре началась новая эпоха – эпоха подлинной элевтерии, которая как утверждал вездесущий Тохар, обязательно приведет к «золотому веку». Рядом стоял Деметрий. Он молча смотрел на происходящее и задумчиво улыбался. Может быть он тоже считал, что истинная элевтерия наступает, и ее ростки уже видны в этой бурлящей, неистовой радости людей. А может, наоборот, с сожалением думал о том, как глуха еще их душа к внутренней свободе, как далека она от нее, покрытая твердой коркой эгоизма, ненависти и жестокости. Ведь это они, веселящиеся и ликующие, вчера убили царя, пресекли династию Спартокидов, не пожалели даже царицу Алкмену – об этом рассказал ему Сосий.

Через пару часов на агоре появились Савмак, Стратоник, Литодор и Дейнострат. Они пришли из некрополя⁶, где без лишней огласки с

помощью дворцовых стражников похоронили в простых могилах царскую семью. Литодор сразу же поднялся на возвышение и взял слово. Он был ранен: его левая забинтованная рука висела на перевязи, и рана, видимо, давала знать о себе, но голос звучал твердо:

– Боспорополиты! Я разделяю вашу радость. Однако теперь, когда понтийцы изгнаны, а царь Перисад и его наследник убиты, нам необходимо серьезно подумать об устройстве нашей дальнейшей жизни и прежде всего – об устройстве государственной власти. Власть – это сейчас первый и главный вопрос. Если она будет предана народу и действенна, то мы продолжим и завершим начатые преобразования, ибо только в них залог прочности нашей элевтерии. Если она будет предана народу и действенна, то мы наведем порядок в обществе, ибо недобитые промитридатовцы не оставят своих попыток вредить нам. Если она будет предана народу и действенна, то мы укрепим свою оборону так, что никакой враг не сможет сломить нас. Вот почему так важен вопрос о власти. И я предлагаю решить его здесь и сейчас. Здесь и сейчас, поскольку все вы, стоящие на агоре, имеете на это право. Ведь и вольноотпущенники, и метеки, и еще неосвобожденные рабы вчера в бою с понтийцами обрели свое гражданство. Это вытекает из духа и сути нашей элевтерии. Поэтому я, как представитель городских властей, по согласованию с лохагом Пантикапея Савмаком, стратегом Стратоником и хилийархом Дейностратом, возглавившими восстание, объявляю наше собрание экклесией и спрашиваю вас: какую форму власти вы хотите и кто в нее должен быть избран?

Притихшая агора напряженно слушала Литодора, а когда он закончил свою речь, раздались многотысячные возгласы:

- Демократия! Демократия!
- Выборные и сменяемые архонты!
- Правильно! Савмака в архонты!
- И Стратоника! И Дейнострата!
- Литодора тоже в архонты! Он справедливый человек!

– Дайте мне, дайте мне слово! – из толпы к возвышению пробирался вольноотпущенник Авталк, недавно назначенный агораномом. – Послушайте, граждане, что я хочу сказать. Царь Перисад, хотя и пожаловал нам свободу, но до конца не был нашим царем. Потому он и хотел отдать нас всех в рабство Митридату. Но Боспору без царя никак нельзя! Это все равно, как тело без головы. Нам нужен царь, но царь наш – народный, выбираемый и сменяемый. Он должен горой стоять за простых людей. И я вижу этого человека. Вот он! – Авталк размашистым жестом руки указал на стоявшего рядом Савмака.

– Савмак! Савмак! Пусть будет нашим царем Савмак! Савмака в цари! – снова загудела площадь.

– Авталка в архонты! Он достоин! В архонты!

Еще долго шумела агора, многие люди подымались на возвышение, вносили разные предложения и кандидатуры. Не видно было здесь только промитридатовцев. Поддержав Диофанта и потерпев вместе с ним поражение от восставшего народа, они либо бежали – кто с понтийцами, кто через пролив в Фанагорию, – либо снова затаились. Правда, один из рапсодов продекламировал:

«Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
Муж дерзновенный не стал грозных состаний вождем.
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие ведь никогда государств не губили,
То негодяи, простой наглости давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в прежнем благополучьи наш покоится город, –
Верьте, не долго оно в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда – восстания, гражданские войны, убийства, –
Так же тиранны, – от них обереги нас судьба!»⁷.

Возмущенная толпа с криками: «Митридатовский прихвостень!» тут же накинулась на несчастного рапсода и до смерти забила его. Прежде такого никогда не бывало: считалось, что рапсоды и аэды находились под покровительством богов. Но теперь, видимо, этого никто не помнил. Во всяком случае, происшедшее никак не повлияло на ход импровизированной экклесии. Обсуждение вопроса о власти продолжилось, и уже через несколько часов логограф Литодара Илий огласил решение: «Народ Пантикапея и Боспора избирает своим царем Савмака, архонтами – Стратоника, Литодара, Дейнострата и Авталка. Все избираются на два года. Народ ожидает от демократической власти продолжения начатых преобразований и наведения порядка в государстве во имя блага всех его граждан. Второй год сто шестидесят восьмой Олимпиады⁸ считать Первым годом Боспорской Элевтерии».

И новая власть начала работать.

После нескольких заседаний в бывшем кабинете царя Перисада совет архонтов во главе с Савмаком выработал и обнародовал на агоре, получив ее одобрение, два закона: об имущественном положении граждан Боспора и о немедленной отмене рабства. В пером шла речь об установлении пределов бедности и богатства. Используя мысли и слова Платона, его разработчики писали: «В нашем обществе не должно быть ни тяжелой бедности, ни чрезмерного богатства, ибо бедность и богатство

взаимно порождают друг друга. Поэтому мы постановляем: каждый гражданин получает земельный надел, равный другим, и стоимость этого надела будет считаться порогм бедности. Любой боспорополит может увеличить свое состояние, но не больше, чем в четыре раза от стоимости надела, и это будет порогом богатства. Если же кто приобретет сверх того, получив по наследству, в подарок или наживши сам, то он обязан отдать избыток своего состояния государству и его богам-покровителям. Сделав это, он обретет добрую славу и останется безнаказан. Ослушника же этого закона может выдать всякий желающий, и ему достанется половина избыточного состояния, другая половина – государству и богам-покровителям. Кроме того, виновный будет обязан уплатить государству из своего имущества еще и сумму денег, равную стоимости его избыточного состояния. Это мера оправдана, ибо каждый должен знать, что никакое государство не сможет наслаждаться покоем, опираясь на законы, как бы хороши они ни были, если люди будут считать, что целью их жизни является роскошь и праздность»⁹.

Во втором законе говорилось, что рабство противоречит природе человека и сути самой элевтерии, завоеванной народом. Для тех хозяев, которые пытаются уклониться от освобождения своих рабов в нем предусматривались суровые меры наказания – от высоких штрафов до смертной казни. Пользоваться чужим трудом отныне можно было только за его оплату.

По мнению Савмака и его архонтов, данные законы должны были окончательно закрепить проведенные ранее реформы и внести в общество порядок и консолидацию. Сопrotивление богатых собственников в расчет не принималось, поскольку подавляющее большинство народа жило гораздо ниже установленного порога богатства, не говоря уже о рабах. На безоговорочную поддержку именно этого большинства они и рассчитывали. И каково же было их удивление, когда после того, как всем гражданам нарезали равные земельные участки и конфисковали почти все избыточные состояния, многие из этого большинства, в чьих интересах и были разработаны законы, оказались недовольны. Выяснилось, что не мало хейромахов, вольнотпущенников, метеков и представителей среднего демоса сами стремились приобрести себе избыточное состояние и даже в тайне обзавестись рабами. Они охотно доносили на состоятельных сограждан, чтобы получить положенное по закону вознаграждение. И вместо счастливого общества гелиополитов возникло общество раздоров и вражды. Непрерывающиеся имущественные тяжбы, умышленные поджоги и убийства стали обыденными явлениями не только в Пантикапее, но и в других городах Боспора, активно поддержавших восстание, – таких, как Феодосия, Казека, Акра, Нимфей, Тиритака, Мирмекий, Парфений. Властям ничего иного не оставалось, как сурово

качать преступивших закон. Темницы наполнились и промитридатовцами, и мнимыми их сторонниками, и вольноотпущенниками, и метеками – словом всеми теми, кто никак не хотел ограничивать свою хозяйственную деятельность «порогом богатства».

На одно из заседаний совета архонтов Савмак пригласил Деметрия.

– Что мы не так делаем? – спросил он его. – Ведь стараемся только для блага народа!

– Если кратко, то вы слишком увлеклись теорией идеального государства Платона и не обратили внимания на две его важные мысли. Первая: «Вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте – совершенство тела, так как оно стоит ниже души, а на третьем и последнем – почтение к богатству, так как оно – слуга и души, и тела»¹⁰. Своим законом об имуществе вы как будто и поставили почтение к богатству на последнее место, установив его порог. Но что вы сделали для совершенства души? Ничего, ибо дали людям только внешнюю свободу, а совершенство души – это свобода внутренняя, и она не приобретается вместе с внешней. Оковы души и оковы тела – вещи разные. Вот поэтому-то люди, оставшись внутренне рабами, и продолжают почитать богатство как свою первую и главную цель жизни. А вы их сажаете в темницы! Они не понимают, за что. Вторая мысль Платона. Тот, говорил он, кто приобретает состояние, убивая других, называя их своими врагами, растаскивает их деньги и раздает своим соучастникам, хотя сам при этом остается бедным, не заслуживает доброго слова. Не снискает славы и тот, кто таким же образом облагодетельствовал государство, разделив согласно народному постановлению богатство немногих между многими¹¹. Не это ли вы сделали? Так на какую же благодарность от людей вы рассчитываете?

– Но мы поступали по справедливости, – заметил Литодор.

– По справедливости? Справедливость – понятие относительное, Литодор. Она зависит как от тех, от которых исходит, так и от тех, к кому обращена. В ваших добрых намерениях я ничуть не сомневаюсь. Но посмотрите, как вашу справедливость воспринимают люди. Для богатых она была и остается произволом и грабежом; бедные сначала видели в ней благо, но оперившись, многие из них стали рассматривать ее как зло, ибо она не позволяет им по-настоящему обогащаться. И что получилось? Справедливое для вас оказалось несправедливым для людей. Вы, конечно, не отступите от своего, но это значит, что вам придется все больше прибегать к насилию. А насилие, сопряженное с внутренней несвободой людей, неизбежно порождает в обществе анархию и вседозволенность. И вам ничего иного не останется, как устанавливать тираннию.

– Тираннию? – удивленно спросил Савмак.

– Да, мой друг. Тиранния, говорил Платон, возникает не из какого иного строя, как из демократии, и крайняя свобода может обернуться

величайшим и жесточайшим рабством¹². Ведь кто такие тираны? Это часто люди, которые страстно желают добра своему отечеству, но, к сожалению, с дерзостью невежд присваивающие себе исключительное знание истины и справедливости. Поэтому они не терпят инакомыслия, сворачивают демократию и во всем устанавливают единообразие. А ведь в государстве, как и в семье, нельзя требовать абсолютного единства. Если это единство зайдет слишком далеко, писал Аристотель в своей «Политике», то государство само себя уничтожит. Во всяком случае, оно станет наихудшим, ибо это все равно как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом¹³. Я не думаю, что вы станете такими людьми, но ведь и Сократ не знал, что его ученик Критий будет в числе «тридцати тираннов»¹⁴, – улыбнулся Деметрий.

– Так что же нам делать? – спросил Стратоник.

– Будьте души, освобождайте их от скверны несвободы. И помните слова Платона, что «как подчинение, так и свобода, престапующая границы, есть величайшее зло»¹⁵.

Но избежать как «подчинения», так и «свободы, престапующей границы», уже не удавалось. К концу зимы начали происходить открытые вооруженные столкновения между отдельными группировками старых и новых хозяев, поскольку новые разбогатели за счет «избыточного» состояния старых. Им противостояла беднота – в основном, освобожденные рабы и скифы. Власти, естественно, были на стороне бедноты, и вскоре в ее руках оказались все органы самоуправления. А это еще больше обострило обстановку, ибо теперь там часто принимались такие решения, которые не пользовались поддержкой даже небогатого демоса. Многих возмущало и само поведение новых чиновников, которые ходили горделиво и поглядывали на других свысока, как например, один из них – астином. Когда он шел в развалку по агоре, то руки его болтались так, как будто они были привязаны к плечам шнурками – это казалось ему верхом превосходства и значимости своей особы.

Начало приходить в упадок производство: бывшие рабы неохотно шли наниматься на работу, а хозяевам не было смысла производить больше, чем позволял «порог богатства» – все равно отберут. Прекратилась торговля с Понтом и Грецией. На варварском рынке стал преобладать натуральный обмен. В результате возник денежный кризис. И на совете архонтов было решено начать выпуск собственных монет. Ими стали серебряные диаболы с изображением Савмака в лучезарном венце (на оборотной стороне – голова быка и надпись: Савмак). Савмак противился тому, чтобы на монетах было его изображение, он не носил даже красной повязки на голове – знак царского достоинства, но архонты настояли:

– Твое изображение, окаймленное лучами, будет символом нашей цели – построения на боспорской земле справедливого Государства Солнца.

Деньги пошли в оборот, но это мало что изменило в пошатнувшейся экономике и уж никак не повлияло на общее настроение демоса. Все чаще можно было слышать на агоре:

– Не Государство Солнца они строят, а государство скифов и рабов. И стоило ради этого убивать Перисада? Какой уж он ни был царь, а все же наш – эллинский. А то, что власть передал Митридату, то может, оно было и к лучшему – понтиец порядок навел бы.

И редко уже кто обрывал говорившего такие слова: люди или соглашались, или, махнув рукой, равнодушно уходили. Литодор приказывал хватать смутьянов и сажать в темницы как агентов Понта. Но на допросах нередко выяснялось, что «агентами» были простые люди, которые во время восстания сами выбивали понтийцев из акрополя. Это особенно раздражало и озадачивало Литодора.

– Что же вы делаете, неразумные? – укоризненно говорил он. – Мы ради вас живота своего не жалеем. А вы? Вместо того, чтобы помогать нам в утверждении элевтерии, хулите нас на чем свет стоит!

И в ответ почти всегда слышал одно и то же:

– Не за такую элевтерию мы боролись, архонт. Кругом развал и неразбериха, а в начальниках ходят тупые рабы.

После одного из таких допросов Литодор рассказал об этом на совете архонтов. Стратоник обвел глазами стены царского кабинета, на которых кое-где еще виднелись следы памятного ночного боя с понтийцами, и сказал:

– Деметрий, прав: легко снять оковы с тела человека, но снять их с его души, – дело очень трудное. Об этом когда-то говорил мне и царь Перисад.

– Не знаю, как там насчет души, но наши чиновники действительно тупы и во все суют свой нос, – заметил Авталк. – Мы людям просто мешаем работать. Мы отнимаем у них то, что по природе принадлежит каждому человеку, – самостоятельность. А чуть кто не согласен – сразу враг. Ну разве так можно?

А ведь Авталк прав! – резко провел рукой по своим русым волосам Савмак. – Мы все взяли на себя: и думаем за других и работаем за всех, и если бы могли, то и дышали бы за каждого. Ведь так и в самом деле можем стать тираннами!

– Хуже, Савмак, – мы уже ими стали, – вздохнул Стратоник. – После нашего разговора с Деметрием я просмотрел «Политику» Аристотеля и вот что там вычитал. Он достал небольшой пергамент: – «Тиранн стремится к трем целям: во-первых, вселить малодушие в своих подданных, так как человек малодушный не станет составлять против него заговоры; во-

вторых, поселить взаимное недоверие – тиранния может пасть только тогда, когда некоторые граждане будут доверять друг другу, поэтому тиранны – враги порядочных людей, как опасных для их власти, и не только потому, что они не выносят деспотической власти, но и потому, что они пользуются доверием как в своей среде, так и среди других и не станут заниматься доносами ни на своих, ни на чужих; в-третьих, лишить людей политической энергии: никто не решится на невозможное, значит, и на низвержение тираннии, раз у него нет на то силы». Если кратко, то цели тиранна состоят в том, «чтобы люди не доверяли друг другу; чтобы не могли действовать, чтобы прониклись малодушием»¹⁶. Не о нас ли это написано? Разумеется, мы не ставили перед собою таких целей, но своими действиями преуспели в том, чтобы посеять недоверие людей друг к другу, сделать их аполитичными и малодушными.

– Значит – все! – после некоторого молчания сказал Савмак. – Давайте будем думать, как исправить дело, иначе загубим элевтерию. А для начала, Литодор, отпусти всех простых боспорополитов – в их недовольстве мы сами виноваты. Будем работать по-новому.

Задержанных отпустили, но наладить работу по-новому уже не удалось.

Царь Митридат внимательно следил за всем происходящим в Боспоре. И если он, возмущенный дерзостью восставших, вначале хотел сразу же направлять свои войска в Пантикапей, то после, получая известия оттуда, решил выждать.

– Я вижу, – сказал он Метродору, – что у них дело идет к гражданской войне. И это хорошо. Когда она разразится, мы поможем демосу, поднявшемуся против преступной власти, и он за это будет благодарен нам.

Но пришла весна, а гражданская война в Боспоре не начиналась. Противники Савмака еще не чувствовали себя готовыми к военному выступлению. Им было известно, что «народный царь» располагал довольно сильным войском, во главе которого стояли преданные ему люди. К тому же Фанагория и прилегающие к ней города Гермонасса, Корокондама, Кепы и др., хотя и дали убежище всем врагам восставших, не очень хотели вмешиваться в события на противоположном берегу пролива. Их устраивало то, что они уже, фактически, избавились от опеки Пантикапея. И у Митридата иссякло терпение: нерешенный боспорский вопрос мешал ему заняться делами в Малой Азии. Он вызвал Диофанта и отдал приказ:

– Бери, хилиарх, столько войск, сколько тебе надо, но чтобы в течение месяца восстание в Пантикапее было подавлено и Боспор вошел в наше Царство. Савмака доставишь сюда. – И скривив губы в иронической улыбке, добавил: – Надеюсь, второй раз уже не побежишь из акрополя!

Последние слова царя больно кольнули Диофанта, но он знал, что Митридат прав: поражение позорно для полководца, и оправданием здесь может быть только одно – разгром того самого врага, от которого это поражение потерпел.

Спустя несколько дней Диофант со своими войсками высадился в Херсонесе. Спешно дополнив их местными ополченцами, он тут же морем направился к Феодосии. Стремительность действий понтийского хилиарха была такова, что в Пантикапее узнали о его вторжении лишь тогда, когда город был уже осажден. Савмак срочно послал на помощь феодосийцам войска, но когда Дейнострат, возглавлявший их, прибыл туда, то увидел, что опоздал – Феодосия пала. Языки пламени и клубы черного дыма поднимались над прекрасными дворцами и домами древнего города. Дейнострат с ходу отаковал противника. Но Диофант предвидел прибытие войск из Пантикапея и подготовился к их встрече. После многочасового кровопролитного сражения боспорцы вынуждены были уступить численному и боевому превосходству врага и отошли к Казеке. Однако закрепиться ни здесь, ни в других менее защищенных городах на пути к столице Дейнострату не удавалось. Не могли помочь и морские силы, на которые он рассчитывал, – их блокировал понтийско-херсонесский флот. И вскоре Диофант оказался у стен Пантикапея.

Тем временем вооруженные отряды промитридатовцев, находившихся на азиатской стороне Боспора, во главе с дандарийским князем Олфаком переправились через пролив и, овладев Порфмием, Порфением и Мирмекием, тоже подошли к столице. К ним присоединились сторонники Кофа, который вслед за понтийскими войсками вернулся из Херсонеса. Диофант назначил Олфака лохагом всех боспорских ополченцев и поручил ему следить затем, чтобы ни один отряд повстанцев из хоры не смог прорваться к городу на помощь Савмаку, а сам начал готовится к штурму Пантикапея.

И через день, около полудня, понтийцы совместно с херсонесцами пошли на приступ. Повстанцы защищали город отчаянно, ибо знали, что помощи ждать неоткуда: Фарзой, с которым Стратоник связался через посыльного, не мог помочь, потому что все находилось под контролем понтийцев, к тому же они взяли в заложники его мать и брата; сарматские племена, оценив ситуацию, решили не вмешиваться – еще свежа была память о поражении роксаланов; отрядам с хоры путь преградил Олфак. Поэтому оставалось одно – или выстоять, надеясь только на самих себя, или погибнуть. О сдаче никто не помышлял, поскольку каждый знал, что все равно его ждет смерть, и все дрались с неистовством обреченных.

Не смотря на это ближе к вечеру в крепостных стенах понтийцам все же удалось проломать несколько брешей и они, подобно бурному потоку, хлынули через них в город. Ломая сопротивление защитников, понтийцы и

харесонесцы захватывали одну улицу-террасу за другой и вскоре оказались на территории акрополя – отступающие под их напором просто не смогли закрыть крепостные ворота. Как и во время восстания, сражение перекинулось в царский дворец и во все прилегающие к нему здания, только теперь восставшие отступали. На подступах к дворцу уже погибли Дейнострат и Литодор, упал тяжелораненный Стратоник, не стало слышно голосов Демарха и Авталка, отбивавшихся от понтийцев в тронном зале. Оттуда через выбитые двери повалил густой дым и показалось пламя.

Савмак все это видел и понимал, что битва проиграна, а вместе с ней и цель его жизни – элевтерия. Оттесненный с небольшой группой своих воинов в коридор, ведущий в царский кабинет, в котором уже тоже были понтийцы, он решил принять здесь свой последний бой. Истекая кровью от полученных ран, он ринулся на врагов. Но понтийцы как-то странно расступились.

– А, боитесь! – вскричал он, не помня себя от ярости.

Но кто-то тут же ударил его мечом плашмя по голове и все перед ним уплыло в темноту. Когда он очнулся, то увидел, что лежит на полу, но уже без доспехов, и раны на его груди и голове перевязаны. Савмак повел глазами – рядом стоял Диофант.

– Ну что, Савмак, вот и опять мы с тобой свиделись! – улыбнулся хилиарх, и его черные непроницаемые глаза, как тогда при встрече у крепостных ворот во время его приезда на переговоры, слегка прищурились. – Или не рад встрече?

Савмак пошевелился.

– Лежи, лежи. Ты мне нужен живой, – и повернувшись к страже, приказал: – Охранять! И чтобы ни один волос не упал с его головы!

В городе кое-где еще продолжались бои: разрозненные группы повстанцев оказывали сопротивление. Но вскоре все было кончено. Отряды с хоры, пытавшиеся прорваться к Пантикапею, тоже потерпели поражение от ополченцев Олфака. Среди них был и отряд пелатов во главе со старейшиной Ориком. После короткого боя с олфаконской дандарийской конницей мало кто из них уцелел. Орик, получив удар копьем в плечо, свалился с лошади, и Тохар, участвовавший в сражении вместе со своими земляками, едва успел подхватить его к себе в седло и ускакать в степи.

Наутро Диофант велел собрать в тронном зале представителей бывших хозяев Боспора. Отадв своим военачальникам распоряжение к отплытию, хилиарх в ожидании боспорполитов в доспехах и шлеме сидел на дифре¹⁷ неподалеку от разломанного царского трона и разглядывал почерневшие от вчерашнего пожара стены зала. Пахло гарью. На полу валялись сброшенные с постаментов бюсты Спартокидов. Многие из них были разбиты «Интересно, а бюст Перисада есть среди них?» – подумал он

и хотел было встать, чтобы посмотреть. Но появился стратег Ламах и доложил, что боспорцы собрались.

В зал вошло около сорока человек. Здесь были и аристократы-землевладельцы и хозяева эргастериев, и крупные торговцы, и фанагорийские аристократы, и некоторые вожди варварской знати, как например, Олфак, и даже представители простого демоса. Впереди всех, стараясь казаться солидным, стоял тщедушный Коф.

– Боспоролиты! – обратился к ним Диофант. – У меня мало времени. Я собрал вас сюда, чтобы объявить вам волю великого царя Митридата Евпатора: отныне и навсегда Боспор становится частью Понтийского царства. Он жалует вам свою высокую опеку и отеческую заботу. Он хочет видеть древний Боспор процветающим, а боспоролитов счастливыми. Я оставляю здесь часть понтийских войск во главе со стратегом Ламахом. Он поможет вам наладить порядок. Имеются вопросы?

– Достопочтенный хилиарх? – шагнул вперед Коф. – Мы долго ждали э-э-этого, радостного дня и благодарим великого царя Митридата за его помощь и милость. Благодарим и-и-и тебя, так много потрудившегося, э-э-э, для блага Боспора. Но есть просьба: выдай нам э-э-этого преступника Савмака – мы его будем судить.

– Нет. Савмак – пленник великого царя Митридата Евпатора, и судить его будет он.

В последующие дни новые власти с помощью понтийских отрядов разыскивали сторонников Савмака. Охота за ними шла и в столиц, и в городах, принявших участие в восстании, и в хоре, вплоть до большого вала. Пойманных тут же судили: приговаривали к смерти или обращали в рабство. Исключение сделали только для Неокла и Гаттиона – они были изгнаны из города. Учли их поведение на переговорах с понтийскими послами. Разумеется, реставраторов старых порядков впервые очередь интересовали главные организаторы и руководители восстания. Но никто из них в руки карателей не попал: Савмака увез Диофант, а Дейнострата, Авталка, Демарха и Литодора с его логографом Илием нашли мертвыми в акрополе. Не могли обнаружить только Стратоника. Искали везде, где могли, подвергли пыткам немощного Зенона, его отца, а результатов никаких – как в воду канул. Коф в ярости приказал сжечь дом философа-архонта.

– Наверно, э-э-э, успел бежать к своему дружку Фарзою, – со злобой констатировал он. – Но есть еще, э-э-э, один человек – философ Деметрий. Э-э-это он научал их всех э-э-элевтерии. Он – тоже преступник!

Небольшой отряд понтийцев подошел к ветхому домику Деметрия. Старый философ сидел на скамейке, привалившись спиной к стене и свесив голову.

– Полюбуйтесь! – прошипел Коф. – Спит себе, э-э-э, как ни в чем ни бывало. Ну-ка, сбуди его, э-э-э, и тащи сюда! – приказал он одному из стражников.

Стражник подошел к Деметрию и грубо тряхнул его за плечо. Плечо было твердым и холодным. На левой стороне груди старика виднелась запекшаяся кровью рана.

– Он мертв, – равнодушно сказал понтиец, – и видимо, уже давно.

– Кто же э-э-это его? – удивленно раскрыл свои маленькие глазки Коф. – Грабители не могли: в э-э-этой халупе брать нечего. Среди горожан он пользовался, э-э-э, уважением.

– Может, во время боя попал кому-нибудь под руку, – ответил стражник. – Что будем делать?

– Оставим пока. Пришлю людей – э-э-э, закопают. А жаль! Мы бы ему показали э-э-элевтерию!

Так и осталась тайной смерть Деметрия. Полузасохшая груша, росшая у самого домика, конечно, знала ее, но она, раскинув над Деметрием свои черные узловатые ветви, словно скрюченные старушки пальцы, не могла никому ничего поведать. Не стало пантикапейского Сократа. Вместе с ним канули в Лету¹⁸ и его самобытные философские мысли, которые осеняли его на пути к Истине, Добру и Справедливости...

А Стратоник не бежал к Фарзою. Сосий, пользуясь темнотой и общей сутолокой, потихоньку вытащил раненого Стратоника из груди тел, лежавших на ступенях дворца, и перенес его к крепостной стене акрополя, где находился тайный выход в город. – Именно через него Савмак провел в свое время группу воинов, чтобы открыть ворота восставшим. – Никем не замеченный, он пробрался в ту часть города, которая вела к некрополю. Прячась за глухими стенами домов, Сосий донес своего друга до одного из проломов в городской стене и оказался за пределами Пантикапея. Он знал, что на территории некрополя имеются старые полуразрушенные склепы, в которых можно было спрятаться и переждать возможную погоню. Но Стратонику становилось все хуже. И когда они были в зарослях акаций, окружавших один из таких склепов, Стратоник тихо сказал:

– Положи меня. Я не успел... Допишешь ты, Сосий... Все, что видел... Не должно пропасть...

Сосий нагнулся над ним, чтобы лучше расслышать, но Стратоник уже не дышал. Его тело недвижно лежало, расслабленное вечным, нездешним сном. Сосий упал на землю рядом со своим учителем и долго беззвучно рыдал. Там, у древнего склепа, он и похоронил его, засыпав твердым, каменистым грунтом, неподатливым для пальцев рук.

Диофант же по прибытии в Синопу сразу отправился во дворец с подробным докладом о результатах своего похода в Боспор. Митридат сидел в комнате отдыха в темнокрасном плаще и, слушая его, изредка

отпивал из серебряной чаши прохладительный напиток. Под конец доклада суровое лицо царя разгладилось в довольной улыбке:

– Ты заслуживаешь, хилиарх, самой высокой похвалы и будешь удостоен золотого венка перед войсками. А сейчас давай сюда пленника.

Через минуту стражники ввели Савмака. Они хотели было бросить его перед царем ниц, чтобы таким образом принудить к проскинезису¹⁹, но Митридат остановил их:

– Не надо. Дайте ему сесть и все уходите.

Оставшись одни, они молча рассматривали друг друга. «А этот царь рабов и безродных скифов держится с достоинством, – отметил про себя Митридат. – Не робеет, видать, умен и храбр. Дрался, не щадя себя, – весь изранен. А может, искал смерти? Наверно, и я на его месте повел бы себя так же». – Он отпил из кубка и спросил:

– Зачем ты, Савмак, все это затеял? Неужели надеялся на успех?

Савмак посмотрел в его черные внимательные глаза и не увидел в них ни торжествующего высокомерия врага, ни покровительственной иронии победителя. В них светилось простое желание узнать правду. И странное дело – Савмаку вдруг захотелось рассказать этому человеку о том, о чем он никогда не говорил даже Деметрию и Стратонику.

– Видишь ли, я не мог поступить иначе. Уже в детстве, когда от людской неправды погиб мой отец, и мне пришлось бежать с философом Деметрием из родной Неврии в Боспор, я остро почувствовал несправедливость и дал себе обет, что всю свою жизнь посвящу борьбе с нею. А что может быть более несправедливым, чем общество, в котором люди делятся на самодуров-господ и лишенных человеческого достоинства рабов; общество, в котором кучка богачей бесится от жира, а большинство народа прозябает в нищете? Не отсюда ли проистекают и все другие несправедливости – жадность, злоба, клевета, зависть, ненависть, убийства и тому подобные низменные страсти и поступки людей? Размышляя над всем этим, я ознакомился с учением Платона об идеальном государстве, с мыслями других философов, с идеями гелеополитов и пришел к твердому убеждению, что несправедливость в обществе имеет своим источником отсутствие в нем элевтерии. Ее, как самый драгоценный дар богов, похитили у людей наглые властолюбцы и стяжатели. И мне стало ясно, что делать: надо вырвать у этих наглых грабителей элевтерию и вернуть ее народу. А как? Здесь может быть только один путь – захват власти в государстве. И я стал готовиться к этому – продвигался по службе, вошел в ближайшее царское окружение, исподволь подбирал единомышленников и ждал подходящего часа. Но меня постоянно сдерживали две вещи: привязанность к царю Перисаду, у которого я нашел кров и приют, и рассуждения моего учителя Деметрия. Он считал, что освободить людей от рабства, это еще не значит сделать их свободными

внутренне. Внутренняя элевтерия, говорил он, основывается на истинной любви к человеку, а чтобы такая любовь поселилась в душах людей, нужны целые эпохи духовного возрождения. И неизвестно, сколько бы времени длилась моя нерешительность, если бы ты не вознамерился подчинить себе Боспор. В ходе последовавших событий само собой спали оковы с моей души и разума: народ восстал, убил царя и вручил мне власть. Здесь я отбросил и размышления Деметрия. Он мудрец, думал я, но не человек дела, ведь как где-то сказал Аристотель, мудрость и житейская рассудительность – вещи разные²⁰. И я приступил к осуществлению своих намерений. Но как Рим Аристокону, так и ты мне помешал возратить народу украденную у него элевтерию и восстановить справедливость. А надеялся ли я на успех? Конечно, надеялся. Ведь люди тянутся к свободе и справедливости, ищут их. И я обязательно бы им помог.

– Цели твои, Савмак, благородны, – после некоторого раздумья сказал Митридат. – Но если бы я тебе и не помешал, ты бы все равно ничего не сделал – они неосуществимы. То, что ты хотел дать людям, это только внешняя элевтерия. И прав был твой учитель Деметрий, когда утверждал, что освободить людей от рабства, это не значит сделать их свободными внутренне. Они все равно останутся рабами – рабами внутренней несвободы и будут продолжать творить несправедливость. А знаешь почему? Потому что внутренней свободы нет – это лишь благая выдумка философов. Все мы – рабы обстоятельств. И доказательство того – отсутствие у нас свободы выбора своих поступков. Вот я – царь. Кажется, куда уж как свободен, а свободно поступать не могу: хотел бы отпустить тебя с миром, но обстоятельства велят другое – предать тебя мучительной публичной казни. И я вынужден им повиноваться, иначе не выполню своего царского долга. Где же здесь свобода выбора? У тебя еще хуже – выбора вообще никакого нет.

Савмак сделал усилие, и на его лице, покрытом ранами и кровоподтеками, появилась улыбка.

– Вот он – мой свободный выбор. Он всегда есть, а значит, есть и внутренняя элевтерия.

Митридат внимательно посмотрел на него и ничего не ответил. Вошел Диофант со стражей. Когда Савмака увели, он сказал хилярху:

– Пленник очень тяжело ранен. Думаю, не доживет до завтрашней публичной казни.

Диофант быстро взглянул на царя, понимающе кивнул головой и, поклонившись, вышел.

Утром жителей Синопы известили, что боспорский царь рабов и безродных скифов Савмак умер ночью от полученных им ран.

Примечания

1. *Рансоды* – странствующие певцы в Древней Греции, исполнители традиционных поэтических текстов. *Аэды* – певцы-импровизаторы.

2. Стихи *Феогнида* (VI в. до н.э.) – древнегреческий поэт, живший в Мегаре; цит. по: Античная литература. Греция. Антологии. Ч. 1. – М., 1989. – С. 100.

3. Гесиод. Труды и дни 238–247.

4. Там же, 303–305.

5. *Метеки* – чужеземцы; были политически бесправны, не могли владеть недвижимостью.

6. *Некрополь* – город мертвых, кладбище.

7. Феогнид, см.: Античная литература. Греция. Антологии. – Ч.1. – М., 1989. – С. 100.

8. *Второй год сто шестьдесят восьмой Олимпиады* – 107 г. до н.э.

9. См. : Платон. Законы V 744 d-e, 745 a; Письма. Платон – родственникам и друзьям Диона 326 c-d.

10. Платон. Письма. Платон – родственникам и друзьям Диона 355 в.

11. Там же, 351 в.

12. См. : Платон. Государство VIII 564 а.

13. См. : Аристотель. Политика II 2, 1263 в 30.

14. *Критий* – ученик Сократа; философ, поэт, оратор; возглавил олигархическое правительство в Афинах (404 г. до н.э.); после его убийства в 403 г. до н.э. демократия была восстановлена.

15. Платон. Письма. Платон – родственникам и друзьям Диона 354 е.

16. Аристотель. Политика V 9, 1314 а 15-30.

17. *Дифр* – небольшой стул, иногда складной.

18. *Лета* – в древнегреческой мифологии река забвения в подземном мире.

19. *Проскинесис* – восточный обычай, требующий при общении с царем преклонения ниц.

20. См. Аристотель. Никомахова этика VI 7, 1141 в 5: «...Мудрость – это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных. Вот почему Анаксагора и Фалеса и им подобных признают мудрыми, а рассудительными нет, так как видно, что своя собственная польза им неведома, и признают, что знают они предметы совершенные, достойные удивления, сложные и божественные, однако бесполезные, потому что человеческое благо они не исследуют».

С.Т. Кавецкий

ОТЧУЖДЕНИЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Отчуждение культуры
Извращение природы,
Установка на рефлекс,
Псевдосилу, псевдосекс.
Но культура отчужденья –
Предпосылка воскрешенья,
Трепет творческой души
В бессознательной глуши.*

С.Д. Шап

В деятельности и через деятельность люди выражают себя и утверждают свое место в мире как существа общественные. Не случайно деятельность рассматривается как способ существования человека, способ его бытия, как отношение к миру, как проявление человеческой жизни, форма выражения активности человека, как способ самоутверждения человека в мире. Но этот процесс зачастую сопряжен с отчуждением, которое, подобно раковой опухоли, при определенных условиях дает свою метастазу – и жизнь обретает свою противоположность. Отчуждение человека от процесса труда, продукта труда, от своей родовой сущности и от другого человека приводит к тому, что человеческая жизнь подменяется имитацией жизни.

Отчуждение – отношения между социальным субъектом и какой-либо социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва из изначального единства, ведущего к объединению природы субъекта и изменению (извращению, перерождению) природы отчужденной функции, а также сам процесс разрыва этого единства [10, с. 252].

Истоки понятия отчуждения обнаруживаются уже в древнегреческой философии. В диалоге «Тимей» (или о природе вещей) Платон обращает внимание на создание мира, когда «Бог творит мир как некое состояние «не-я», отчуждая от себя мир человека и человека мира [1, с. 106]. В другом диалоге «Федр» он развивает учение о душе, которая заключена в тело, как в гробницу. Лишь в смерти тела спасение души от отчуждения [1, с. 423]. В принципе, эта идея не представляется новой. Еще раньше ее отстаивали орфики, испытав на себе влияние древнеиндийской мифологии. Они полагали, что главная цель жизни заключается в освобождении душ от тела, в снятии оков для осуществления подлинной неотчужденной жизни. Но Платон мифологическому толкованию придает философский характер.

У Аристотеля отчуждение носит более приземленный характер. Оно связано с функционированием государства как «общения свободных людей», объединенных в самодовлеющее целое, и означает исключение или передачу из этого целого собственности, которая должна быть общей только в относительном смысле, а вообще – частной. Философ высказывает мысли о положительном характере частной собственности, о том, что она обеспечивает суверенность человека, является условием его самовыражения. Через собственность индивид вступает в отношения с обществом [3, с. 405–411].

Идеи Аристотеля были надолго преданы забвению в последующий период развития общества, когда на место философии приходит религия. Светские проблемы обретают религиозный характер.

Аврелий Августин обратился к этико-социальным воззрениям, основывающимся на антитезе божьей благодати (добра) и греховной природы человека (злой воли). Идея о наследственной греховности человека, преподносимая ветхозаветным мифом как своего рода парадигма, у Августина возводится в теорию. Первородный грех выражается у него тройко: в слабости человеческой воли, в незнании бога и добра, в стремлении к пороку. Последнее и есть испорченность души в наиболее существенном смысле. Прямым следствием испорченности выступают похоти как страстные душевные влечения. Это выражается у него тройко: в слабости человеческой воли, в незнании бога и добра, в стремлении к пороку. Последнее и есть испорченность души в наиболее существенном смысле. Прямым следствием испорченности выступают похоти как страстные душевные влечения. Августин употребляет понятие «отчуждения» в смысле разрыва между грешным телом и свободным духом [2, с. 198]. В целом в религиозной философии прослеживаются три значения отчуждения: а) больное состояние свободного духа; б) освобождение от чувственного духа; в) выход за пределы «Я». Но каждое из этих значений в качестве основного источника отчуждения рассматривают первородный грех.

В эпоху Возрождения отчуждение рассматривается уже в связи с обоснованием земного предназначения человека. По отношению к природе человек становится чем-то внешним. Чем больше нарастают предпосылки индустриального общества, тем настойчивее философия рассматривает внешний мир как помеху, противостоящую человеку и ограничивающую его деятельность». Своей деятельностью он не ослабляет, а только усиливает механизм отчуждения. В эпоху Возрождения, как и в предыдущих случаях, употребляется еще и в метафорическом значении, хотя отрицание отчуждения связывается уже не с Богом, а с разумом человека» [6, с. 10].

В эпоху Нового времени отчуждение обретает земное назначение и получает философскую интерпретацию в разных формах: метафорическую – у Ф. Бэкона; юридическую у – Т. Гоббса, Жан-Жака Руссо, Дж. Локка;

метафизическую у И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля; антропологическую – у Л. Фейербаха и Сен-Симона.

Карл Маркс значительно актуализирует понятие отчуждения, наполняет его новым смысловым содержанием, истолковывая предметную суть данного явления как проблему фактического социального положения конкретных индивидов. В соответствии с европейской традицией гуманизма в центре внимания теории Маркса отчуждения стоит проблема дегуманизации человека в условиях формирования «чуждой воли». Отказавшись от признания разума в качестве специфической характеристики человека, он усматривал его сущность прежде всего в практической социальной деятельности.

Человек как изначально общественное (родовое) по своей природе существо подчиняется объективным и устойчивым компонентам бытия, которые включены в личностные структуры людей и детерминируют их индивидуальный внутренний мир: сознание, мораль, национально-культурные традиции, правовые нормы и так далее. Они существуют независимо от воли и желания индивида, поэтому выступают как «отчуждённые сущностные силы», господствующие и давящие над ним. Главным детерминирующим фактором процесса отчуждения, по Марксу, являются социальные условия, основанные на частной собственности, эксплуатации, угнетении человека человеком при господстве антагонистических общественных отношений. Отчуждение проявляется, прежде всего, в парадоксальном превращении человеческого труда в деятельность, противостоящую самой себе как по форме, так и по результатам. Источник данного деструктивного процесса Маркс видит, прежде всего, в самоотчуждении человека, которое возникает вследствие того, что он, оказывается не в состоянии постичь в предметном продукте своей трудовой деятельности нечто родственное себе, тождественное своей природной сущности. Сам труд становится вынужденным, принудительным, он не является потребностью человека, а служит лишь средством удовлетворения других потребностей. Такой труд, подчёркивает Маркс, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание, тем более, что такой труд принадлежит не ему, а другому, а потому и сам человек себе принадлежать не может. Отсюда индивид только вне труда чувствует самим собой, не оторванным от себя. По этому поводу Маркс даже отмечает: «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д. – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [9, с. 230–231].

С развитием человечества от «традиционных» обществ к современным «индустриальным» наступает новая эпоха, характеризующаяся господством отношений «личной независимости». Речь здесь идёт о развитом индустриальном обществе с единым мировым финансовым рынком, господством наёмного труда и правовым обеспечением личной свободы индивида. Маркс характеризует эту эпоху как «...систему универсального общественного обмена веществ, универсальных отношений, всеобщих потребностей и универсальных потенций» [8, с. 101]. Господство социального отчуждения на этой стадии принимает уже не личную, а вещную форму, и наиболее наглядно выражено в деньгах.

Противоположный по своей направленности по отношению к отчуждению процесс это процесс самоосвобождения человека, который представляется им в форме освоения, когда человек должен освоить, сделать своим внутренним достоянием отчуждённые от него силы. Поэтому для того, чтобы решить проблему отчуждения труда, недостаточно упразднить частную собственность. «Положительное» упразднение всякого отчуждения согласно воззрениям Маркса, возможно только при подлинном освоении человеческой сущности человеком и для человека. Отсюда требуется «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому» [9, с. 258]. (В данном случае «положительное» упразднение частной собственности выступает у Маркса не только как социальный, но и как «метафизический» акт). При этом он уточняет, что необходимо возвращение человека из религии, семьи, государства и так далее к своему человеческому, то есть общественному бытию. Последнее возможно, как утверждает Маркс, только в условиях коммунизма, приравненного им к подлинному гуманизму, который и есть единственно возможное и верное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом.

Таким образом, по Марксу, на коммунистической стадии развития человечество восходит на ступень «освоения», что означает ликвидацию отчуждённых и овеществленных сил, подчинению их личному развитию индивида. В общественных отношениях господствует «свободная индивидуальность», основанная на универсальном развитии «общественных индивидов».

Исходя из позиции субстанциализации социальной практики, Маркс развивает концепцию диалектического социального изменения на основе общественных противоречий, антагонистических конфликтов. По его мнению, социальный конфликт – не аномалия, а необходимая норма существования общества, имеющего классовую структуру. Острые противоречия в таком в обществе неизбежны, поскольку в нём функционирует «ложное», искажённое

индивидуальное и массовое сознание, в противовес которому действует «классовое», истинное сознание. Социальная группа, обладающая последним, может оказывать реальное гармонизирующее влияние на формирование структур общества, которые в состоянии оказывать гуманистическое воздействие на человека и общественные отношения в целом.

Несмотря на известную гиперболизацию Марксом роли социальных отношений в стабильном функционировании общества, его теория отчуждения вносит неоспоримо весомый вклад в осмысление деструктивных общественных процессов вообще, и процессов, связанных с аномией, частности. Эта концепция, безусловно, сохраняет большую методологическую значимость для уяснения негативных явлений и в современных условиях.

В конце 19 – начале 20 века Э. Дюркгейм разработал теорию аномии (от франц. *anomie* – буквально беззаконие, безнормность, от греч. *a-* отрицательная частица и *nomos* – закон), в которой описал понятие отчуждения. В своих работах «О разделении общественного труда» (1893), «Самоубийство» (1897) он отмечал, что аномия характеризуется дезориентацией общества, все сферы которого (экономическая, социально-политическая, духовная) находятся в кризисном состоянии.

Аномия характеризуется переходным состоянием общества. А конкретно, переходом от традиционного к индустриальному (в марксистском понимании от феодализма к капитализму) обществу.

По Дюркгейму традиционное общество более замкнутое и, соответственно, более устойчивое. С другой стороны, эволюция, как и социальная революция, ведущая к промышленному обществу, ставит многих индивидов в неопределенное социальное положение в смысле отсутствия твердых жизненных целей, норм и образов поведения.

Дюркгеймовская концепция аномии была использована Мертоном при анализе отклоняющегося поведения. Отчуждение – результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. Оно возникает тогда, когда люди не могут достичь навязанных им целей, «нормальными», ими же установленными средствами. «С одной стороны от него требуют, чтобы он ориентировал своё поведение в направлении накопления богатства, а с другой – ему почти не дают возможность сделать это институциональным способом» [5, с. 258]. На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам.

Первая из них – конформистская. Это приспособленчество, характерное для постсоветского «молчаливого большинства», общество, где доминирующее положение занимает подданнический тип политической культуры.

Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Так, российский социолог В.В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и её небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна «криминализация всего социума» [7, с. 97].

Третья группа – это индивиды её составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Это подтверждают количественные и качественные показатели постсоветских вертикалей, горизонталей и пирамид, превзошедших по этим цифрам советскую номенклатуру.

Четвёртая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм). К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т.д.

Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т.д. Это характерно для радикальных молодёжных группировок, субкультур, нетрадиционных конфессиональных сект и т.д. Таким образом, можно сделать вывод, что мертоновский анализ актуален для постсоветского развития.

С другой стороны, переход к смешанному обществу в постсоветской трансформации идёт от «развитого социализма». Ещё один аспект отчуждения заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е.М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил [4, с. 21]. Отчуждение как известно, было с национальной спецификой не только у республик и народов СССР, но и в «социалистическом лагере» Восточной Европы. Так, Президент Социологической международной Ассоциации с 2002 по 2006 гг. П. Штомпка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [11, с. 3–11].

Личность должна жить в «нормальном обществе», то есть в таком социуме, который отличается высокой жизнеспособностью, гибкостью, высокой адаптивностью к изменяющимся условиям. Такое общество характеризуется целостностью, устойчивостью общественных систем, постоянным стремлением продвигаться вперед, открытостью, естественностью, управляемостью.

Анализируя проблему отчуждения, необходимо иметь в виду, что тем самым мы можем раскрыть причины трудностей постсоветского и современного белорусского общества. Отчуждение присуще индустриальному, постиндустриальному, также как и обществу «развитого социализма». Оно присуще и трансформационному постсоветскому обществу. В экономическом обществе это олигархический ее уровень в России и на Украине, в других странах это «жесткое» государственное регулирование. В политической области – это предвыборные и выборные скандалы, давление толпы или так называемые революции всех цветов радуги. В сфере духовной жизни – это коммерциализация культуры, зависимость людей культуры и науки от фондов, грантов, начальников, меценатов и т. д.

Для общества представляет опасность не любое отчуждение, которое до определенных пределов является вполне естественным процессом общественной жизни, а тот уровень, когда деятельность человека и его творения противостоят человеку, как чуждая и враждебная сила, довлеющая над ним и диктаторски определяющая его поведение. Это тотальное отчуждение. Оно парализует нормальную жизнедеятельность общества, лишает индивида права на деятельность, как творческую самодеятельность. Поэтому, чтобы ослабить, а затем и упразднить его, нужны усилия всего общества и каждой отдельной личности. «Однако никому из современных исследователей не удалось предложить такие пути снятия отчуждения, которые одновременно не вели бы к развитию каких-либо других форм отчуждения» [10, с. 253].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология античной философии / Сост. С.В. Перевезенцев. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.
2. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Бабосов, Е.М. Катастрофа как объект социологического анализа / Е.М. Бабосов. – Социс. – 1998. – №9. – С. 19–25.
5. Бабосов, Е.М. Прикладная социология / Е.М. Бабосов. – Минск : Тетра Системс, 2000. – 496 с.

6. Кальной, И.И. Отчуждение истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь : Таврия, 1990. – 192 с.
7. Кривошеев, В.В. Особенности аномии в современном российском обществе / В.В. Кривошеев. – Социс. – 2004. – № 3. – С. 93–97.
8. Маркс, К. Энгельс, Ф. Соч. том 46, ч.1.
9. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Социология: Сборник. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 2000. – 432 с.
10. Современная западная социология: Словарь. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.
11. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка. – Социс. – 2001. – № 3. – С. 3–12.

Б.М. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ И СКАЗКА

По характеру иносказания, обязательной этической системе, мощному эстетическому потенциалу, особой логике, явно не аристотелевской, специфической гносеологии и аксиологии сказка уже есть философия. Возьмите любую классическую сказку, и вы сразу заметите, почувствуете подобного рода вещи. Вот известный «Колобок». Если формально, конкретно, то перед нами стандартный кусок теста, который катится неизвестно куда и пропадает, попав лисице на зуб. А если мы начнём рассуждать философским языком? Тогда мы скажем: в образе Колобка отражён целый мир, его движение, его противоречивый путь развития, а Лиса – символ тёмных сил, своего рода образ Фатума, за которым (образом) – конец существования и, как мы можем догадаться, новое возрождение. Вот Красная Шапочка – сколько упражнялись фрейдисты и их последователи, так или иначе, интерпретируя этот образ. Здесь вам и детская сексуальность, и инцест, и столкновение с сексуальной агрессией, и поиски истины, и понимание правды и справедливости. Да что говорить, существует целая и очень обширная литература, своего рода «сказковедение», которое вернее бы было обозначить как апогей интерпретационного своеволия, иногда обоснованного, но чаще – нет. Так что сказка, при всей своей надуманности, действительно намёк, в том числе и философский намёк на то или иное прочтение разного рода процессов, фактов, максим.

Хотелось бы заметить, что сказку сложно отнести к той или иной философской системе, словом, «определить» её, верифицировать. Вот мы упомянули, что сказка чужда Аристотелевой, силлогистической логике. Очевидно, это так, потому что действия героев сказки, сам антураж повествования достаточно далёк от любых мыслительных «проверочных» мероприятий. Тут, применяя, скажем, закон достаточного основания, поплачешь не раз. На первый взгляд, сказка более всего близка постмодернистскому видению мира: здесь тебе и возможность разного рода интерпретаций, а, значит, понимание множественности излагаемых истин, осознание того, что критерий истины очень условен. Но это лишь на первый взгляд. Сказка «выше» любой методологической парадигмы, хотя бы потому, что предшествовала всем им. Сказка – это, конечно, наше философское «детство», но это такое «детство», которое имплицитно содержит в себе все возможные альтернативы философского развития. В каком-то смысле можно утверждать, что философский цех все столетия лишь разрабатывал сюжеты, уже изложенные в сказках. Этот тезис несложно обосновать, в том числе и прибегая к примерам, но оставим пока

в стороне данное намерение. Нам важнее другое: почему именно сейчас и именно сказки?

Сказка позволяет сделать то, что профессиональный научный работник вряд ли рискнёт сотворить в рамках привычных наукоёмких клише, сугубо рациональных по своему характеру. Скажем, несложно догадаться, что многие из представителей научного цеха пишут стихи, но прочитать их, услышать их достаточно сложно. Существует понятная боязнь профессиональной несостоятельности («я не Пушкин»), мало того, как правило, мы иронизируем сами над собой и ирония здесь – выражение собственной слабости и собственной стеснительности. Вот и профессор С. Шаш писал стихи, но мы узнали об этом достаточно поздно, когда автора нельзя ни похвалить, ни поругать. Но сейчас разговор не о стихах, разговор о сказках. Так вот, сказка даёт возможность, избегая строгих и жёстких требований к языку и мыслительной форме повествования сказать то, что хочется сказать, что уже созрело – пусть не в формально-логической, а в нарочито «детской» форме. Для «определения» надо созреть, сказка – один из путей такого рода созревания. К слову сказать, тот факт, что философы пишут стихи (сказки) на слух детские, близкие примитивизму тоже далеко не случайно, так как эта «детскость» есть возвращение к философским истокам, к юности человека и в личной, и в общественной форме.

Говорят, в сказках надо обязательно искать некий иной смысл, иносказание великой глубины и смысла. Не уверен в этом. Иногда сказку надо читать и понимать так, как изложено, и не придумывать ничего «сверхнормативного». Это как в известной истории с собакой кинорежиссёра Тарковского. После появления фильма «Сталкер» киноманы погрузились в интерпретационные глубины, и один из сюжетов был связан с «образом собаки», большого чёрного пса, мелькающего в кадре. Что автор хотел сказать этим образом, как его надо понимать? После долгих споров решили обратиться к автору фильма. Тарковский, выслушав версии, равнодушно сказал: да случайно пёс вбежал в кадр, выгнать не могли. Хотя есть здесь и иная сторона медали. Ведь всегда существует возможность такого личного прочтения сюжета, которое позволит затем претендовать не просто на собственное его понимание, а на отдельную жизнь этого сюжета, ту жизнь, которую дал ему именно ты.

Философская сказка, таким образом, есть форма твоего личного осмысления мира, действительности. Обращаясь к такой форме, автор как бы заранее извиняется: дескать, не судите строго, ребята, это не диссертация, не трактат, так, баловство, сказка, словом. Однако и он сам, и все понимают: баловство-то баловство, но зачем-то ты это всё же написал. Речь идёт, очевидно, об очень важных вещах – детстве, желании вернуть утраченное свойство мыслить «по-детски», а ещё об обычном

стремлении человека что-то понять в этом мире. Конечно, при ясном осознании того, что это вряд ли когда-нибудь получится.

СКАЗКИ ИЗ КАМИНА

– А что, – спросил Профессор, – хватит ли нам дров? Сказок будет много, так что и дров нужно много. Ведь если камин холодный, даже летом – какие могут быть сказки?

– Дело не в дровах, – авторитетно сказал бронзовый Мальчик с крылышками. – Ведь топить камин можно и углём, можно и вашими рукописями, дело ведь не в виде топлива, а в тепле?

– Вы всё перепутали, – заважничал Самовар, пританцовывающий на верхней каминной полке. – Дрова, рукописи, это конечно, важно, но почему вам не спросить у самого камина.

И все посмотрели на камин. Но камин молчал. И в самом деле, что может сказать холодный камин?

– Всё же схожу-ка я за дровами, – засуетился Профессор. – Заодно посмотрю, хватит ли нам дров.

– Дело не в дровах, – начал, было, бронзовый Мальчик, но тут с картины, висящей на стене что-то упало и сказало «Ой!». Все посмотрели в сторону этого «Ой» и увидели маленькую девочку с бантиком.

– Ну, «ой», а что дальше? – ворчливо спросил Самовар.

– А дальше ничего, просто «Ой». Это я – «Ой», – сказала девочка.

– Только «Оя» нам и не хватало, – заметил, входя, сиамский Кот, пушистый и важный.

– Я могу, наконец, сходить за дровами? – кротко вскричал Профессор.

– Ну-ну, уже и сказать ничего нельзя, – заметил Кот и подошёл к камину. – Кстати, камин холодный, – грустно констатировал он.

– Скажите, пожалуйста, а мы и не заметили, – ядовито произнёс Самовар. – Я, может, уже несколько часов как тепла не вижу и не слышу, а он является с улицы и делает невиданное открытие! Кстати, где наша «Ой»?

– Она с Профессором пошла за дровами, – ответил Кот, укладываясь на коврик перед камином. – Кстати, что у нас сегодня на обед?

– На обед у нас сказка, – ответил бронзовый Мальчик с крылышками.

– Но сметана в этой сказке будет? – спросил кот и облизнулся. – Может, там будет и рыбка? Я давно не ел рыбки.

– Нет, наша сегодняшняя сказка будет про черепаху. Итак, жила-была черепаха...

– Оригинальный зачин, – тут же съехидничал Самовар, между тем, удобно устраиваясь, то есть, растопыривая треножник.

– Так, вот, жила-была черепаха, и она была очень старая. Лет ей было сто, а может и больше. Скажем, тысячу. И всё, что случилось в её жизни, она помнила. Ничего не забывала. Вот так была устроена её память. И причиняло это самое устройство ей, между прочим, невыносимые страдания. Хотела бы она забыть, например, как её однажды поймали рыбаки и хотели сварить из неё суп – но не получается. Помнит и всё. И то, как её из моря тащили, и то, как она лежала у костра и слушала рассуждения о той приправе, которая делает суп из черепахи объеденьем. Не самые весёлые, надо сказать рассказы. Или, например, как море обмелело, и осталась она на берегу...

– Это как? – недоверчиво спросил Кот, не верящий, что противная вода может куда-то уйти навсегда.

– Не знаю, не мешай, обмелело и всё. И лежит она на песке, как морская звезда и готовится высохнуть на солнце. И превратиться в звезду на небе. Ну, потом вода вернулась...

– Жаль... – вздохнул Кот.

– ... так вот, вода вернулась, и память тоже. Словом, надоела черепахе её собственная память и потащилась она к Волшебнику. Плыла недолго, лет двести...

– К Профессору?

– Если бы я хотел сказать «к Профессору», я бы так и сказал. Нет, она пошла к Волшебнику. Пришла и говорит: избавь меня от памяти, господин Волшебник. Волшебник и спрашивает её: ты хорошо подумала, черепаха? Та отвечает, что хорошо, что тысячу лет уже думает и не желает, чтобы память возвращала её к неприятным моментам её славной жизни. Ну, Волшебнику что: махнул он своей палочкой и говорит: всё, черепаха, начинай жизнь с белого листа, нет у тебя памяти.

– Слушай, а это мысль, – оживился Кот. – Помнишь, как меня вчера гнал соседский барбос до самой нашей калитки? Хочу забыть те незабываемые ощущения и не могу, – и Кот грустно засопел.

– Давай про черепаху дальше, – сонно попросил Самовар.

– Ну, что тут сказать? Плывёт себя Черепаха в тёплой водичке, солнцу радуется. А то нырнёт куда-нибудь поглубже, песочек рассматривает. И тут вдруг мысль у неё мелькнула: а куда это я плыву? И вообще: кто я? Мысль была такой непонятной, что Черепаха утратила всю свою безмятежность. Уткнулась носом в песок возле большого белого камня и задумалась. Думала она примерно так: если я плыву, значит, я рыба.

– Интересные мысли, – встрял Кот, – если у меня есть хвост, то что, ямышь? Или, если я бегу, то я что, таракан?

– Да, а если в меня наливают воду, то я что, примитивный стакан? – И Самовар обидчиво поджался.

– Подождите вы, – сказал Мальчик, – чего вы такие нетерпеливые? Черепаха размышляла, понимаете?

– Размышлять – это мы тоже умеем. Вон, поймал я как-то мышь. Думал: есть её или на потом оставить? Пока размышлял, она убежала – прикинулась дохлой, артистка. Мысль до добра не доводит, вот что я вам скажу. – И Кот, довольный собой, неслышно пошёл к окну.

– Так, насколько я могу судить, сказка кончилась? – Это уже Самовар.

– А о чём тут говорить, всё ясно: Черепаха забыла, как её зовут, и сказать ей это некому. Вот мне ведь когда-то сказали, что я Кот. Если бы не сказали, быть мне каким-нибудь Драконом. Вон, наши уже дрова тащат...

– Вы дослушаете сказку или нет? – В голосе Мальчика с крылышками сквозило отчаяние.

– Говори, говори, пока дрова принесут, пока почистятся, ты всё сказать сумеешь. Даже то, чего не знаешь...

– Это как? – повернул любопытную морду от окна Кот.

– Всё, сказки не будет. Надоели.

И обиженный бронзовый Мальчик полез на камин.

– Это ты зря, – заурчал Кот. – Вот однажды... Но и он договорить не успел. Дверь открылась, и пришёл Профессор с кучей поленьев. Он бережно положил их возле камина и стал искать девочку, которую звали Ой. Оказалось, что она несла листик, за которым совсем спряталась. Кот подошёл к ней, обнюхал и удивлённо сказал Самовару:

– Ты знаешь, она настоящая. От неё пахнет холодом, туалетным мылом и манной кашей. Ты ела манную кашу? – строго спросил он у девочки.

– Ела, – пискнула Ой. – А можно я дослушаю сказку про черепаху?

Довольный бронзовый Мальчик с крылышками тут же слетел с камина и уселся на пол, рядом с Ой. И пока Профессор, кряхтя, кормил камин поленьями, Мальчик опять начал рассказывать про черепаху:

– Так вот, как вы помните, мы остановились на том, что у черепахи не стало памяти...

– Но если нет памяти, следовательно, нет и черепахи, – резонно заметил Самовар.

– А кто есть? – зевая, промолвил Сиам, распушив хвост. – Может, есть морской кот? У меня где-то там, – и Кот неопределённо махнул хвостом, – затесались какие-то родственники.

– Никого там нет, у той воды и у того камня, и никого, – неожиданно резко отрезал покрасневший бронзовый Мальчик. Хотя как может покраснеть бронза, я не знаю.

– Так не бывает, – запротестовал Самовар. – Ведь кто-то всё же плавает у камня?

– Вода плавает, – заявил Кот.

– Вода не плавает, она течёт, – продолжал упорствовать Мальчик.

– Если что-то течёт, то, значит, это вода?

– Конечно.

– Давеча Профессор говорил, что течёт жизнь. Водка, как известно, тоже может течь, причём рекой. Но это не вода! Что уж тут говорить про реку!

– Вот ты Самовар, – важно заметил Кот, – не течёшь. И слава Богу, ведь тебя недавно отремонтировали. То есть, запаяли. Но эта латунь дала тебе неоспоримые преимущества: ты не вода, ты не жизнь, ты даже не водка!

– Как интересно! – захлопала в ладоши Ой. – Но я ничего из вашего разговора не поняла. Мы начали слушать про черепаху, а потом начали говорить про воду, а ещё потом про жизнь и водку. Я не знаю, что такое водка, но получается странно: слова могут быть известны, а когда их сложишь, получается что-то непонятное.

– Это потому, что ты их неправильно складываешь, – самодовольно сказал Сиам.

– А что, здесь есть какие-то правила? Как интересно!

– Конечно. Смотри: скажем, если сложить слова сахар и молоко, получится новое слово, сгущёнка. – И Кот облизнулся.

– А если отнять от шерсти хвост, – ехидно влез в разговор Самовар, – что получится?

– Если от шерсти отнять хвост, мы получим коврик, – безапелляционно заявил Кот.

– Значит, – задумчиво сказала Ой, – слова можно и делить, и умножать?

– Запросто, – и Кот дёрнул хвостом. – Если умножить много литров молока на много килограммов сахара, то мы получили много сгущёнки. А если разделить вот этот диван вот на это кресло, то мы получим табуретку.

После этого спича Кот гордо вышел из комнаты.

– Вот же самодовольное создание, – процедил Самовар. – Слушай, Мальчик, так что там с твоей черепахой? – И в голосе Самовара послышались тоскливые интонации.

– Вы меня не слушаете...

– Слушаем, слушаем...

– Ну ладно. Так вот, плавает, плавает черепаха, улеглась, наконец, у камня и заснула. И снится ей сон, в котором только она одна и много воды...

– Ничего не понимаю. Где же сказка? Есть больная черепаха, а сказки нет.

– Как вы не понимаете, – закричал Мальчик, – больна не черепаха, болен Волшебник. Он не должен был лишать черепаху памяти.

– Больной Волшебник – это нонсенс, – скептически процедил Самовар. – Если Волшебник не может вылечить самого себя, то какой он Волшебник?

– Всё зависит от того, чем он болен, – заявил Кот, вернувшийся в комнату и вытирающий усы, в которых угадывались остатки сметаны. – Вот у меня, например, псориаз. – И Кот стал нарочито чесаться двумя лапами одновременно. – Но согласитесь: больной кот и кот, страдающий псориазом, это разные вещи. Точнее, коты. Но я бы хотел доформулировать свой парадокс, – и Кот угрожающе поднял мягкую лапу.

– Твои парадоксы меня утомили, – заворчал Самовар. – Давай спросим у Профессора.

Все повернулись к Профессору, который всё это время колдовал у камина. Почувствовал внимание, он повернулся к ним, улыбнулся и спросил, обращаясь почему-то к одной Ой:

– Знаешь, девочка, почему у них ничего не получается? Потому что камин был холодным. Если нет тепла, ничего и ни у кого не получится. Без тепла не бывает сказок. После этих слов он повернулся к камину и начал священнодействовать. Вначале на свет появились огромные каминные спички с фиолетовыми головками. Затем Профессор то ли сказал что-то, то ли вспомнил какую-то скороговорку, но вдруг, в его руках, прямо ниоткуда вспыхнуло пламя, он поднёс это пламя к тёмному зеву камина и оттуда раздался торжествующий рёв ветра, которому открыли печную заслонку. Пламя как-то очень быстро охватило всю набитую поленьями печь, по стенам комнаты запрыгали огоньки, так что кот опасливо отошёл в сторону и присел на хвост, заботливо свёрнутый клубочком. Самовар негромко сказал «ура», а бронзовый Мальчик с крылышками счастливо вздохнул.

***

Потом все сидели за большим круглым столом, и пили чай. Было тепло, тихо, дрова разваривались в камине, как пельмени и всем было хорошо. На жизнь жаловался разве что Самовар:

– Почему все пьют чай, а я не пью? Даже Ой пьёт, а сколько она может выпить?

– Ты зря жалуешься, – сказал добрый Мальчик, – ведь ты большой, красивый и в тебе так много воды! А из воды получается чай.

– Я знаю, почему он жалуется, – влез в разговор Кот. – Дело в том, что пить чай – это, можно сказать, аристократично, это нечто высокое, а пить воду – это элементарно, приземлённо. Самовар чувствует свою элементарность, так как переполнен водой. А кому нравится быть элементарным, при этом хлюпать водой на каждом шагу и впадать по этому поводу в депрессию?

– Ты не прав, презренный Сиам, – воскликнул Самовар, от гнева впавший в пафосность. – Во-первых, вода не столь элементарна, как тебе кажется. Во-вторых, вода – это жизнь и без неё ты бы быстро почувствовал изнанку бытия.

– Изнанка бытия? Как интересно. Это то, что внутри? Внутри моего бытия сейчас сметана и чай. Впрочем, и у них есть своя изнанка? А вот у тебя, Ой, что внутри?

– Малина, – потупилась Ой. – Я очень люблю малину. И когда мы ходили за дровами, меня угостили малиной.

– Интересно, кто это себе позволил? – ревниво вздыбился Самовар.

– Малину мне принёс Ёжик, который живёт за нашей беседкой, у канавы. Кстати, Ёжик – это тоже изнанка бытия? Я не хочу, чтобы он был изнанкой. Он добрый и ласковый.

– Изнанка бытия, мой друг Ой, это не обязательно то, что внутри. Это может быть то, что рядом.

– Ты прав, Самовар. У моего друга, того, у которого артрит, изнанка имеет вид веника, с помощью которого его хозяин просит его замолчать, когда готовится к работе в университете. Я просто не знал, что веник – это изнанка бытия. Мне объяснил мой друг, зализывая царапины.

– Его хозяин что, тоже профессор?

– Бери выше, он Администратор. По хозяйственной части, говорят. А что может быть выше хозяйственной части? Разве что по части продовольственно-сосисочной, но это, впрочем, близкие понятия.

– Изнанка бытия похожа на большую чёрную дыру, – вдруг печально заговорил бронзовый Мальчик с крылышками. – Это то, что украло мою Девочку с крылышками. Изнанка бытия чёрная и оттуда тянет холодом. В этой дыре всё пропадает.

– Например, сметана, – ухмыльнулся Кот. – Она именно пропадает и именно в чёрной дыре.

– Я не дантист, но готов указать на эту чёрную дыру, – ядовито заметил Самовар. – Она находится где-то рядом с нами, между ушами, зубами и шерстью известного всем субъекта.

– Я попрошу, – заорал Кот, распушив хвост...

– Стоп, стоп, – раздался голос рассеянно молчавшего до сей поры Профессора, ловко орудовавшего кочергой. – Давайте всё-таки послушаем сказку и пусть нам её расскажет Ой. Только, чур, на этот раз не перебивать.

– Просим, просим, – захлопал в ладоши Мальчик, перебираясь с дивана на кресло.

Ой залезла на стол, села на большую и скучную книжку, которую написал Профессор несколько лет назад и начала рассказывать тоненьким голосом:

– В нашем домике, пока нас здесь ещё не было («во времена досамоварного домика», – тут же влез Кот), по вечерам собирались маленькие зелёные человечки, которые жили на ёлке, той, большой, которая во дворе. Целый день они качались на ветках, играли с ветром и дождиком, слушали птиц и увёртывались от коршуна, а вечером приходили сюда, чтобы «сменить обстановку», как говорил самый умный и самый старый зелёный человечек. Они бегали по комнатам, играли в прятки, причём прятались на втором этаже, а иногда даже включали телевизор, который тоже жил здесь ещё до нас. Телевизор показывал им разные разности, вот и однажды вечером он решил показать зелёным человечкам фильм про одиночество. Но проблема была в том, что маленькие зелёные человечки не знали, что такое одиночество. Они всегда жили вместе и улетали в космос, когда заканчивалась их земная, ёлочная жизнь, тоже вместе. Какое в этой ситуации может быть одиночество? Поэтому они внимательно посмотрели фильм про одиночество и тут же спросили друг у друга: а про что всё-таки было кино?

– Вот-вот... – начал, было, Кот, но, встретив строгий взгляд Профессора, послушно замолчал: – А я ничего и не говорил...

А Ой продолжала свой рассказ тоненьким голоском:

– Самый старый и самый умный зелёный человечек предположил, что одиночество похоже на болезнь. Ведь людям плохо, если они одиноки? Плохо, значит, это болезнь. Но с ним не согласились. Самый маленький зелёный человечек заметил, что, насколько он понял из фильма, некоторые люди наоборот, только тогда себя хорошо чувствуют, когда одиноки. Разгорелся спор, который закончился так: самый маленький и самый добрый зелёный человечек решил стать одиноким. То есть, поставить на самом себе эксперимент. Никто не знал, как будет выглядеть этот самый эксперимент, но все начали дружно жалеть маленького зелёного человечка. А он ходил гордый и старался не подать вида, что сам не знает, ни что такое одиночество, ни что такое эксперимент. Но решил побыть один в домике до целого утра.

Все пошумели и ушли, ведь одиночество – это когда кто-то остаётся один? Маленький зелёный человечек долго махал им, высунувшись из

окна, и смотрел на них, смотрел, пока все они не скрылись в лапах большой и мохнатой ели, высившейся во дворе. Вот они ушли, и он остался один. Но что это значит – остаться одному – он ещё не знал и потому принялся важно расхаживать по дому. Он походил по двум комнатам первого этажа, потом по двум комнатам второго этажа. Опять походил по двум комнатам первого этажа и опять походил по двум комнатам второго этажа. Посмотрел в окно. Полежал на диване. Включил телевизор и долго смотрел кино про коров. Коровы были печальные и большие. Когда камера смотрела на коров снизу, они становились похожими на грустные облака, из которых скоро пойдёт дождь. Но дождь из коров не шёл, потому что из коров шло молоко. Молоко было белое и пугало своей чистотой. А потом маленький зелёный человечек заснул и долго спал. Ему снились коровы на небе, причём небо было белым, а коровы летали выменем вверх. Вымя при этом сваливалось набок, как колпак его ночной шапки.

Когда он проснулся, уже был вечер. Он привычно вскочил и хотел крикнуть товарищам, что уже проснулся и можно поиграть, но крикнуть было некому, так как товарищи были на ёлке. Впереди была ночь и одиночество, но маленький зелёный человечек не знал, как выглядит одиночество. И ему всё равно очень хотелось узнать, что это такое. И рассказать про это товарищам.

Он пошёл гулять по комнатам первого этажа, но ему это быстро надоело. Поэтому он пошёл на второй этаж, но и там ему надоело. Тогда он включил телевизор и немного посмотрел про то, как по морю плыл корабль. Корабль был один, и море было большим, кораблю, наверное, было скучно одному, и маленький зелёный человек неожиданно понял: одиночество – это когда скучно. Он обрадовался и стал бегать по дому, подпрыгивая и приговаривая: скучно, скучно, скучно, скучно, скучно... Но потом остановился, переводя дух: вот ему весело, а он одинок. Значит, одиночество, это когда весело? И он стал бегать, повторяя уже два слова: весело и скучно, весело и скучно...

Но вот он устал и лёг на диван. Лежал, качал ногой, следя за тем, чтобы тапок не упал с ноги. Но тапок всё же упал и маленький зелёный человечек, свесившись с дивана, долго разглядывал маленький зелёный тапочек, лежащий на полу. Тапочек был такой маленький и такой зелёный, что человечек его пожалел, поднял с пола, прижал к груди и стал баюкать: ты мой маленький, ты мой зелёный... Он лежал, жалел свой тапок и стал думать, что ж это получается, одиночество – это жалость? Он одел тапок на ногу, вскочил с дивана и стал бегать по комнатам, произнося уже три слова: жалко, весело и скучно, жалко, весело и скучно...

Он решил, что уже знает, что такое одиночество и ему захотелось побежать к товарищам, рассказать им об этом. Но они договорились

встретиться утром, и он стал ждать утра. Но пока было не утро: пришла ночь. Маленький зелёный человечек выспался, а потому ходил по дому, не зная, что делать. Было тихо, тепло, в окно заглядывала луна, и ветки яблони тихонько скреблись в стекло на первом этаже. Человечек слушал тишину, как большие люди слушают музыку, торжественно и расслабленно. Он даже сел на ступеньку лестницы, которая вела на второй этаж, а так как он был очень маленький, то лестница казалась ему огромной, а тишина – звенящей.

Он неожиданно почувствовал тишину как тяжесть. Её, тишину, хотелось взвалить на плечи, вынести во двор и положить у забора. Или распилить на куски и растопить печь. Как интересно: растопить печь тишиной! Но все эти мысли выглядели фантастическими даже по представлениям маленьких зелёных человечков, поэтому он не стал тишину пилить, не стал её выносить во двор. Но вот что странно: он не подумал о том, что тишина – это тоже одиночество. Повторяя про себя три заветных слова, чтобы их не забыть – «жалко, весело и скучно, жалко, весело и скучно» – он слез с лестницы и пришёл в комнату, где был камин. Заглянул в него: камин был холодным и тёмным, от него пахло сажей и сыростью. Камин тоже был один и человечек встрепнулся: один – это значит, что вокруг никого нет? Но как же так? Ведь вокруг того же камина масса интересных и важных персонажей: настольная лампа, обогреватель, кресло и диван. Они – есть, следовательно, камин не одинок?

Он совсем запутался и просто перестал думать, да ну их, эти мысли. «Мыслям хорошо, – рассуждал он, – их много, им, небось, не скучно». Глянул в окно, но там и не думало светать. Он опять сел на диван и пригорюнился. Вот он, хороший, добрый человечек, неизвестно зачем и почему сидит в этом никому не нужном доме и ждёт, пока наступит утро, потому что кто-то, тоже, очевидно, глупый, о чём-то поспорил. Он рассердился и решил, что всё это надо прекращать. Надо идти к своим зелёным человечкам, рассказать, что он узнал и лечь спать вместе с ними, на зелёных ветках, в обнимку с шишками. Он решительно зашагал к выходу, открыл дверь и вышел на улицу. Вышел – и остановился. На улице была ночь, а больше там ничего не было. Не было ни ёлки, ни шишек, что уж говорить про его друзей. Ничего не было видно и ему стало страшно. Но он не знал до сих пор, что такое страшно, а потому бесстрашно шагнул в ночь. Шагнул и пропал. Ночь спрятала его в своих одеждах и когда утром маленькие зелёные человечки пришли в дом, они обнаружили только открытую дверь, работающий телевизор и один зелёный тапочек, который человечек забыл, убегая из дома. Они пошли искать его, но не нашли и ищут до сих пор. Тайна его исчезновения так напугала бедных зелёных человечков, что они раньше положенного срока улетели в космос. И сюда пришли мы.

Ой закончила сказку и почему-то вздохнула.

***

Но она даже выдохнуть не успела, как Кот, надувшись, важно сказал:

– А я знаю, куда он подевался.

– Как ты можешь знать, если это тайна, – вскричал Самовар. – Тайну нельзя знать, тайну можно только чувствовать! Я вот, например, чувствую, что это вообще не сказка, это быль. Мне, помнится, рассказывали собратья по ремеслу...

– Маленькие, такие, ушастые самоварчики с растопыренными ножками... – бормотнул Кот.

– Да, маленькие, мы все когда-то были маленькими.

– Протестую! Я никогда не был маленьким котиком. «Котик» – боже, как это гадко звучит. Я всегда был именно таким – крупным экземпляром, умным, да, я не боюсь этого слова, а ещё породистым, с блестящей шерстью. – В голосе Кота появились нотки обожания. – К тому же пушистым и красивым. Более того, вот Ой, она ведь не была маленькой, поскольку маленькой она была всегда.

– Я не понимаю, – пискнула Ой.

– Всё просто, – грустно сказал Мальчик – тут ведь весь вопрос в том, что мы не знаем тайны нашего рождения. И каждый считает так, как ему хочется. Вот Сиам – он думает, что детства у него вообще не было. Самовар ищет родственников, до сих пор. Потому и кипит так часто, что никого не находит. У меня украли Девочку с бронзовыми крылышками. Нас было двое – а остался я один. И я не знаю, был ли я маленьким. Может, я им остался до сих пор? Правда, всё это мог нам сказать Профессор, но он ничего не говорит.

И все посмотрели на Профессора, молча смотревшего на огонь.

– Вот и ты, Ой, – печально продолжил Мальчик, не дождавшись ответа – ты ведь не знаешь, маленькая ты или большая. Ты ведь всегда была такая, правда? Потому Сиам так и говорит.

– Сиам, Сиам... Нет, чтобы сказать: мой друг Сиам. Или: мой добрый, прекрасный друг Сиам. Как было бы приятно, если бы мы все так называли друг друга. Особенно меня.

– Почему это именно тебя? – спросил подозрительно Самовар.

– Потому что я самый красивый, – безапелляционно заметил Кот. – Кстати, никто не хочет выслушать разгадку тайны? Ну, куда делся маленький зелёный человечек? По глазам вижу, что все хотят. Ну, слушайте... Нет, сначала пойду поем сметаны.

И Кот действительно важно вышел в кухню.

– Вот же субъект, – раздражённо начал закипать Самовар. – Когда-нибудь всё это кончится тем, что я не дам ему воды. Или дам ему слишком много воды.

– Вот это да, – печально улыбнулся Мальчик, – я бы посмотрел на нашего доброго друга Сиама, как он ночью будет лететь по лестнице в туалет.

– Котам не нужен туалет, поскольку им принадлежит весь мир, – раздался знакомый вкрадчивый голос, – собственно, это не значит, что понятия «мир» и «туалет» тождественны...

Он задумчиво помолчал и продолжил: – Ладно, слушайте, я, в сущности, кот не злой, я добрый. Вот вам продолжение нашей истории.

Кот мягко подошёл к дивану, где уже примостился Мальчик, посмотрел искоса на Профессора, всё так же молча мешающего угли в камине, не увидел, судя по всему, ничего настораживающего и начал:

– Вот Мальчик говорил, что мы не знаем тайны своего происхождения. Это правда. Но не вся, правда. Зелёные человечки, которые жили до нас на сосне во дворе, тоже этого не знали. Они многого не знали. Что одиночество! Они даже не знали, почему оказались именно на сосне и почему им обязательно надо улетать в космос. Они вообще ничего не знали. Как так можно жить? Так вот, в ту ночь, когда маленький зелёный человечек вышел на улицу, он понял, что ночь – это часть той тайны, которая окружала его, и у него появился шанс эту тайну узнать.

– Что ты несёшь? – Самовар от возмущения пыхтел и проливал воду. – Почему это, например, ночь – тайна, а день – нет?

– Самовар, Самовар, – раздался успокоительный голос Профессора, – подожди, придёт и твой черед.

Кот, впрочем, не обратил на эту реплику никакого внимания. Он полулежал на диване, крутил хвостом, и вид у него был мечтательный.

– Тайна, господа, что может быть сладостнее тайны? Конечно, сметана, но мы сейчас не об этом. Тайна живёт среди нас даже тогда, когда мы уверены в обратном. Без тайны нет жизни хотя бы потому, что жизнь – тоже тайна.

– Старый софист...

– Был, был у меня родственник, действительно, софист, звали его Бегемот, но о нём позже, позже. Итак, дверь домика открылась, – со вкусом продолжил Сиам, – маленький зелёный человечек вышел на крыльцо и остолбенел. Дело в том, что как только заходило за горизонт солнце, маленькие зелёные человечки ложились спать. И спали до его восхода. Поэтому ночь, ночь во всей её красе и таинственности была им просто незнакома. Да, они знали, что есть слово «темно», но, господа, что это значит – темно? Самый простой ответ, как сказал бы мой родственник Бегемот, это отсутствие света. Контрадикторность, противоположность, как говорят продвинутые логики, тревожащие тень великого Аристотеля.

В комнате раздался стон – стонал Самовар, задохнувшийся от хлынувшего формализма.

– Да, так вот. Темнота – это отсутствие света. Но, что даёт нам это определение? Очевидно, ничего: перед нами замкнутый круг, порочный круг, отсутствие развития мысли. Темноту надо видеть – ведь это тоже определение! И потому зелёный человечек, увидевший тьму, задохнулся от переполнявших его чувств. Всё, окружающее его, не было похоже на отсутствие света. Это было что-то другое, обладавшее особыми запахами, звуками, темноту, как оказалось, можно потрогать и человечек бесстрашно протянул ей руку. Его никто не укусил за эту руку, но и никто её не пожал, никто не погладил. «Ага, – подумал человечек, – значит, это не страшно». И он шагнул в темноту. Но не успел он сделать и несколько шагов, по высокой зелёной траве, как услышал Голос. Голос был тихим, но маленький зелёный человечек его прекрасно слышал. Голос был печальным, как бывает печальной темнота. И он же был добрый, как бывает добрым сон. «Ты узнал тайну, маленький зелёный человечек, – произнёс Голос. – Это не твоя тайна, ты не должен был её узнать. Ты узнал, что такое ночь, что такое темнота и потому ты больше никогда не вернёшься к своим друзьям. Ты будешь ждать их в космосе, там, где ваша жизнь будет протекать вечно. И потому я забираю тебя с собой».

– Но я не хочу в космос без своих друзей – закричал испуганно человечек. – Я не хочу улетать один. И потом: я ничего не узнал, разве я знаю, что такое темнота, что такое ночь? Ведь я даже не узнал, что такое одиночество!

– А тебе и не надо было это знать. Но ты увидел ночь – этого достаточно.

– Подожди, как же так! А шишки, как же без шишек, я так люблю шишки! А сосна, как же без сосны, это ведь мой настоящий дом. Я не хочу в космос!

– Бедный друг мой, я не могу поступить иначе. И я не всемогущ перед обстоятельствами. Знание не просто умножает скорбь, как сказал один умник. Знание влечёт за собой ответственность и эта ответственность вовсе не награда. Ты узнал – всё равно что, и потому будешь отвечать за это знание.

– Какая глупость! Извини, я не то хотел сказать... Но, согласись, если я когда-то узнал, что есть солнце, разве можно меня наказывать за это!

– А тебя никто и не наказывает. Ты будешь отвечать за то знание, которое не принадлежало тебе. И, мой дорогой друг, ещё неизвестно, что будет там, в космосе, может, там тебе будет лучше?

– А кто решил за меня, где мне будет лучше?

– Так, наш спор затягивается. Я даю тебе одну минуту, чтобы попрощаться с миром.

И Голос умолк.

Маленький зелёный человечек оглянулся, пытаясь угадать, где его сосна, где его друзья, где его мир. Но ничего не было видно. Он посмотрел под ноги и угадал траву. Он обернулся на дом, но, странное дело, дома тоже уже не было видно. Угадывались очертания чего-то угловатого и большого, тёмного и незнакомого. Что-то незнакомое стало подниматься в его душе. Он не знал, что это, но дышать ему стало тяжело, в горле что-то запершило, и он с ужасом и удивлением почувствовал воду на своём лице. Он плакал, маленький зелёный человечек, но он не знал, что он плакал. Ему было жалко себя, своих зелёных тапочек (интересно, возьмут ли и их в космос), но больше всего ему было жалко сосны и шишек, на которых спали его друзья. «Но я ведь их увижу, конечно, увижу, я буду их ждать, я им сварю супчик из еловых иголок, я им запеку шишки и подогрею цветочный омлет». Он счастливо вздохнул этим мыслям, но выдохнуть не успел – на траве остались только следы, очень маленькие следы, а больше никого и ничего не было.

Кот замолк и перевернулся на другой бок.

– Какая грустная история! – сказала Ой. – Но я слышала совсем иное продолжение своей сказки.

– Подожди, Ой, здесь надо всё обдумать. – Бронзовый Мальчик с крылышками встал с кресла и стал ходить по дому. – Я не понимаю твоей истории, Сиам. Как же так: если что-то узнаешь, то за это надо отвечать?

– Пока помолчу, помолчу, – мяукнул Кот. – Ещё соображения есть?

– Есть... Человечка жалко. Ты не мог бы вернуть его на сосну? – это спросил не похожий на себя Самовар, которому было так грустно, что вода из него выливалась через край.

– Ты нас всех замочишь, – заорал Кот. – Плачь, пожалуйста, в специально отведённом для этого месте. Вон, рядом ванная, залезь туда и плачь на здоровье.

– И всё-таки мне непонятно, – хмуро и упрямо произнёс Мальчик, продолжающий ходить по комнате, – ведь знания, это хорошо, почему же наказали человечка?

– Вот пристал. Никто его не наказывал, там же всё ясно было сказано. Дело в другом, впрочем, послушаем, что скажет Ой. У неё, кажется, есть иной вариант окончания этой истории?

– Да, – сказала Ой, – мне не понравилась твоя сказка. Ты всё рассказал не так.

– А как? – обиженно надулся Сиам.

– Они вместе улетели в космос, вот что. Маленькие зелёные человечки не могут жить по одному.

– Как же не могут, – заворчал Кот, – когда самый маленький зелёный человечек жил один целую ночь!

– Что такое одна ночь, Сиам, по сравнению с вечностью, – улыбнулся Бронзовый мальчик с крылышками.

– Тебе не идёт фиглярничать, малыш, впрочем, всё дело не в тебе, дело в одиночестве. Вот, например, я – я Кот, который гуляет сам по себе. Интересно, может ли вообще быть на свете Самовар, который гулял бы сам по себе. Очевидно, это нонсенс. Таких Самоваров не существует. Самовары отличаются консерватизмом мышления и стойкостью оловянных солдатиков. Вот возьмите, например, нашего друга...

– Пожалуйста, Сиам, не надо, – нахмурилась девочка Ой. – Да, кстати, есть ведь и такой вопрос: если маленькие зелёные человечки не знали так много, то, значит, они все не знали этого. То есть, я хочу сказать, что одиночество может быть и коллективным. Вот мы – знаем разве, что такое одиночество?

– Я знаю, – туту же печально ответил Бронзовый Мальчик с крылышками.

– И я, – как эхо, отозвался Самовар.

– А вот я одинок априори, – важно заявил Кот. – Одиночество – моя сущность. Я вообще неотделим от одиночества. Вы могли бы увидеть одиночество в чистом виде? Нет. Вам повезло, я вам предоставляю такую возможность. – Я – одиночество в чистом виде, то есть, в виде кота.

– Господи, – закричал Самовар. – Мало нам просто Кота, так нам представили одиночество в виде Кота. Я не хочу одиночество в виде Кота. В крайнем случае, я готов примириться с одиночеством в виде Самовара. Но Кот!

И Самовар попробовал вздеть руки, которых у него не было, к потолку.

– Это эгоизм, – сказал печальный Мальчик. – Вы оба эгоистичны. Одиночество не может быть представлено ни в виде Кота, ни в виде Самовара, ни в виде Мальчика. Или девочки. Чтобы понять, что такое одиночество, я расскажу вам быль. Нет, всё же сказку. Быль – это очень страшно. А сказка страшной быть не может, потому что мы всегда можем придумать ей другой конец. Не страшный.

– Что ж, послушаем, послушаем, – пробормотал Кот, опасливо повернувшись боком к огню. – Кстати, не подбросить ли нам дровишек в камин?

– Подброшу, – сказал Мальчик. – Только, чур, не перебивать, как когда-то!

– Что значит абстрактное когда-то по сравнению с конкретным теперь!

– Ну, пожалуйста!

– Хорошо, хорошо...

И Мальчик начал рассказывать новую сказку.

***

– Я не знаю, почему пропала бронзовая Девочка с крылышками, но я видел, как она уходила. Прямо за сараем, вы все это знаете, есть канава, в которой живут наши друзья, лягушки. Когда Девочка пропала, была осень, с сосны начали сыпаться иголки, вода в канаве стала холодной, и мы уже не ходили туда гулять. Вот и в тот день...

– Это не сказка. Это трагедия. Почему бы тебе всё же не рассказать сказку?

– Послушай, Сиам, ты, как всегда торопишься. И вообще: где ты видел сказку, которая бы не была комедией или трагедией?

– Видел. Это сказка, про моего друга, Кота в сапогах. Там не трагедия, не комедия...

– А фарс, – вставил тут же Самовар.

– Ну, пожалуйста, – взмолился Мальчик. – Почему-то Ой никто не перебивал, и тебя, Сиам, тоже.

– Мы пристыжены и молчим.

И Кот сделал вид, что подметает хвостом пол.

– Так вот, в тот день мы с Девочкой решили убрать листья, которые упали с яблонь. Она взяла грабли и стала собирать разноцветные листочки в белую лоханку, а я пошёл подметать дорожку к гаражу.

«Социалистический постбронзовый реализм», – раздался где-то рядом придушенный шёпот. Но Мальчик не обратил на него никакого внимания. Он встал и стал ходить по комнате, иногда сжимая от отчаяния голову руками:

– Зачем, зачем я оставил её одну!

Самовар протянул ему кружку, в которой дымилось что-то очень вкусное, и успокаивающим голосом произнёс:

– Мы с тобой, ты говори, говори!

Мальчик на секунду прикоснулся губами к кружке и уже спокойнее начал рассказывать:

– Что тут скажешь? Когда я всё убрал на дорожке и вернулся к яблоневым деревьям, там никого не было. Правда, мне показалось, что возле канавы мелькнуло что-то непонятное, то ли кусок материи, то ли плащ Девочки, а она была в тот день в плаще, мы его купили накануне. Я в начале оглядывался и звал её, потом побежал вокруг дома и только тогда, когда понял, что её нет у нас во дворе, выбежал за забор, к канаве. Что меня сразу поразило – там тогда было очень тихо. Тишина была какой-то мёртвой, не было лягушек, не летали птицы, вообще даже редкие листья на деревьях и кустах не шевелились. Ведь был день, ты помнишь, Самовар, я бегал за водой для тебя и для нас всех, был ясный день, а у меня в глазах почему-то стояла ночь. Помню ещё, что над головой у меня как будто что-

то пролетело, что-то большое, сильное, так что я даже почувствовал толчок в спину. А потом время остановилось. Я стоял прямо у осины, которая давным-давно упала на канаву, и стала мостиком, по которому ты, Сиам, до того дня любил лазать. Я видел осину, видел воду в канаве, видел наш забор, который тем летом все мы вместе красили. Но не мог двинуться с места и не видел Девочки. Я превратился в свои собственные глаза и увидел мир так, как его, наверное, видит тётушка Стрекоза. Этот мир был беззвучным и похожим на сферу. В этом мире не было горизонта, не было верха и низа, а был лишь один круглый мир, в котором пропала Девочка. Я стал каким-то беззащитным, слабым и именно тогда понял, что случилась беда. Но, как вскоре оказалось, это было только начало всех моих бед.

Мальчик остановился и грустно посмотрел на огонь. В комнате все молчали. Кот смотрел в окно и делал вид, что всё сказанное его не касается. Самовар пыхтел, и на его боках выступила испарина. Девочка Ой достала платочек и вытирала глаза. А Профессора не было, он незаметно вышел из комнаты и никто этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

– Потом темнота прошла, рассеялась, – негромко продолжил Мальчик, – и прямо возле канавы я увидел тёмный, по виду дубовый стул, на котором сидел, как-то прижавшись к нему...

– Поза взлетающего орла, – буркнул Кот, – знакомо...

– Какой-то человек, не то смуглый, не то чёрный, не то в одежде, не то голый.

– Так не бывает, – тут же заорал Кот.

– Ещё как бывает, – вступился за Мальчика Самовар. – Посмотри на себя: ты и одетый, и голый. Шерсть – твой существенный признак и попробуй, возрази. Да и я не лучше, – и он сконфуженно посмотрел на Ой. – Как-то непривычно всё время представлять перед вами в первобытной наготе.

Но Ой, не слушая их, топнула ножкой и сказала:

– Не мешайте, пожалуйста! Сейчас будет самое интересное!

– Он сидел и как-то странно смотрел на меня, – продолжал Мальчик. – Странность заключалась в том, что он как будто видел всё через меня. За мной был малинник и я готов спорить с кем угодно и на что угодно, что он видел этот малинник. Мы долго говорили с ним, и я помню этот разговор так, как будто он состоялся только что.

– Тебе не кажется, – начал говорить этот человек, нет, не человек, существо, – что это роскошь, жить вдвоём и быть от этого счастливым? Вот ты и твоя Бронзовая Девочка, вы вдвоём, вам хорошо и мне всё время кажется, что это несправедливо.

– Но, почему, – спросил я и голос мой прозвучал так, как звучит эхо. – Разве все не живут вдвоём и разве это не справедливо?

– Ты ошибаешься, мой друг. Во-первых, не все живут вдвоём. Возьми меня. Я – один. Или твой друг, Кот – он тоже культивирует одиночество. Впрочем, речь не обо мне и не о нём. Вспомни Ромео и Джульетту, они были вдвоём и они умерли. Вспомни Данте и его Лауру – они были несчастны. Вспомни миллионы, миллиарды любящих сердец – они провожали друг друга в могилу, не успев познать мир, своё счастье. И это справедливо, потому что счастье не должно быть полным. Счастье должно даваться вам, людям по кусочкам, по маленьким кусочкам. Вот ты получил свой кусочек и хватит. Ведь ты узнал, что такое счастье – что же ещё?

– Я не понимаю тебя...

– А что тут непонятного, мой друг? Счастливый человек – ограниченный человек. А я хочу, чтобы вы, люди, были цельными, без ограничений. Вот, например, ты, сколько лет живёшь, но знаешь ли ты, что такое горе? Нет, ты никогда не знал этого чувства. Я горд за тебя: с этого дня ты будешь знать, что такое горе – ведь твоя Девочка ушла от тебя навсегда. Навсегда... И этого слова ты не понимаешь. Впрочем, разве ты один? Сколько же у меня работы...

– Твоя работа – приносить горе?

– Что за глупости! Моя работа – дать вам всем возможность почувствовать мир в его полноте. Что ж это за жизнь, в которой нет, например, страдания? Это несправедливо. Несправедливо по отношению к вам, людям и мой долг – дать вам всё то, чего у вас нет.

– Ты злой...

– И здесь ты неправ. Что значит зло? Вот от тебя ушла бронзовая Девочка, ты узнаешь, что такое горе, страдание, ты станешь другим. Я скажу тебе больше: страдание иссушит твою душу, и ты станешь несправедливым. Но несправедливость позволит тебе ожесточиться, и ожесточение принесёт тебе неведомые ранее чувства. Ты станешь богаче, станешь сильнее, потому что зло даст тебе возможность увидеть мир таким, каким ты его никогда не видел.

– Ты говоришь страшные вещи. Я не хочу ожесточаться, я не верю, что Девочка ушла навсегда, я не желаю такого богатства. Верни мне мою Девочку!

– Глупый! Пройдёт совсем немного времени, и ты будешь благодарить меня. Что Девочка! Я открываю тебе целые миры, а ты – Девочка. Вот что ты видел здесь до сих пор? Канаву, лягушек, ветки и засохшие деревья. А посмотри теперь – и он сделал приглашающий жест рукой.

Мальчик повернулся к канаве и мир наполнился неведомым ему ранее шумом и движением. Весёлые муравьи тянули куда-то палочки, похожие на брёвна и он увидел муравейник, напоминающий дворец, примостившийся прямо за кустом малины. Рядом с муравейником два огромных воробья дрались с молчаливым ожесточением, и пух летал над

их взъерошенными головами. На кустах сидела бабочка, а к ней уже планировала стремительная птица с раскрытым прожорливым клювом. И было понятно, что бабочке не спастись, как не спастись одному из воробьёв, заклёванному его соперником. На муравьёв, тащившим брёвна, вдруг напали неведомые саблезубые существа, муравьи молча сражались и умирали, а саблезубые твари уже двигались по направлению к муравейнику-дворцу, и было ясно, что нет ему ни спасения, ни жизни. Мир был наполнен вознёй и пыхтением, мир сражался сам с собой, мир хотел жить, но жить за чей-то счёт и Мальчик в ужасе закрыл глаза.

– Да, ты слаб, мой юный друг, но, уверяю тебя, пройдёт совсем немного времени, и ты станешь таким же. Ты ведь хочешь найти свою Девочку, не правда ли. Ты будешь сражаться за это, но ведь ты будешь сражаться, убивая и калеча иных? Чем ты лучше убийц в природе? Ты ведь точно такой же и я тебе принёс истинную благодать, сдёрнув с тебя позолоту ложной цивилизации. Посмотри на себя без прикрас, без того, что вы называете нравственностью – ты убийца, убийца пока в душе, но скоро станешь убийцей на деле. Я рад за тебя – мои труды не пропали даром.

Он сказал эти слова и незаметно растаял, вместе со своим стулом, и сферы, жившие во мне, пропали. Я оглянулся и увидел всё то, что было раньше: мирно стояла вода в канаве, летали птицы, и выглянула птица из далёкого угла. Никого здесь не было, ни саблезубых убийц, ни яростно бившихся воробьёв, что уж тут говорить про муравейник. Никого и ничего не было, но моей Девочки тоже не было.

– Это не сказка, это медицинский факт. Тебе нанесена психологическая травма и наша задача – помочь тебе.

Констатировав это, Кот важно подошёл к Мальчику и попробовал лапой потрогать ему голову. До лба он так и не дотронулся, но с апломбом произнёс, торжествуя глядя на окружающих:

– У нашего Мальчика температура. Ну-с, кто несёт лекарства?

– Какая температура, о чём ты? – Мальчик досадливо отмахнулся и сказал, глядя в пространство: – Уже лето, прошло столько времени, а я так ничего и не знаю о моей Девочке. Послушайте, – и он обернулся к Самовару, – может, прав тот господин и я уже ожесточился? Я стал другим?

– Ты не ожесточился, ты такой же добрый, как и был, – нежно сказала Ой.

– Нет, тут всё не так просто, – сварливо заметил Кот. – Пожалуй, всё же немного ожесточился. Вот вчера, например, когда у нас на кухне сама пролилась сметана и все искали, кто это сделал, Мальчик ожесточился. Он так ожесточился, что сказал, что это сделал я. А это сделал...

– Да-да, это сделал Ёжик.

– Твоя ирония неуместна, Самовар. Это сделал сам Мальчик.

При этих словах в дом вошёл Профессор и принёс новую охапку дров. Он улыбнулся всем, с грохотом бросил поленья на пол и, стряхивая с себя мелкие щепки, спросил:

– А не выпить ли нам ещё чаю?

– Мне цветочный, – важно заявил Кот и тут же спросил, притворяясь удивлённым: – Вот странность, Самовар угощает нас чаем, а сам его не пьёт! Это то же самое, если бы я всех угощал сметаной, а себе говорил: ты, дружище, сметаны не хочешь. Зачем тебе сметана? Странная постановка вопроса. В мире вообще много странного...

– А я хочу зелёный чай, – сказала Ой. – Почему-то чай зелёный есть, а синего – нет. И оранжевого чая нет.

– И фиолетового тоже... Моя Девочка очень любила фиолетовый цвет. Он изысканный. Мальчик помолчал и попросил: – Самовар, угости меня фиолетовым чаем. Даже если его у тебя нет, обмани меня, скажи, что в кружке фиолетовый чай!

– Ваш фиолетовый чай, сэр! – Самовар изогнулся на своих кривых ножках и протянул Мальчику кружку. И все были уверены, что в кружке именно фиолетовый чай. Даже Кот, который пробормотал что-то похожее на то, что у него тоже фиолетовый чай, хотя он и немного цветочный.

Все стали пить чай, только камин не пил чай. Да и как камин может его пить?

***

В комнате наступило молчание. Никто и не заметил, когда оно наступило. Может, во всём виноват чай? Точнее, чаепитие? Причём все пили чай по-своему. Ой – осторожно. Мальчик – задумчиво и грустно. Кот – торжественно. Самовар вообще не пил, а Профессор задумчиво вертел в руках чашку, как будто хотел спросить её, кто она такая и как сюда попала. Он и начал разговор, взглядываясь в круглые бока чашки:

– О чём может рассказать простая чашка, как вы думаете, друзья?

– О других чашках, – тут же отозвался Кот. – Сколько я не встречаюсь со своими друзьями, которые коты и кошки, мы почему-то всегда говорим о себе. Да и, в конце-концов, не можем же мы говорить, например, о собаках. Собаки, как я понимаю, должны говорить о себе подобных существах. Это будет справедливо. Так что чашка, – после небольшой паузы авторитетно добавил он, – может рассказать только о другой чашке.

– Тебя послушай, – тут же встрял Самовар, – так все будут говорить только о своих родственниках. Но если все будут говорить только о себе, то кто будет говорить о других? Кстати, о тебе самом мы узнали не от

тебя, да и некому было о тебе тут рассказывать, других котов у нас никогда не было, а от Профессора.

– Самовары издревле отличались приземлённостью мышления и примитивизмом суждений, – надулся Кот. – Тебе не под силу самый простенький силлогизм, а что уж тут говорить о более сложных формах мышления. Ты ведь рассуждаешь как?

– Ну, как?

– По-самоварному. Не обижайся, пожалуйста, но у каждого из нас своя система мышления. Как, например, рассуждают самовары? Они полагают, что вода первична, электричество вторично, а потому надо думать, куда воткнуть штепсель и что по этому поводу говорили мудрецы одной из древнегреческих философских школ. А эти ребята как раз и признавали воду первоосновой сущего. Электричества, правда, в этой концепции я не припомню. Может, речь должна идти о сапоге?

И Кот картинно задумался.

– Интересно, – воскликнул Мальчик, – как это может выглядеть на практике? И какая интересная связка: вода, электричество и сапог. А почему сапог не может быть первоосновой сущего? Или греки не знали, что такое сапог?

– Пусть первоосновой сущего будут сандалики, – сказала Ой, прихлёбывая чай. – У меня такие красивые сандалики, беленькие, с ремешком!

– Пожалуйста, никаких проблем. Сандалики первичны, а коленки вторичны. Но вернёмся всё же к нашим самоварам. Вообще говоря, самоварное мышление может выглядеть в виде простенького условно-категорического силлогизма. Если всё состоит из воды, то самовары вечны. Всё состоит из воды, следовательно, самовары вечны. Мысль, чрезвычайно приятная для самоваров. Но ложная по своей сути.

– А если всё состоит из электричества? – не успокаивался Мальчик.

– Милости просим в самоварное мышление. Если электричество помогает самоварам жить, то самовары хорошо выглядят. Электричество помогает самоварам жить, следовательно, самовары хорошо выглядят. Кстати, посмотрите на нашего друга, весьма неплох! Электричество, правда, здесь не при чём. Он от природы такой.

Все посмотрели на Самовар и увидели, что кипятик, который он разогрел, вполне мог обрушиться на пушистого оратора. Но тут раздался тоненький голосок девочки Ой:

– Самовар, не обижайся. Наверное, наш Котик прав...

– Не называй меня Котиком!

– Хорошо, хорошо... Но я вот о чём подумала. Ёжик, который угощал меня малиной, как-то рассуждал о своих делах, и я подумала, что можно и так думать, как говорит уважаемый Кот. Ёжик говорил о яблоках,

которые он осенью не мог унести на своей спине, потому что спина была маленькая, а яблоки большие. Он говорил...

– Подожди, я запишу, мне интересно, – и Мальчик побежал за бумагой.

– Вот-вот, мои мысли никто не записывал, а как только стала говорить Ой, так сразу «за бумагой»! А чего это Самовар повернулся ко мне спиной?

Все посмотрели на Самовар и увидели, что он действительно повернулся к Коту своей блестящей спиной. Так что было видно, что на этой спине кто-то написал какое-то слово.

– Где мои очки, – спросил Кот и полез под диван. – Я должен прочитать, что там написано!

Но тут прибежал Мальчик и закричал:

– Ой, я готов, продолжай!

– Ну, вот. Ёжик говорил так: я могу унести одно яблоко на спине, а могу не унести ни одного, потому что они большие. Получается, что я могу придти домой с яблоком, а могу – с пустыми иголками. Наверное, я придду с пустыми иголками. Хотя, – задумался он, – может мне и удастся притащить одно яблоко.

– Ничего не понимаю. Что тут такое ёжиковое, не пойму. – Мальчик задумчиво смотрел на лист бумаги. – С таким же успехом и я что-нибудь могу придумать. Скажем... Э-э... Я могу придти домой с одной мыслью, а могу с пустой головой, потому что мысль была сложной. Ну и так далее.

И Мальчик посмотрел почему-то на Профессора.

– Всё что ты сказал, мой юный друг, не имеет смысла. – Кот запрыгнул на диван и снял очки с носа. – Во-первых, ты уже дома и тебе не надо куда идти. Во-вторых, мысль просто так в голову не придёт. Это же мысль! Но главное заключается в том, что Ёжик мыслил в категориях ёжиков. Вот у тебя есть колючки?

– Нет...

– Куда же ты положишь яблоко?

– Что же получается, мышление зависит от иголок и от яблок?

– Не от иголок, а от того, чем одно существо отличается от другого. Вот я – и Кот любовно обвёл себя взглядом, от хвоста до груди, – моё кошачье мышление зависит от совокупности признаков, в основе которых именно кошачье проникновение в суть вещей.

– Любопытно услышать, – раздался желчный голос Самовара, молчавшего до сих пор, – каким это образом усы и хвост могут влиять на отсутствие мысли.

– Ты всё же обиделся, мой друг. А зря! Ведь любому непредвзятому Самовару должно быть, очевидно, что хвост может быть у кого угодно, даже у Ёжика. Но вот кошачье мышление – это ёжикам неподвластно.

– Я, наверное, понял, в чём суть кошачьего мышления, – задумчиво заметил Мальчик, всё время что-то писавший на своих листках. Вот смотрите, что у меня получилось.

И он с выражением прочитал: «Ты можешь быть или котом, или мальчиком, или ёжиком, или самоваром. Ты являешься котом. Следовательно, ты не можешь быть ни ёжиком, ни мальчиком, ни самоваром. Ты, Кот, являешься самим собой потому, что не являешься мной. Или Ёжиком. Про Самовар я лучше помолчу». Смотрите, Ой заснула!

– Ничего удивительного, – негромко проворчал Самовар, – от этой абракадабры кто хочешь, уснёт. Ведь с чего начался разговор? С чашки. А чем закончился? Опять этим существом, – и он неприязненно посмотрел на Кота. – Кстати, а где Профессор?

Все оглянулись, посмотрели друг на друга и молчаливо согласились, что Профессора нет.

– Пока мы его ждём, хотите, я расскажу вам сказку о чашке? – спросил Самовар. – Чашка близка мне. В принципе, я сам – большая чашка. Поэтому могу поделиться...

И он подозрительно посмотрел на Кота. Но тот сделал вид, что ничего не понял и вообще ничего не слышит. Неслышно упал на бок, потом на спину, покатился по ковру и стал ловить солнечный зайчик.

– Конечно, – восторженно сказал Бронзовый Мальчик, – расскажи нам сказку про чашку.

– Хорошо... Было это так давно, что чашки ещё были очень маленькими. Маленькими были и самовары. Жили они тогда вместе. И в самом деле, что толку от самовара, если нет чашки! Да и существование чашки без самовара было лишено смысла. Самовары грели воду, чашки охотно наполняли себя этой водой, но вот беда: пить из этих чашек было некому. И однажды самый старый самовар решил посоветоваться с самой умной чашкой. Он сказал:

– Я думаю, что кому-то из нас надо совершить подвиг. Что за жизнь без подвига!

Умная чашка посмотрела на самовар и поддакнула, ещё не понимая, в чём, собственно дело. А самовар продолжал, глядя в даль:

– Я никогда нигде не был, дальше этой замечательной равнины, но верю, что где-то есть новые миры и могут быть существа, которым очень, нужны чашки и самовары. Мне часто снится один и тот же сон: я вижу, слышу, как кто-то спрашивает «Где этот проклятый самовар, почему он не кипит так долго!» На меня нахлобучивают какой-то предмет, ожесточённо разжигают искры и вот – что за сладостная минута! – кипятилок, животворный кипятилок переполняет меня! А потом сон уходит и я

опять холодный и скользкий, как лягушка, жду ночи, чтобы пришёл всё тот же сон.

Чашка посмотрела умными глазами на самовар и опять поддакнула.

– Я предлагаю, чтобы самый смелый из нас попробовал найти тех, кому мы нужны. Посмотри, – и он покачнулся, всем своим видом указывая на горизонт, – путь далёк и опасен, но там, за краем дня и ночи, есть существа, которые ждут нас.

«Почему бы тебе самому и не совершить этот подвиг?» – подумала умная чашка, а вслух сказала:

– Правильная мысль, дельная. Но чашке трудно совершить такой подвиг. Давайте найдём самого смелого самовара, который преодолет все преграды и достигнет цели.

– Давай, – с воодушевлением согласился Самовар, и они дружно пошли на равнину, где гуляло много разных самоварчиков вместе с чашками.

– Самовары! – гулко и хрипло крикнул самый старый самовар. – Что наша жизнь без тех, кому мы обязаны служить? Мы носим в себе кипяток, как родовое проклятие. Вода сжигает наши внутренности, но мы страдаем ни за что: никому не нужен кипяток, какими бы высокими потребительскими качествами он не обладал.

И самовары, услышав эту пламенную речь, сочувственно застонали.

– Вот что, самовары, – продолжал самый старый самовар. – Этому бессмысленному существованию надо положить конец. Пусть самый смелый из нас пойдёт за горизонт и найдёт тех, кому мы обязаны беззаветно служить. А две самые смелые чашки будут сопровождать его в этом трудном пути. Мог бы пойти и я, – трагическим шёпотом продолжил оратор, – но я не дойду до горизонта, годы разъели латунь, и через разошедшиеся швы сочится вода. И, как бы в подтверждение своих слов, он поднял одну из своих ножек, и все увидели, как прямо из-под пузатого брюха безжалостно сочится влага. Горестный стон присутствующих сопровождал эту безрадостную картину. И в это же самое время из толпы самоварчиков выскочил маленький и блестящий самовар и звонко крикнул:

– Дедушка, не беспокойся. Я знаю, кто совершит подвиг. Мы все совершим этот подвиг!

И одобрительный рёв был ему ответом. Самоварчики стали озабоченно и радостно обсуждать, как они все вместе уйдут за горизонт, как найдут тех, кому нужен кипяток и как смысл их существования обретёт нужную напряжённость. В этих словах и мыслях им помогали чашки, которые прыгали вокруг самоварчиков и радовались, что такая прекрасная мысль пришла в голову такому старому самовару.

Все обсуждали и радовались целый день, а потом озабоченно заснули, чтобы набраться сил перед дальним походом. На следующий день они опять обсуждали опасное предприятие и опять спали, чтобы набраться сил. И так продолжалось долго: в начале неделя, потом месяц, незаметно прошёл год. Ведь обсудить надо так много! Вот так и получилось, что они обсуждают этот смелый план уже не первое десятилетие. Старый самовар незаметно для всех ушёл на склад металлолома и уже некоторое десятилетие готовится стать новым блестящим самоварчиком, самая умная чашка случайно разбилась, и молодые красивые чашки смели её в угол веником. Но, как и когда-то, самоварчики и чашки встречаются каждый день на равнине и обсуждают, как они будут преодолевать препятствия, отправившись в поход за неведомым знанием. Цель превратилась в смысл их существования, и никто не заметил, что кипяток никто не пьёт, что чашки стареют и разбиваются сами, что, склад металлолома переполнен и новые блестящие самоварчики, как и новые чашки, приходят в мир лишь для того, чтобы мечтать о подвиге.

Самовар замолчал, все посмотрели на него и вдруг заметили, какие у него грустные глаза. Но тут раздался скрипучий кошачий голос:

– Одно непонятно, если они всё ещё думают на своей равнине, непонятно, как ты здесь оказался, на этой каминной полке?

– Меня спас Профессор, – грустно ответил Самовар голосом, в котором не было привычной язвительности и желчи. – Дело в том, что я и был тем самым старым Самоваром, который предложил самоварчикам отправиться в поход. Меня на свалке металлолома нашёл Профессор, привёл в порядок, сказал, что я ещё послужу, вот я служу.

– Как интересно, – стала хлопать в ладоши Ой. – Но это значит, что вы очень старый. А вы помните, как вы были совсем маленьким, блестящим самоварчиком?

– У самоваров нет детства, – грустно ответил Самовар. – У них есть только вода, словом, первооснова сущего, как и было сказано.

– И всё же не понимаю, – протянул Бронзовый Мальчик. – Получается, это не сказка, это быль. Но мы так не договаривались! Мы ждали сказку. Это несправедливо!

– Всё справедливо, наш безутешный друг, – встрял Кот. – Самовар живёт в вымышленном, ирреальном мире, мире самоваров. Там господствует самоварное мышление и логика развития событий тоже самоварное. Так что условие соблюдено, самовар рассказал быль для себя и сказку для нас. Но вот в чём вопрос...

Но тут вошёл Профессор и спросил:

– Так о чём вам рассказала простая чашка?

– Чашка молчала, а вот Самовар рассказал много интересного, – охотно ответил Бронзовый Мальчик. – Но у нас накопилось много

вопросов, в том числе и к вам, уважаемый Профессор. Скажите, пожалуйста, почему мы не помним, какими мы были в детстве?

Все повернули головы к Профессору, который подошёл к камину и неторопливо засунул в его огненную пасть ещё несколько поленьев.

– А вы хотите это узнать?

– Очень хотим!

– Но ведь знание умножает скорбь, да и вспомните про историю зелёного человечка, который узнал, что такое ночь и что такое одиночество и был за это наказан. Вам не страшно?

– Не-е-ет!

– Что ж, это ваш выбор. Слушайте.

– Что такое детство, друзья мои? Вы думаете, что детство – это когда кто-то маленький или очень маленький? Вы ошибаетесь, потому что даже самое маленькое существо может быть на самом деле очень взрослым, а огромный и седой субъект может быть ребёнком. Детство вообще можно носить в себе всю жизнь, как мы носим печень, лёгкое, сердце...

– И хвост, – неумолимо заметил Кот.

– И колючки, как у Ёжика, – тихо сказала Ой.

– И любовь к Бронзовой Девочке, – неслышно прошептал Бронзовый Мальчик.

– И воду, – грустно промолвил Самовар.

– Да-да, и хвост, и воду, и колючки, и любовь. Впрочем, я ведь говорил совсем о другом. О том, что детство тоже можно всю жизнь носить в себе и никогда не узнать, что ж это такое. Но давайте, ближе к сказке. Жил-был...

– Я так и знал, что Профессор начнёт с этого зачина, – жарко прошептал в маленькое ушко Ой Кот.

– Жил-был царь. Всё было у этого царя. Понятное дело, что было у него царство. Не то, чтобы очень большое, но приличное. Были у него верные подданные, были сыновья, которыми он гордился. Был народ, который любил своего царя и верил ему.

– Интересно, а что, у этого народа был выбор? – фыркнул Кот. – Вот у меня, например, разве есть выбор – любить Самовар или нет. Я живу с ним вместе, делю трапезу и кровать, пардон, комнату, как же мне его не любить? Вообще говоря...

– Ну, Котик, пожалуйста! – промолвила Ой.

– Не называй меня Котиком! – и Кот вздыбил шерсть.

– Так вот, – не замечая перепалки, продолжал Профессор, – вёл тот царь умелую политику, был здоров и весел, пока не пришёл к нему во дворец бродячий фокусник, балаганщик, любящий на досуге погадать всем, кто того пожелает. И ведь сбывались его пророчества, вот в чём штука. Как он этого добивался, никто не знал. Но нагадал он первому

министру скорую отставку и на тебе: ещё, как говорится, его слова не успели затихнуть, как приносят бумагу, где белым по-чёрному так и написано: гуляй, Вася. И пошёл первый министр, пригорюнившись, гулять в одну из свободных экономических зон, где было у него кое-что припрятано, приготовлено, словом, на такой чёрный день.

– Какая же это сказка, – брюзгливо затынул Кот. – Это быль, это каждый день по телевизору показывают...

– Министр ушёл, – продолжал Профессор, – а царь заинтересовался. Зовёт к себе факирщика этого самого и говорит: погадай и мне. Расскажи про моё будущее. Может, и мне скоро бумагу об отставке принесут, как моему первому министру?

И засмеялся. А с ним засмеялись придворные.

– Боюсь, государь, гадать, не могу, словом.

– Чего ж ты боишься, клоун? – нахмурился царь.

– Так ведь если что не так, велишь мне голову отрубить. Потому и боюсь.

– Да, – задумался царь, – пожалуй, ведь и отрублю, а? Ну, если не хочешь погадать на будущее, погадай мне на прошлое. Я ведь его знаю, так что тебе ничего не грозит. Заодно и проверю твои способности. А то, может, шарлатанишь ты в моём царстве? И грозно брови нахмурил.

Мялся, мялся фокусник, но видит, делать нечего, надо гадать. Выбор здесь небольшой: или не то скажу, и голову отрубят, или вообще ничего не скажу, так всё равно отрубят.

– Давай, царь, правую руку, – говорит отчаянно.

Царь руку протягивает, на придворных оглядывается и улыбается. Дескать, ну-ну, посмотрим. А фокусник, присел на корточки, долго вглядывался в руку и, раскачиваясь, начал говорить, вроде как для себя и, вроде, как, не замечая всех присутствующих в зале. Он стал говорить, каким славным было царствование государя, сколько победоносных войн он провёл, сколько стран покорил, как был милостив к своему народу и гневен к тем, кто нарушал его приказы.

Все слушали и удивлялись: как верно всё говорилось, как правильно и как умно. А клоун продолжал говорить про молодого юношу, отважного, как барс, про умудрённого опытом мужчину, мудрого, как змея, про отца и мужа, справедливого, как моральный кодекс. И все продолжали кивать, многозначительно переглядываясь, пока кто-то не заметил одной странности: факир говорил про юношу, мужчину, но ничего не сказал про детство царя, про его родителей, про то, что было ещё до того, как царь впервые сел на коня и отправился в свой первый победоносный поход. И все задумались: а сами они знают что-нибудь про детство своего владыки? И, переглядываясь, молчаливо согласились: нет, не знают. И нечему тут удивляться: царство было молодое, до его появления было иное царство,

которое погибло под ударами судьбы. Старая династия была удалена в изгнание, на трон был избран нынешний владыка, и что тут говорить, что детство его осталось ещё в том, старом царстве.

Чем больше царь слушал факира, тем мрачнее становилось его чело. Увидев, как переглядываются придворные, слушая славословия в свой адрес, он долго сдерживался, но потом всё же вырвал свою руку, встал – и все встали в зале, глянул на помертвевшего балаганщика тяжёлым взглядом и промолвил:

– Ты раб, ты льстец, ты не достоин, быть в этом зале, вышвырните его вон!

И фокусника пинками вышвырнули вон. Что тут говорить про придворных: они вышли из зала на цыпочках.

Царь, оставшись один, тяжело задумался. Дело в том, что он сам только сейчас обнаружил, что совсем не помнит своего детства. Человек без детства! Так ведь не бывает, не правда ли. А вот с нашим царём случилось. И чем дольше и напряжённее он думал, чем напряжённее пытался вспомнить хоть что-то, тем больше понимал: он не помнит своего детства, и это не давало ему теперь спокойно править и жить.

Царь ходил по своим покоям и думал, думал. Он помнил, как впервые вошёл в этот дворец, из которого бежала правящая когда-то династия. Он помнил, как женился на прекрасной девушке, как росли его сыновья, гордость его царства. Он помнил их маленькими, их шалости, но он не помнил себя маленьким, вот в чём была беда.

Он так долго и тяжело думал, что похудел, в его чёрной бороде появились первые седые волосы, дела царства перестали его интересовать и соседи, прослышав про его неприятности, стали вновь думать о войне.

Но царь не думал об угрозах своему царству. Он думал о потерянном детстве. Поняв, что ничего вспомнить не может, он пришёл к своей жене.

– Ты знаешь, – сказал печально он, – я не могу вспомнить себя маленьким. Но ведь я был им! Все были маленькими, у всех было детство, разве я – исключение из правил? Разве я появился на свет сразу восемнадцатилетним принцем, разве у меня не было отца и матери, разве я родоначальник династии и позади меня – пустыня? Почему я только сейчас заметил, что у нас во дворце нет моих портретов в детстве, почему об этом молчала ты, разве ты не знала всего этого раньше?

Жена помолчала, с любовью глядя на мужа, и отвечала так:

– Ты мой владыка, ты мой властелин. Всё, что есть здесь, твоё, я тоже твоя. Я принимаю тебя такого, какой ты есть и какой ты будешь, разве мне не всё равно, каким ты был раньше?

– Но мне, мне не всё равно. И подумай о наших любимых детях: если у меня нет детства, то не передам ли я им этой беды по наследству? Пойми, без детства человек похож на армию, которая вышла в поход, но не

знает, кого она должна защищать и от кого. Человек без детства не имеет будущего, потому что если нет начала, то нет и продолжения. Ты знаешь, я никогда не чувствовал себя неуверенным, я всегда знал, чего хочу и что надо сделать для достижения цели. А вот сейчас, когда я понял, что у меня нет детства, я потерял понимание единства жизни, сама жизнь стала непонятной и я не знаю, есть ли у меня вообще будущее, поскольку у меня, как получается, нет прошлого.

Жена, с тревогой слушая его, воскликнула:

– У тебя есть настоящее, разве этого мало? У тебя есть дети, есть я, есть народ и армия, которые боготворят тебя, разве этого всего недостаточно для твоего спокойствия? Подумай, что будет с нами, если твои страдания продолжатся и станут мешать тебе, жить и править? Проклятый факир, если б я знала, к чему приведут его гадания, я бы приказала стереть его в порошок!

– Ты не понимаешь меня! Причём здесь факир? Дело во мне, в том, что меня лишили детства. Где мой отец, где моя мать, где мои родственники? Почему династия началась с меня, и кто решил, что это царство принадлежит мне? Может, всё это не моё и я узурпировал власть? Если у меня не было прошлого, то по какому праву я нахожусь в настоящем?

И стеная, царь ушёл бродить по дворцу, задавая вопросы молчаливым покоям. И придворные прятались от него, понимая, что нет ничего страшнее несчастного властителя.

Царица, пролив немало слёз, мудро решила, что слёзы не помогут избежать беды, и приказала вызвать к себе философа, мудрого из мудрых, жившего отшельником за рекой, вдали от людей, на опушке леса. Философ этот был знаменит, конечно, не тем, что жил за рекой, да и не тем, что был отшельником. Люди уважали его за то, что он не просто всё знал, но знал то, что они могли понять сами. Ведь любой колодец мы уважаем вовсе не за то, что он глубок, а за то, что он даёт нам воду. А глубина... Что ж, глубина может быть разной, да ведь и золотой песок намывают на мелководье.

Философ не заставил себя долго ждать и уже вскоре после царицыного зова прибыл во дворец. Доверенные люди привели его в покои так, чтобы этого не заметил царь, ведь факир и философ в одно и то же время и в одном и том же месте – это чересчур даже для владыки.

Он долго и внимательно слушал царицу, выслушав же, ответил так:

– У вашего мужа, нашего уважаемого владыки, конечно же, было детство. Нет реки без истока, нет дерева без корней, нет человека без детства. Но само детство может уйти от человека. Это случается тогда, когда человек обижает своё детство, не понимает того дара, который ему

достался, не осознаёт свою связь с отцом, матерью, страной, людьми и природой.

– Но как же маленький ребёнок может осознавать эту связь, ведь его разум девственен, чист, молод и неразвит. Философ, ты хочешь от ребёнка того, чего мы часто не можем дожидаться от взрослого человека, – возразила царица.

– Детство может уйти от нас в любой момент, не дожидаясь того или иного календарного отсчёта лет. Уход детства всегда трагичен и нашему владыке, чтобы исправить ситуацию, надо сделать что-то такое, что примирит его с собственным детством. И оно вернётся, чтобы жить ровно столько со своим господином, сколько он будет понимать: не только детство принадлежит ему, но и он принадлежит детству.

– Мне сложно понять тебя...

– Здесь нет ничего сложного, царица. Ты ведь любишь своих детей?

– О, да!

– А они тебя?

– Конечно же, философ.

– Но любовь детей к тебе означает, что они живут в детстве, а детство живёт в них. Точно также их любовь к дому, к лесу, реке, людям – это те ниточки, которыми они привязаны к своему детству. У кого-то больше этих ниточек, у кого-то меньше, но именно они не позволяют детству, как воздушному шару, улететь прочь.

– Не пугай меня: ты хочешь сказать, что этих ниточек не было у нашего властелина, что он утратил детство по своей вине? Но этого не может быть, посмотри, как он любит нас всех, как он справедлив и милостив!

– Я не знаю, что случилось с ним, когда он был маленьким. Знаю лишь одно: детство покинуло его и только сейчас вернулось к нему – пока лишь мыслью, навеянной пустым гаданием факира.

– Что же нам делать, философ? Если властитель не найдёт своё детство, царство рухнет, а вместе с ним рухнет всё то благополучие, которое он создавал вместе с нами все эти годы!

Философ сидел и думал, а царица следила за ним так, как люди следят за пожаром, приближающимся к их жилищу: с леденящим душу ужасом и желанием спасти хотя бы детей.

– Надо, чтобы наш властелин вспомнил, когда и почему он потерял детство. Тогда, когда он найдёт причины утраты, он обнаружит и путь к спасению.

– Но я же вижу, что он ничего не может вспомнить, хотя пытается это сделать.

– Ты женщина, царица, прости, что я напомнил тебе об этом. Неужели ты не можешь помочь ему вспомнить то, что он сам не может сделать? Если ему не поможешь ты, то, что или кто ему поможет?

Сказав это, философ удалился за реку, забыв о правителе в тот же миг, как только переступил порог своего скромного жилища. Что значило детство какого-то владыки по сравнению с покоем, которым философ так дорожил? Он стал вспоминать, о чём думал перед тем, как великие мира сего разрушили его уединение, но не мог ничего вспомнить и потому ушёл в лес. Он разговаривал с птицами, кормил из рук зверей и чувствовал свою принадлежность всему миру в той же мере и с такой же полнотой, с какой это чувствуют деревья, земля, лес и небо.

А царица стала думать, как ей спасти мужа. И в самом деле, если не ей, то кому ещё надо было думать на эту тему?

С этими словами Профессор закончил свой рассказ и повернулся к камину.

– Это нечестно, – сказала Ой. – Нам так и непонятно, нашёл царь своё детство или нет? И это, вообще-то как – найти и потерять своё детство. Это – сказка или быль?

– Главное не в этом, – протяжно заявил вдруг погрузневший Кот. – Всё сказанное имеет отношение и к нам, поскольку многие из нас тоже не знают своего детства. Тут есть что обсудить и я предлагаю...

– А я предлагаю ужин, – сказал Профессор и вышел на кухню ещё до того, как кто-либо смог ему что-то возразить. И все пошли на ужин.

***

Пока ели, повеселели. Кот рассказал анекдот, Мальчик с Бронзовыми Крылышками вспомнил какую-то смешную историю, Ой полюбезничала с Самоваром, а Профессор, посмеиваясь, хозяйничал на кухне. Потом как-то незаметно все разбежались по своим делам, и на кухне остался Самовар, который убежать никуда не мог и Профессор, вытирающий до скрипа вымытые тарелки.

– Разрешите любопытствовать, – начал, было, Самовар, но замолк, увидев, как Профессор предостерегающе поднёс палец ко рту. И тут Самовар увидел сам, как к кухонному окну приближается Синий Шарик, воздушный шарик. Он летел сам по себе, и было слышно, что он что-то напевает. Шарик был с верёвочкой, тонкой верёвочкой, которая болталась внизу, как якорь. И вот эта верёвочка-якорь зацепилась за их подоконник, Шарик остановился, показались любопытные яркие голубые глаза на синем фоне, и раздался весёлый голос:

– Здравствуйте, Профессор! О, и Самовар здесь, привет, дружище! Я слышал, вы рассказываете сказки и даже разожгли камин по этому случаю.

Не люблю каминов, они так прожорливы и так агрессивны! Впрочем, если хотите, я тоже могу рассказать вам сказку, сказку из жизни воздушных шариков. Только рассказывать её я буду здесь, на кухне.

И, после этих слов, он влетел на кухню через открытую форточку и, надо признать, даже ничуть не помял свои радужные бока.

– Вот я слышал ваши сказки и должен признаться, что они мне не понравились, грустные они очень и очень непонятные. Вот у нас, шариков, всё понятно и всё очень просто. И сказки у нас простые и ясные.

– Это про то, как один шарик снёс другой шарик и был тот шарик не простой, а золотой? – заворчал Самовар, привычно наливаясь желчью. – Или про то, что поскребла бабка по сусекам и вылепила воздушный шарик? А, может, у вас в запасе что-нибудь про шарика в сапогах?

– Ну, вот, ты опять всё усложняешь. А ведь на самом деле, в этом мире всё очень просто!

– Да, например, жизнь и смерть...

– А что смерть? Вот у нас, шариков, как?

– Ну, как?

– Летит шарик, радуется жизни, а когда настанет его срок, мгновенно лопнет, и останутся лишь несколько мокрых пятнышек. Пятнышки высохнут, шарика нет, как и не было, а остальные шарики летят и радуются.

– И что, это правильно?

– Что правильно?

– Что остаётся от вас лишь мокрое пятно, как от раздавленной лягушки на дороге?

– Конечно, правильно. А что, лучше, когда кто-то долго плачет и страдает, потом болеет, сокращает свою собственную жизнь, ждёт подобного же исхода и в лице его ни красочки, ни цветочка, а сплошные слёзные разводы на бледном фоне?

– Весёлые вы, шарики...

– Конечно, и благодарим Создателя именно такую нашу жизнь. Как весело летать, радоваться жизни, а что касается смерти, то нет её, мы не знаем, что такое смерть. Вот, если наступит мой черёд, я улечу в небо, лопну и прольюсь дождём, синим дождём, а к вам прилетит другой шарик, и вы будете радоваться его улыбку и его смеху.

И Синий Шарик счастливо захохотал.

Самовар угрюмо молчал, поэтому в разговор вступил Профессор:

– Ты ведь хотел рассказать нам сказку, интересно, про что ты нам расскажешь?

– Конечно же, про шарик. О том, как шарик свою верёвочку потерял.

– Да, дожились, – забормотал Самовар, – сказка про верёвочку!

– Ну-ну, послушаем, – сказал Профессор, усаживаясь на нижнюю ступеньку лестницы. Замолчал и Самовар. А Синий Шарик, улыбаясь и летая по комнате, начал свой рассказ:

– Шарик был оранжевый, его так и звали: Оранжевый Шарик. Он был очень весёлым, да и то сказать: где вы видели грустных шариков? Но случилась с ним беда: он потерял свою верёвочку. А что такое шарик без верёвочки? Это трава без корней, это птица без крыльев, это небо без земли. Потерять верёвочку для шарика всё равно, что Самовару кипеть без воды. Шуму много, а толку мало. Да и конец невесел: улетают такие шарики, неведомо куда и живут неведомо где. Никто никогда не слышал, что происходит с шариками, которые улетели неведомо куда. Вот и Оранжевый Шарик, который потерял свою верёвочку, испугался: а вдруг и он улетит неведомо куда. Хотелось бы всё-таки знать, куда именно придётся лететь. Поэтому и стал он её искать так, как ищут самое дорогое в своей жизни. В начале он спросил у ветра, который отдыхал на тучах: не видел ли ты, ветер, моей верёвочки? Засмеялся ветер и вздохнул легко, но от этого вздоха улетел наш шарик на самую высокую гору. Пролетая мимо, спросил он у горы: а ты, гора, не видела ли ты моей верёвочки? Гора вздохнула снисходительно, и слетел наш шарик от этого вздоха на дно самой глубокой впадины. Искал он и там свою верёвочку, но никто не видел её, никто не слышал, чтобы кто-нибудь её нашёл. И тогда, отчаявшись, он решил украсть у кого-нибудь верёвочку. Видит, дети играют в свои игры, и лежит на земле скакалка. Подлетел Шарик тихонько к ней, обвязался, обкрутился вокруг неё и улетел, радостно напевая свои песенки. Видел, видел он, что дети бежали за ним и что-то кричали, но не остановился он, а улетал всё дальше и дальше. Но чем выше он летел, тем тяжелей ему было нести свой груз: скакалка оказалась слишком большой для маленького шарика. Уже и не рад он был своей новой верёвочке, уже и песни весёлые ему не пелись, и взмолился он тогда: скакалка, скакалка, отвяжись от меня, улетай обратно к детям. «Но как я могу отвязаться, – спросила скакалка, – если это ты привязал меня к себе. Да и летать я не умею». И тогда Оранжевый шарик стал лететь низко над деревьями, чтобы зацепилась скакалка за ветви и отвязалась, и упала. Да и, стал рассуждать Оранжевый Шарик, может, можно жить и без верёвочки? Опустился он низко-низко, зацепилась скакалка за ветви, но вместе с ней зацепился и Оранжевый Шарик. Зацепился, поболтался немного, врезался в сук и лопнул. Так не стало Оранжевого Шарика.

И Синий Шарик, весело напевая, закружился по комнате в танце.

– Да, весёлые вы ребята, шарики, – вздохнул Самовар. – Одного не пойму: если ему не нужна была верёвочка, то зачем он её искал?

– То-то и оно, – засмеялся Синий Шарик, – откуда ж ему было знать, что можно жить без верёвочки? Я вот – тоже не знаю. Как мне однажды

сказали, что трава не может жить без корней, птица без крыльев, а шарик без верёвочки, так я и считаю!

– погоди, но ты ведь сам рассказал историю про Оранжевый Шарик! Он то ведь понял, начал понимать, что можно жить и без верёвочки, что ж ты не последуешь его примеру? Выбрось эту бечёвку, летай себе без неё!

– Ты, Самовар, не понимаешь, простой вещи: раз верёвочка дана, то без неё существовать невозможно. А иначе – зачем она?

– Может, для того, чтобы ты удавился когда-нибудь, а, весельчак?

– Ты сердисься, ты сердисься, – запел Синий Шарик и завертелся в комнате, – ты сердисься, а значит, ты неправ!

И, подлетев к Профессору, закружился вокруг него.

– Подожди, дружище, не крутись, – мягко поднял руку Профессор. – Ты же знаешь, я со своим остеохондрозом не люблю разных круговращений. Ты мне лучше ответь вот на какой вопрос: как ты думаешь, если бы Оранжевый Шарик отвязался от скакалки, он стал бы искать себе новую верёвочку?

– А ещё Профессор, а ещё Профессор, – опять запел Синий Шарик и проговорил скороговоркой: – Он же лопнул, лопнул, как же он стал бы что-то искать?

И залиvisto хохоча, удивляясь людской глупости, полетел вверх, зацепился своей верёвочкой-якорем за люстру. И повис, качаясь.

– Ты опять качаешься и не слушаешь меня. Ладно, я не буду на тебя смотреть. Но скажи мне: вот если ты сам потеряешь свою верёвочку, то будешь себе искать новую?

– Так вот же она, моя верёвочка!

И Синий Шарик, которому надоели глупые люди с их пустыми рассуждениями, кувыркаясь, вывалился в форточку.

– Ты чего такой печальный, а, Самовар? Профессор встал со ступеньки, подошёл к столу и начал делать бутерброд, то есть, мазать хлеб маслом. – Что, не слишком тебе понравилась эта история?

– Я думаю вот о чём: если им не жалко своих друзей, шариков, то, значит, им не жалко и самих себя? Они живут, не зная грусти, не зная страха, может, это счастливая жизнь? Он смеётся, он летает, он полон сил и энергии, а потом раз – и брызги во все стороны. И нет шарика. Но он же есть, он на подлёте, вот его бочок крутится в форточке!

И они посмотрели на форточку. Но там никого не было.

– А что мы? – И Самовар горестно пригорюнился. – Ругаемся, как я с Котом, помним обо всех наших неприятностях, детство своё потерянное ищем, тяжело ведь. Вон, помните, как Кот мою розетку включил под напряжение в 380 вольт, а его потом кипятком ошпарил. А зачем? Смеялись бы себе, свои верёвочки искали... Лепота!

Профессор молча жевал хлеб, смотрел в окно, молчал, потом повёл взглядом по траве, по сосне, высившейся у забора, по колодцу, недавно выкрашенному светлой коричневой краской.

– Верёвочка... Ты знаешь, дружище, в этой верёвочке есть свой смысл. Разве этот дом, в котором мы живём – не наша общая верёвочка? Разве мы не храним, не ценим его, разве не возвращаемся сюда даже тогда, когда жизнь нас забрасывает, чёрт знает куда!

– Меня жизнь как забросила на каминную полку, так я тут и обретаюсь...

– Да не об этом речь, друг мой. Мы действительно не можем без верёвочки, вот в чём суть. У каждого она, правда, может быть разной, но разве эта земля, эта наша территория, этот кусок неба, что мы видим в окно, это не наша верёвочка? Иногда говорят: можно жить и без верёвочки. Но подумай: разве тот же Кот, Ой, бронзовый Мальчик с крылышками, это не наша верёвочка?

– Про Кота – это вы зря. Кот – это не верёвочка, разве что вы упомянули про неё, как синоним хвоста? Кот, если говорить честно, это...

– Кто это упоминает имя моё всеу?

И в комнату вошёл Кот вместе с Ой.

– Да, кстати, мы с Ой наблюдали, как тут пролетал Синий Шарик. И что интересно: он не у вас случайно побывал? Судя по тому, что у Самовара бледный вид и чайная изжога, а Профессор задумчив сверх меры, он повеселил вас не слабо.

Ой подбежала к Самовару и ласково проговорила:

– Не грусти, Самовар, Котик тебя любит, так же, как и все мы!

– Я тебе не Котик! – и Кот сделал страшные глаза, вздыбил шерсть и выпустил когти. Он стал царапать пол, дурачься и, конечно, тут же нарвался на скептическую реплику Самовара:

– Посмотрите на этого тигра в миниатюре. Ещё немного, и он зарычит. Одно интересно: почему его никто не боится, даже мыши? Кстати, Кот, у них сегодня под полом профсоюзное собрание, повестка дня «Роль кота в формировании энергетических ёмкостей мышинных подмышек», тебя приглашали и ждут. С докладом. После доклада банкет и катание на воздушных шариках с обзорением окрестностей. Вместо верёвочек, правда, будут мышинные хвостики.

– Энергетические ёмкости мышинных подмышек... Старая жестяная лоханка, твой юмор на уровне твоих чайных ёмкостей. Но я не обижаюсь, чего обижаться на горшок с водой.

– Пожалуйста, Кот, оставь свою иронию, – взмолилась Ой.

– А кто первый начал? Кстати, мне так и не ответили, был здесь Синий Шарик или нет?

– Был он или нет, не всё ли равно?

– Э-э, нет. Я давно точу на него зуб. При мне он бы здесь вообще не появился. Синий шарик – символ того, против чего все порядочные коты запрограммированы с детства.

– Это что, против блох?

– Вот, все смотрите, кто первый начинает. Да, против блох, но против электрических блох. Ржавых электрических блох.

– Перестаньте ругаться! Лучше расскажи, против чего тебя запрограммировали!

– Все коты запрограммированы против легкомысленности. Обрати внимание, Ой, какой у нас всех сосредоточенный и умный вид. Ты вообще видела легкомысленного кота? А шарики – верх легкомысленности!

– Почему верх легкомысленности, а не низ? Потому, что летают?

– Верх потому, что эта высшая степень легкомысленности, а низ – низшая.

– Это значит, что когда ты сегодня будешь выступать с докладом у мышей, то ты будешь в самом низу легкомысленности, – тут же встрял Самовар. – Впрочем, для мышей верх – это низ и наоборот.

– Я ничего не понимаю! – и Ой сжала ручками голову.

– А что тут непонятного? – И Кот победоносно посмотрел на Ой. – Вот пол, это для нас – низ?

– Да.

– А для мышей – верх?

– Конечно.

– А теперь подумай и скажи: если я действительно пойду выступать с докладом на профсоюзное собрание к мышам, то я пойду вверх или вниз?

– Вниз.

– А для мышей?

– Тоже вниз.

– Нет, вверх.

– Почему?

– Потому что я пойду на трибуну. Но трибуна – верх для мышей, будет низом для Самовара. Вот и вся диалектика.

И Кот, задрвав хвост, победоносно затопал в комнату.

– Чем больше я живу, тем больше понимаю, что ничего не понимаю. Как легко разговаривать с Ёжиком: там всё просто, ясно и понятно. И как тяжело слушать вас, Самовар. Особенно, когда вы спорите с Котом.

– Это мы не спорим, мы разминаемся. И не думай, Ой, что твой Ёжик – это воплощение диалектической невинности. Он такой же путаник, как и Кот. Знаешь, как он недавно рассуждал по поводу яблока на своей спине?

– Нет...

– Он говорил так: если я несу яблоко, то я хозяин этого яблока. Однако если яблоко едет на моей спине, то оно хозяин и спины, и меня самого. И что в итоге?

– Что?

– Яблоко украла сорока, пролетавшая мимо. Прямо с его колючей диалектической спины.

– Я опять ничего не понимаю!

– Ничего удивительного – ведь ты слишком много времени проводишь с Котом! А Кот – это даже не Ёжик!

И все замолчали, осмысливая эту неожиданную максиму.

***

Пока они молчат, выглянем во двор. Если спуститься прямо с крыльца, то через пару метров вы упёрлись бы прямо в колодец. Колодец был настоящий: с грохочущим ведром, водой, пауками, которые жили в колодце до поздней осени, ручкой, цепью, деревянным домиком над колодезным кольцом и настоящим замком, который, правда, не закрывался. Зимой колодец засыпало снегом, Профессор любил чистить дорожки и первую дорожку, которую он торил, была дорожка к колодцу. А сейчас, летом, колодец стоял прямо в траве и блистал свежепокрашенными боками. Колодец покрасил Профессор, но Кот, вечерами приводя в беседку своих друзей, намекал, что покраска не обошлась без него, и показывал в знак доказательства разноцветные пятна на своей шкуре, которые некоторые близорукие сородичи действительно принимали за свежеизмазанные тела. И очень гордились своим товарищем. Ладно, умный кот или кот говорящий. Но кот, который красит колодцы, это вам не шутка!

Да, рядом с колодцем была беседка. В беседке всё интеллектуальное сообщество любило пить чай, а Самовар вообще считал беседку своей вотчиной. Правда, выбирался он туда так же, как Наполеон в Египет: нечасто и с самыми неожиданными последствиями. Скажем, Кот до сих пор любит вспоминать историю, как однажды братия долго любовалась звёздным небом из беседки, а потом все разбрелись спать, забыв про Самовар. И Самовар ночевал в беседке. С ним там тоже случилась история, несколько тягостная по этическим соображениям, поскольку Самовар после этой истории считал должным принять на себя дополнительные обязательства, а вот предмет его молчаливого и иного обожания так не считал, и нравственные разногласия были столь существенны, что история продолжения не имела. Впрочем, мы сейчас не о Самоваре. Разве что добавим: Кот любил потом искусственно удивляться тому, что в траве постоянно шныряют маленькие и бесхозные самоварчики, мешающие

ходить разным благородным животным, вроде него самого. Но это удивление, признаемся, было беспочвенным.

За беседкой был забор, и вдоль забора росли яблони. Там, под одной из них, жил Ёжик, друг Ой, с которым мы ещё познакомимся, попозже, правда. Пока же скажем лишь одно: Ёжик не хотел жить в доме вместе со всеми по соображениям исключительно мировоззренческого характера.

С другой же стороны беседки была канава, страшное место, где пропала бронзовая Девочка с крылышками, и куда бронзовый Мальчик приходил, когда ему было очень плохо. Если идти дальше, то у левого края канавы росла огромная сосна, на которой, как мы знаем, жили маленькие зелёные человечки. Сосна росла прямо над гаражом, где стояла синяя машина Профессора и ещё хранилась всякая всячина. В гараже не жил никто.

Вокруг домика было пустынно. Да, надо сказать, что вокруг людей вообще не было. Вот не было и всё. Домики были, а людей – нет. Собаки, кошки и коты, прочая живность в наличии имела, а вот людей – не было. То есть, люди вообще были, появлялись, об их существовании догадывались, но вот по периметру нашего домика их не было вовсе. Когда присутствующие дебатировали в беседке этот вопрос, то почему-то вспоминали библейские пророчества, дедушку Ноя, Самовар зачем-то вспомнил великих мира сего, которые всегда были одиноки, Кот – свою родню, которая жила сама по себе, но, надо сказать, такого рода объяснения никого не удовлетворяли, впрочем, и одиночество никого не тяготило. Более того, как когда-то важно заметил пролетающий мимо Оранжевый Шарик, суть в том, что все они, собравшиеся здесь, ищут своё детство, это объединило их и свело в одну кампанию. А остальные, как получается, его, это детство уже имеют и могут заниматься иными разнообразными делами, полезными для общества, а также окружающей флоры и такой же фауны.

Домик и территория вокруг него были обнесены деревянным заборчиком. Заборчик был крашеным и тоже в зелёный цвет. С той стороны, где была улица, проезжая, так сказать, часть, росли зелёные ёлки, их было двенадцать штук. Как сказала Ой, по числу апостолов и, как тут же добавил известный скептик Самовар, первых самоваров тоже было склёпано двенадцать. Тему подхватил Кот, заявивший, что первые двенадцать котов тоже занесены в кошачьи святцы и тот факт, что коты не христиане, а циники, связан с халдейской традицией, которая, как известно, древнее христианской. «Мы – халдеи», – гордо вещал Кот, сидя на зелёном заборе и обозревая окрестности. На что грамотный бронзовый Мальчик с крылышками, тогда весёлый, заметил другу, что халдеи никак не могут быть циниками, поскольку эта древнегреческая философская школа не оставила никакого упоминания о котах, животных, конечно,

священных. На что ему было сказано, что Вавилон, переполненный халдеями, был основан при помощи котов, более того, как Рим спасли гуси, так и Ассирию спасли коты. На вопрос, как именно это случилось и где, было отвечено, что в школе мифологию надо было учить. Которая, на самом деле, не мифология, а чистая правда. Бронзовая Девочка с крылышками громко смеялась и сказала, что тоже готова стать халдеем, если Кот позволит ей примоститься с ним рядом на заборе. Тут вмешался и Самовар, ядовито заметивший, что никакой кот не халдей, он, скорее Сиам, что, как известно, произошло от горы Сион, где тоже водились разные четвероногие создания, вроде котов. Да, тогда всем было весело...

Забор, правда, не со всех сторон был зелёный и деревянный. Со стороны канавы, прямо за сосной Профессор выстроил высокий бетонный забор, который выкрасили уже в светло-коричневый цвет. За этот забор старались не заходить, там веяло печалью, и лишь бронзовый Мальчик с крылышками иногда тосковал прямо на берегу водоёма.

Да, была ещё одна особенность этого дома и этой территории, которой очень гордились его обитатели. Справа от сосны, ближе к бетонному забору, был выкопан маленький пруд, а в этом пруду жила настоящая рыба. Правда, назвать словом «рыба» одинокого толстого карася, жующего свою вечную водяную соломинку и лениво подплывающего к поверхности в поисках зазевавшегося комара, было бы преувеличением. Однако факт: когда нечастым гостям (например, воздушным шарикам) показывали дом и его окрестности, обычно пользовались именно этим словом. Во всяком случае, Кот любил гордо указывать лапой на пруд и говорить, что, дескать, перед нами элементы их собственной продовольственной программы, то есть, рыба, правда, пока в одном экземпляре. И доказывал, почему в одном. Логика была такой: чёрный день один? Один. Вот и карась один. Когда чёрных дней станет много, тогда и карасей прибавится.

Мало кто знал, что пруд служил ещё одной цели, мистической несколько, по своему характеру. Дело в том, что обитатели домика поверяли карасю свои сокровенные тайны. Если бы эта рыба могла говорить, излагать свои мысли на бумаге, а не пускать пузыри, то написала бы, наверное, не одну «Исповедь конформиста». Причём понятно, когда грустить и рассказывать о своих чувствах приходил к пруду бронзовый Мальчик с крылышками. Понятно, когда приходила Ой: что ж, романтическая девочка, первые чувства, розовые бантики, сердечный друг Ёжик. Но Самовар, но Кот, но, прости господи, сам Профессор! Да, получи карась волшебную силу, многим пришлось бы пересмотреть свои позиции, причём не только мировоззренческие. Но карась был благодарно нем, а потому неясные в темноте образы часто появлялись у его берегов. Тут ведь вся проблема вовсе не в том, что у тебя есть тайна – у кого её нет! Вся

проблема в том, как её, тайну удержать в себе тогда, когда уже все держалки кончились, выработаны, словом. Вот здесь карась и нашёл себя, принимая страждущих душой вроде оптинских старцев. А что, у тех келья, у него пруд – какая разница? Главное ведь в ином – дать душевное успокоение, а тут и карась, и старцы были едины в своей молчаливой мудрости.

Стоит ещё упомянуть о том, что в уголке двора Профессор соорудил себе место для костра, кострище, капище языческое, которое не нравилось ни Коту, ни Самовару и к которому довольно равнодушно относились и Ой, и Мальчик с Девочкой. А вот Профессор костёр любил. Именно костёр. То есть, огонь разжигался ради самого огня, а не потому, что это было почему-то и кому-то надо. У Профессора даже была специальная скамеечка, на которой он сидел перед огнём, бездумно пялясь на него. Так он мог сидеть перед огнём часами, вызывая негодование Кота, который шипел, забравшись на дерево, что за это время можно было и ужин приготовить, и за сметаной съездить и, на крайний случай, статью какую-нибудь написать. Но Профессор его не слышал, потому что Кот шипел как раз так, чтобы его никто не слышал: уважал, значит, главу дома.

Когда Профессор разжигал костёр и застывал перед ним, задумчиво скрючившись, кто-то мог бы подумать, что он думает о тайнах мироздания, о каких-то очень важных и необходимых для флоры и фауны вещах. А суть заключалась в том, что он «заводил» костёр только с одной целью: не думать вообще. Как же это прекрасно: не думать! Это как раз то состояние, когда мозг остывает и лишь дымится, слегка обдавая окружающих дымком – он остывает так, как остывает доменная печь, щедро делясь жаром с окружающим миром. Врут ведь, врут специалисты, когда говорят, что чем больше трудится мозг, тем для него лучше. Если бы так! На деле мозг Профессора, измученный вечным самоистязанием, желал лишь одного: покоя. И находил такую возможность редко, скажем, у костра, так как огонь, одна из первопричин мира, вечная стихия, позволял уйти от мыслей, оставив их на потом, на тот случай, когда противиться им будет уже невозможно. Мысль боится огня, потому что сама – огонь.

Пожалуй, нам осталось рассказать разве что о самом домике. Поскольку строился он долго, то конфигурации был самой причудливой. В самом начале, а когда, толком уже никто не помнил, он состоял из двух комнат внизу и одной наверху. Потом появился коридор или «пенал», как его называли обитатели, разделённый на две части. А уже в конце великого строительства пристроили ещё две комнаты внизу и одну наверху. Не было здесь, правда, башенок и шпилей, а Профессор мечтал построить башню на одном из углов домика, но пока не сложилось. А вот всяких комнаток, закутков было много. Так что все обитатели домика имели персональные уголки. Самовар жил в каминной, внизу. Там же,

только в пенале, обитал Кот. Профессор обитал вверху, в новой комнате. А в старой, тоже наверху, жил Мальчик с крылышками. «Девичьей» – как её иронично называл скептик Самовар – была большая комната внизу, но жила там пока по известным причинам только Ой.

Надо, наверное, сказать несколько слов, про башенку, ту, которой пока не было. Хотя бы потому сказать, что Профессор желал её построить, во что бы то ни стало, и когда мы встретимся в следующий раз, то, полагаю, мне не придётся рассказывать вам про желательность новых построек. Так вот, такую башенку глава дома увидел на картинке в одной умной книжке. Там рассказывалось, что один учёный, кстати, психолог, построил сам, своими руками башню из кирпича. И любил работать в ней, наверху, попутно обозревая окрестности. Чем-то он, этот учёный, а был это, признаюсь, Карл-Густав Юнг, напоминал известного французского мыслителя Мишеля Монтеня, который тоже сидел в своей родовой башне и изо всех сил боролся с мочекаменной болезнью, записывая свои переживания в толстую тетрадь. Не победил, помер, а вот тетрадь осталась. Монтеня очень любил цитировать Кот, особенно ту фразу, где говорится о равенстве животных и людей. Нравоучительно помахивая хвостом, он любил напоминать Самовару эту фразу: «Когда ты играешь с котом, не забывай, что, возможно, это кот играет с тобой». И добавлял: почему-то Монтень по отношению к самоварам не облагодетельствовал нас похожей фразой. Скажем, когда ты пьёшь чай из самовара, то, возможно, это самовар пьёт чай из тебя. Глупо? Конечно, глупо. Самовар в ответ молчал – что взять с Кота! – а тот начинал рассуждать о том, как он будет выглядеть на башне на фоне заката. Или рассвета. Как бы то ни было, но получалось, что выглядеть он будет в любом случае очень хорошо. Скажем, солнце, небо, башенки, здесь же стройное и благородное существо, блестящая шерсть дыбом и морда, чем-то неуловимо напоминающая в профиль юного Спинозу. Кот мог утверждать это смело, потому что профиль Спинозы не сохранился.

Дом заселялся постепенно. В начале там поселился и обустроивался не один год Профессор. Потом к дому прибился Кот и тут же был принесен со свалки металлолома Самовар. Так, втроём, они жили долго, до тех пор, пока Кот, чаёвничающий в беседке, как-то не вскричал, показывая на ворота: «Смотрите, друзья, ангелы прилетели!». Ну, это были не ангелы, это были бронзовые Мальчик с Девочкой, правда, с крылышками за спиной. И не прилетели они вовсе, а пришли. Выглядели они тогда, признаемся, неважно: и бронза потускнела, и крылья висели, вроде хвоста у Кота в дождь, и смеха не было слышно. Но потом дело поправилось, правда, опять ненадолго, до пропажи Девочки. Ну, а последней появилась Ой. История её появления – отдельная сказка.

***

Дело было так. Кот сидел в беседке и бурчал:

– У меня депрессия, а мыши – сволочи.

– Интересно, какая это связь существует между депрессией столь благородного животного, каким является кот и существованием столь презренных существей, какими являются мыши?

Это, как вы понимаете, Самовар, который привычно стоял на столе, растопырившись на белой скатерти.

– Если бы ты был способен это понять, ты бы был котом, а не самоваром. Но, снисходя к твоей самоварной сущности, я всё же попробую объяснить.

– Ну-ну...

– Следи за моей мыслью, ведро. – И Кот, полулёжа на скамейке, изящно отбросил хвост, в сторону. – Обычный кот рассматривает мышей либо с точки зрения гастрономических интересов, либо как предмет для игры. Своего рода, мяч. Но это кот обычный, не отягощённый разумом. Совсем иное дело я! Я рассматриваю мышь, прежде всего, с точки зрения антагонизма двух миров, мира подземного, мышиноного, где царит мрак и невежество и мира, напоенного воздухом, мира разума, солнца и синего неба. Но мыши, которых я вчера встретил на чердаке, меня удивили: они вылезли на нашу крышу и грелись на солнце, тем самым, заставив меня усомниться в этом антагонизме.

– Они попросили у тебя денег?

– Хуже! Он предложили мне устроиться рядом и греться на солнце вместе! Ты можешь представить себе такую картину? Я – и мыши, причём мы вместе загораем на солнце! Сплошной сюрреализм, словом, Сальвадор Дали отдыхает.

– И что ты решил?

– Ну, что... Я, как известно, гуманист по своей сути, поэтому ограничился тем, что согнал их вниз и законопатил все дырки: я не могу позволить, чтобы антагонизм двух миров был нарушен.

– Ты – и конопатил? Не смеши меня, шерстяной мешок.

– Если быть до конца честным, то конопатил Профессор, которому я намекнул, что дом может разрушиться от разных оползней, но суть дела это не меняет. У меня по поводу случившегося депрессия, а мыши – сволочи.

В огороде кто-то засмеялся. Смеялась бронзовая Девочка с крылышками, которая сажала цветы. Она смеялась и приговаривала:

– Нет, мы не будем называть этот цветок Депрессией, мы вообще не знаем, что такое депрессия. Мы лучше полечим нашего котика травками,

чтобы его не обижали мышки, чтобы у него шерстка была блестящей и густой.

– Я вас попрошу! Котик – это из сопливого детства, которого у меня никогда не было. Это – прошлое, а я нахожусь в настоящем и я Кот. Почему бы тебе, не называть меня Котищем. Или Котом Котовичем. Почему вас всегда тянет на уменьшительно-ласкательные суффиксы? Почему вот никто не называет Самовар самоварчиком, но как только появляюсь я, все распускают слюни и тянутся меня погладить. Как будто это доставляет мне удовольствие!

Но никто не слушал его возмущённый спич. Самовар задумчиво смотрел вдаль и думал о чём-то своём, а Девочка продолжала напевать и что-то приговаривать цветам. Неслышно текли минуты. Было тепло, тихо, лишь вдали бултыхался сонный карась, и разговоры как-то сами собой смолкли. Депрессия не помешала Коту смежить веки и мерно заурчать, Девочка, закончив работу, ушла в дом, Самовар, как лошадь, дремал стоя. Словом, лето, зной, тишина, покой.

И именно в это время вдалеке, возле ворот раздался не то писк, не то тоненький плач, не то кто-то неожиданно начал играть на маленьком, но звонком инструменте. Первым вышел из ступора Кот: он оттопырил одно ухо, не поднимая башки с лап, потом застриг вторым, затем открыл один глаз и, понятное дело, второй. Подождал минуту, подобрался, мягко спрыгнул на пол и потрусил к воротам.

– Сторожевой кот... – одобрительно буркнул ему вслед сонный Самовар, даже не пошевелившись. – Я горжусь тобой, дружище!

Но Кот не слышал голоса друга. Подняв голову, пригнувшись и на секунду останавливаясь, чтобы опасно оглядеться, он пересёк травяную поляну, свернул за угол дома и мелкой рысью подбежал к воротам. Прямо у металлической решётки, дружелюбно дыша, лежал огромный жёлтый пёс, вывалив розовый язык прямо в пыль. Никого, кто мог бы издавать тонкий писк или играть на маленьком инструменте, вблизи не было. Кот присел и стал смотреть в сторону. Пёс всё так же тяжело дышал и так же дружелюбно осматривался вокруг себя. Молчание затянулось. Собственно, молчанием это назвать было трудно, поскольку шёл напряжённый диалог, неслышимый окружающим. Говорящий Кот, конечно, мог бы подать голос, более того, удивить собрата по животному миру знанием таких вещей, которые в котах не предполагались. Однако всё ограничилось общением на уровне первой сигнальной системы. Выглядело это, примерно, так, как выглядят дипломатические переговоры на Востоке, обременённые цветистыми метафорами, двусмысленностями и многочисленными отступлениями от главной темы и оговорками:

– Что привело к нам, уважаемый брат?

– Да так, пробежал мимо и думаю, как не поздороваться, не поприветствовать, так сказать. Мы, кстати, раньше не встречались?

Кот подозрительно мазнул взглядом по бесформенной фигуре, валяющейся в пыли и отрицательно покачал башкой.

– Да... Впрочем, я, может быть, ошибся адресом? Это ведь дом Профессора?

– Да, вы не ошиблись.

– Тогда позвольте вручить вам посылку, причем, даже не посылку, а так, кулёк.

И пёс поднялся, а за ним обнаружился действительно то ли кулёк, то ли корзинка и как раз в этой корзинке что-то пискнуло.

– Надо расписаться в получении? Пойду за очками.

И Кот действительно повернул к дому.

– Не надо расписываться, мы вам верим, как себе.

И пёс, казалось, улыбнулся. Впрочем, не часто можно увидеть улыбающегося пса.

– Ну, как же без очков? Да я и не пойму, что вы там нам подсовываете? Может, вы террорист, какой?

– Я и террорист? Вы посмотрите на меня в профиль.

И собака не торопясь, повернулась боком, обнаружив профиль, действительно дружелюбный.

– Это ничего не значит. Вон, у меня друг рядом, с виду тоже добрый, а разберёшься – огонь, кипятик!

– Послушайте, – заворчал пёс, на глазах теряющий терпение и достоинство.

– Я же вам собачьим языком говорю, что нигде расписываться не надо. Возьмите причитающийся вам кулёк.

– Подождите, здесь надо разобраться. Мы ведь кулёк не заказывали? Нет. Вы принесли что-то непонятное и предлагаете вот так, не разобравшись, внести это что-то в дом?

Собака поднялась во весь рост и клацнула зубами. Но Кот не испугался.

– Ай-яй-яй, никак вы нас пугать вздумали. Прямо Змей Горыныч. Сейчас свистну Самовар, мало не покажется.

И Кот действительно надул щёки, как будто собирался свистнуть.

– Боже, как я устала, – вымолвила собака, вновь ложась в пыль, – а ведь меня предупреждали о возможности такой встречи. Значит, так: я оставляю здесь то, что принесла, сами разберётесь.

– Кулёк забирайте, слышите, вы!

Но голос Кота прозвучал одиноко и даже как-то испуганно. Потому что собака уже трусила за поворотом, а кулёк лежал в пыли так, как лежала здесь сама пыль: расслабленно и равнодушно.

Кот подождал, затем осторожно приоткрыл лапой ворота и вышел на дорогу. Подошёл к кульку, понюхал и тут же отпрыгнул, подняв шерсть дыбом. Тут не то, что Кот, кто хочешь бы, испугался, потому что из кулька раздался писк:

– Выпустите меня отсюда!

– Ты кто и почему кричишь?

– Вы выпустите меня или нет?

– Хм, надо подумать. А ты не страшный? Не кусаешься?

Вместо ответа из кулька раздался плач, причём плакала, судя по голосу, очень маленькая девочка.

– Да, раньше подбрасывали младенцев, а теперь уже вполне взрослых особей, – задумчиво проговорил Кот и, подойдя, потянул зубами за верёвочку, которой был перевязан пакет. Бумага зашелестела и на дорогу после недолгой возни выпрыгнула девочка, маленькая девочка с заплаканными глазами.

– Может, ты Дюймовочка? – спросил Кот, присев и рассматривая со всех сторон нежданную гостью, – нам как-то рассказывали сказку про Дюймовочку. Мне, кстати, не понравилось: не люблю ни жаб, ни кротов.

– Я не Дюймовочка, я вообще не знаю, как меня зовут. И откуда появилась, тоже не знаю.

– О, вы явно попали по адресу. Жёлтый пёс был прав. Тут все такие. Интересно, кого он принесёт следующего? Между прочим, я пришёл сам. Кстати, нам не обойтись без Самовара, он большой любитель разгадывать шарады такого рода. Кроме того, он гуманнее меня, поскольку присутствие на свалке металлолома смягчило его характер до состояния слезливости. Ладно, пошли разбираться. Не сидеть же нам здесь в пыли.

И они пошли к дому. По дороге Кот размышлял вслух о коварстве собачьего характера и приводил в пример себя, особу, как известно, справедливую, честную и никогда не прибегающую к приёмам, подобным тем, который мы наблюдали только что.

Они пришли к крыльцу и остановились: возле него уже выстроились все обитатели дома во главе с Профессором. Началось дружелюбное рассматривание, обнюхивание и переглядывание. Первой не выдержала Девочка. Она шагнула вперёд, присела и звонко сказала:

– А мы уже всё про тебя знаем! Пошли в дом, я покажу тебе, где ты будешь жить!

И они пошли в дом.

– Интересно, – пробормотал им вслед Самовар, – всего про себя не знает никто. А тут – всё знаю! Откуда у молодёжи такая самоуверенность?

– Меня интересует другое, – задумчиво протянул Кот. – Наш дом не резиновый и если всякие жёлтые собаки будут по поводу и без повода пробегать мимо и таскать кульки...

– Как тебе не стыдно, – закричал Мальчик, – ведь ей же просто некуда пойти и она не знает о себе ничего, так же, как все мы!

– Ты меня не дослушал, мой бронзовый друг. Я имел в виду, что нам нужен архитектор, и пора думать о пристройке. Комнаты кончаются, и это меня пугает.

– Пусть тебя это не пугает, – заметил Профессор. – Как только комнаты понадобятся, они и появятся.

– Интересная философия. Если это так, то если понадобится сметана, то она появится? Точно так же – со всем остальным?

– В том-то и дело. Если кто-то не нужен, он и не появляется. Ты появился на свет, значит, ты очень, нужен. Простая, к слову, философия. И не оригинальная.

Кот попробовал возражать:

– А кому нужно всё то, что приносит беду, зло, неприятности всякие? Вот вчера меня покусала какая-то муха, и я могу понять, что мухе это надо. Но зачем это надо мне? Тем более, – и голос Кота обидчиво дрогнул, – во время укуса я почувствовал невероятные страдания, которые не дают мне наслаждаться жизнью до сих пор.

– Несмотря на то, что всё это враньё про муху не стоит и выеденного яйца, поскольку никто его не кусал, – задумался Самовар, – в этом вопросе есть какая-то безнадёжная правда.

– Как не кусал? Смотри! – И Кот ткнул лапой наугад в густой подшерсток. Но настаивать на ране не стал.

– Вот почему именно я оказался никому не нужен, и меня забросили на свалку металлолома? Почему эта маленькая девочка никому не нужна и какой-то безродный пёс таскает её в кульке по песочным дорогам? Этих «почему» так много, что я готов согласиться с нашим дорогим враном.

Кот надулся и сделал страшные глаза, а Профессор мгновенно ответил:

– Самый простой ответ заключается в том, что и это кому-то надо. В мире существует некая жёсткая правда, может, безнадёжная, может, горькая, но суть её в том, что она – именно правда.

– Профессор, но почему «некая» правда», почему она нужна «кому-то», а не конкретному адресату? Вот я думаю, – взволнованно стал говорить бронзовый Мальчик, – что всё очень ясно и понятно. Если хотите, пока девочки устраиваются, я расскажу вам сказку, про правду. Суть её в том...

– Что Гераклит был прав? – улыбнулся Профессор.

– Да, Гераклит был прав. Как вы помните, этот древнегреческий мудрец рассказывал историю про лысого старика, который в жаркий день идёт по пустыне...

– Послушаем, послушаем, – сказал Кот и лёг прямо у крыльца. Профессор присел здесь же, а Самовару и садиться не надо было, и потому он лишь для вида подогнул свой треножник.

***

– По жаркой пустыне шёл лысый старик и вдруг ему на череп упала черепаха, – продолжал Мальчик. – Ну, тут и череп вдребезги...

– Ай-яй-яй... – стал горестно сокрушаться Кот.

– ... и черепаха вдребезги. А Гераклит задаётся вопросом: черепаха упала на череп дедушке закономерно или случайно? Конечно, никому из нас никогда черепаха с неба на голову не падала. И потому каждый здравомыслящий субъект скажет: перед нами случайность, случайность в чистом виде.

– Хотел бы заметить, – встрял опять Кот, – что на нас сегодня, ни с того ни с сего, «упала» маленькая девочка, вот только случайностью это никак не назовёшь.

И он многозначительно поднял вверх мохнатую лапу. Но Мальчик не слушал его, продолжая рассказ:

– Всем известно продолжение истории Гераклита: орёл любит лакомиться черепашьим мясом, но не может разбить клювом их панцирь. А потому он поднимается с черепахой в когтях высоко в небо, ищет внизу камень, который блестит на солнце и, приняв лысину дедушки за такой камень, он и запустил в неё черепахой.

Он помолчал, опустив голову, и продолжил:

– Так вот, правда заключается в том, что она всегда конкретна и, если мы сейчас эту правду не знаем, то исключительно потому, что наш разум не всемогущ, а мистические откровения доступны далеко не каждому.

– М-м-м... – замычал, как от зубной боли, Самовар.

– А теперь, собственно, к сказке, – жизнерадостно продолжил Мальчик. – Давным-давно в одной богом забытой стране жил человек по имени Ня. Ну, имя, конечно, звучит диковато, но что, если его так называли? Был Ня сутул, ходил в белой рубахе, жил на опушке леса и была у него одна странность: он любил разговаривать с деревьями. Подойдёт, скажем, к дубу и говорит ему что-то, говорит, пока дуб не устанет его слушать и не осыплет дождём из желудей. Тогда идёт Ня к рябине и втолковывает ей что-то, втолковывает до тех пор, пока рябина не устанет его слушать и не осыплет своими гроздьями. Конечно, если они есть. А Ня соберёт жёлуди, рябиновые гроздья, принесёт домой и идёт себе пахать и сеять. Заниматься, то есть, привычным крестьянским трудом. Уже и жена Ня, и его дети привыкли и поняли: раз отец ушёл в лес, то будет разговаривать с

деревьями, а в итоге приволочёт дары леса, будь то каштаны, шишки, а то и просто листья.

И вот однажды пришёл Ня в лес, подошёл к дереву, и стал с ним разговаривать.

– Вот ты растёшь, – глубокомысленно изрёк он, – а почему ты растёшь? И зачем ты растёшь? Выросло ты, допустим, а потом пришёл дровосек и порубал тебя на дрова. И печь тобой затопил. Выходит, ты растёшь лишь затем, чтобы дымом вылететь в трубу? Один дым, а, сколько понтов – и листья, и ствол, и ветви, и плоды...

Дерево молчало, лишь шумело листьями, гнуло ветви на ветру, а Ня сел на траву, привалился спиной к стволу и стал рассуждать дальше:

– Хотя, если разобраться, моя жизнь похожа на твою. Живу, работаю, а потом закопают меня или сожгут и в остатке всё то же: или дыма клочок, или компоста куча. Вот и думаю я, в чём она, правда?

Так как дерево продолжало молчать, Ня стал вздыхать и прилёг на траву, рассеянно глядя по сторонам.

– Вот ты думаешь, что я с тобой, как с деревом разговариваю? Нет, я с тобой как с живым существом говорю. А почему? Потому что все мы живые, и кто-то же должен знать правду, зачем вот это всё на белом свете? Может, спилить мне тебя, пустить на дрова и не думать вообще обо всём этом? Хотя – и Ня задумчиво обвёл взглядом лес, – всех вас ведь не спилишь. Много вас, однако.

Лежал так Ня на траве, лежал, да и заснул. И снится ему сон. Лежит он на траве, а вокруг его стоят деревья, много деревьев. Окружили они его, ветвями, листьями небо закрыли, так, что, получается – лежит он в каком-то зелёном колодце, как в яме и страшно ему, и как-то приятно, что ли. И слышит он голос, а, может, шёпот, шепчет кто-то из деревьев или все деревья сразу:

– А что, может, расскажем мы Ня страшную тайну про правду? Он разговаривает с нами, он нас жалеет, а то, что глупый, что ничего не понимает, так разве он такой один?

И стали деревья советовать, рассказать ему про правду или нет. А Ня лежит себе, спит и кажется ему, что ничего более приятного в своей жизни он никогда не испытывал. То есть, вот сейчас, через секунду, минуту он узнает тайну, которую ему поведают деревья, и никто из людей этой тайны не будет знать, а он, Ня, будет. А то, что тайну эту деревья называют страшной, то ведь это для деревьев она страшная, а для него, Ня, всё нипочём. Видал он виды.

И тут он слышит шёпот или шелестение листьев, кто его знает:

– Послушай, Ня...

– Слушаю, слушаю... – не открывая глаз, шептал в ответ счастливый Ня.

– Мы можем рассказать тебе то, чего не знает никто из людей. Но, узнав эту страшную тайну про правду, ты перестанешь быть человеком, ты станешь деревом и будешь одним из нас. Готов ли ты к этому?

– А каким деревом я стану?

Удивились деревья этому вопросу: не всё ли равно, рассуждали они, каким деревом ты станешь, если случится главное, твоё перерождение в дерево. Но посоветовались между собой и прошептали Ня:

– Ты станешь мохнатой елью, и будешь расти на углу того дома, который ты сам построил. Скрипящая калитка, жёлтый домик, заборчик деревянный, покрашенный зелёным цветом, помидоры у колодца и крыльцо за углом... Помнишь? А перед углом будешь расти ты и твоя жена будет всё время ругаться, что под этой долбанной елью ничего толком не растёт. И будет удивляться, откуда она здесь вообще взялась.

Тут как будто какое-то смутное облачко пролетело в голове у Ня. Как же так, мелькнула мысль, ель будет, жена будет, а его, Ня, не будет? Но, правда, правда – как же не узнать, что такое, правда? Вздохнул он про себя и промолвил во сне: согласен, дескать, готов стать мохнатой елью с тяжёлыми лапами.

И тогда склонились деревья ещё ниже, так что почувствовал Ня запах хвои, да ещё пряного лиственного леса, вздохнул счастливо, а выдохнуть не успел: резко распрямились деревья, и обнаружил себя Ня где-то высоко-высоко, как будто он был на верхушке самого высокого из деревьев. И увидел Ня над собой солнце, синее небо, почувствовал обжигающее дыхание ветра на своём лице, выше птиц был Ня, выше людей, выше земли, выше своего дома и своих детей. «Но где же, правда?» – успел подумать он. И тут перевернулся он в воздухе, полетел вниз, ударился оземь и превратился в дерево. И услышал всё тот же, правда, затихающий шёпот:

– Правда, в том, Ня, что ты стал деревом. А что может быть лучше дерева? Только другое дерево. Тебе повезло, ты узнал эту правду и всю оставшуюся жизнь будешь самым счастливым существом в мире. Ты будешь деревом!

И посмотрел Ня на свои руки и увидел, что это хвойные лапы. И посмотрел он на свои ноги и увидел, что это узловатый ствол. И посмотрел Ня на свою грудь и увидел, что это заросшие мхом ветви. И закричал Ня, и забился Ня, что, дескать, его неправильно поняли, и вовсе не такой правды он хотел. И так страшно он кричал, что проснулся, вскочил с травы, посмотрел на свои ноги и руки дикими глазами и бросился бежать прочь от дерева. И так быстро он бежал, что не помнил, как и до дома добежал. Вот и калитка знакомая, вот и заборчик зелёненький, вот и домик, выкрашенный в жёлтый цвет. А ели на углу нет, как и не было. А вот жена была. Она и крикнула Ня, где это он шатался, а если шатался по лесу, то

почему ж не принёс желудей и шишек? И улыбнулся счастливо Ня, и что-то невнятное ответил жене, и пошёл заниматься своим нелёгким крестьянским трудом и перестал думать о том, что такое, правда. А то ведь, если продолжать думать, чёрт знает, кем можешь оказаться!

Бронзовый Мальчик с крылышками закончил свой рассказ, взял рядом лежащее яблоко и с хрустом откусил кусочек, Пожевал, пожевал и проговорил, как бы про себя:

– Тут ведь вопрос весь в том, что у деревьев была своя правда, и они были правы в этой своей правде.

– Да, – вздохнул Кот, – как ни крути, а мысль замечательная: и у дерева своя, правда, и у черепахи, и у лысого дедушки. Слушай, Мальчик, а у колодца есть своя правда?

И все посмотрели на колодец, блестящий всеми своими светло-коричневыми боками.

– Конечно, – проговорил бронзовый Мальчик, и эта, правда – в воде.

– Пойдите, пойдите, – встрепенулся Самовар, – тогда должна быть и самоварная, правда!

– Кто ж мешает, кто ж против? – великодушно развёл лапами Кот. – И у травы, и у неба, и у солнца, даже у сметаны есть своя правда. И эта сметанная правда заключается в том, что я, её сейчас съем.

С этими словами он запрыгал по ступенькам крыльца и скрылся в доме.

– И всё-таки есть какое-то чувство неудовлетворённости от этой вашей правды, – грустно констатировал Самовар. – Нет, я согласен, что самоварная правда и правда, скажем, этого субъекта, который сейчас пожирает сметану, это всё же две разные правды и иными они быть не могут. В одну телегу впрячь не можно кота и... гм... меня... Но вот чувство неудовлетворённости остаётся.

– А знаешь, откуда оно? – Профессор встал и стал прохаживаться по тропинке перед колодцем. – Оно оттого, что все мы разные. Но живём вместе. Разные, но вместе. И потому у нас всегда будет какой-то дежурный перечень правд, которыми мы будем пользоваться.

– И всё равно, – засипел Самовар, – воля ваша, но неправильно всё это. Ведь как было бы просто, если бы была одна правда и на всех. И мы все ею бы пользовались.

– А скучно бы не стало? – усмехнулся Профессор.

– А что весёлого в этом вашем дежурном перечне правд? Извините... Но это в столовой, в ресторане хорошо, когда выбираешь между котлетой «дуслик» и биточками «Неволяй». А, попробуй, выбери, чья, правда, правдивее, моя или, скажем, господина Кота?

– Дождался я, наконец, справедливого к себе отношения! – С крыльца сползал довольный Кот, облизывающий усы. – Как же приятно

слышать такое обращение, «Господин Кот». Так и быть, я тебя тоже буду называть «господин Самовар». А что касается существа вопроса, то господин Профессор прав, а вот ты, дружище, заблуждаешься. Впрочем, чего ждать от самоварного мышления...

Но спор не имел продолжения и как-то незаметно утих, в этот же момент все заметили, что день стал клониться к закату. Резкие тени обозначили дом, ножки у скамейки, стоящей у забора, стали длинными и косыми, ушёл зной, и нагретая за день земля стала на глазах остывать. Из дома доносились звонкие голоса девчонок, судя по всему, накрывающими на стол, кто-то включил радио, и местная музыкальная фольклорная группа очень громкими голосами стала кричать про то, что лучше родной земли нет ничего на этом свете. Кот, слушая, скривился, Самовар задумался, Профессор тяжело вздохнул и пошёл к гаражу.

Песня закончилась. Кот встал и побрёл к пруду. Подошёл к небольшому бетонному парапету, сел и стал смотреть в воду так, как это умеют делать только коты: зачарованно, сомнабулически, не моргая и не шевеля головой.

Здесь не выдержал подозрительный Самовар:

– Ты чего туда пялишься, не всех наших рыб ещё сожрал?

Кот на секунду повернул к нему голову, глянул сонно на мир ничего не говорящими глазами и опять устался в воду.

Здесь засмеялся Мальчик:

– Он нашего карася гипнотизирует. Ждёт, когда тот выпрыгнет ему прямо на траву. Кстати, никогда не слышал сказку, про карася. А ведь у карасей, наверное, свой мир, свои принцессы, свои чудовища, своя живая и мёртвая вода, да и, в конце-концов, нечестно рассказывать про что угодно, только не про карасей.

Но никто и ничего ему не ответил.

***

А в это время, в глубине пруда карась неотрывно смотрел вверх и видел сонную морду кота, почти, что полощущего усы в воде и явно любующегося собой в её зеркальном отражении. Карась смотрел на Кота и восхищался им. Так, наверное, д-Артаньян, попавший в Париж, восхищался ростом и красотой Портоса, смелостью и удалью иных мушкетёров. «Если кто-то и достоин, съесть меня, – думал Карась, всё также глядя вверх, – то это только Кот». Пожалуй, стоит согласиться с нашим новым персонажем: когда тебя в жареном или печёном виде глодает такой усатый красавец, то это возвышает и тебя самого. От уровня, скажем, примитивной котлеты до самого ростбифа. Но если в тебе начал ковыряться, например, Профессор, то всем понятно: удовольствия от этого

не получит никто. Ни тот, кто ест, ни тот, кого ковыряют специально заточенной вилкой. Вы скажете: а что, красота влияет на характер вкусовых качеств, на аппетит, так сказать и усвояемость поглощённых калорий? Ещё как влияет, ещё как. Во всяком случае, наш Карась хотел, чтобы его съел красивый Кот, а не потрёпанный жизнью Профессор. Но вот закавыка: не было никаких оснований полагать, что это произойдёт именно сейчас, именно в данный момент. Во всяком случае, наш друг желал быть съеденным абстрактно, вообще, съеденным как принцип, но никак не как факт. А потому он просто еле заметно шевелил плавниками и смотрел на Кота глазами, в которых какой-нибудь сородич, скажем, карп или сазан прочитал бы подлинную влюблённость.

Ну, ладно про глаза и влюблённость. Дело в том, что наш карась был карасём-пустынником, карасём-анахоретом, карасём-эгоистом, карасём-одиночкой. Поэтому слово «любовь» у него ассоциировалось с чувством, направленным на себя самого. Только не надо думать, что это был его сознательный выбор. Просто так распорядилась жизнь, а он, рядовой её величества жизни, был простым исполнителем, не рассуждающим бойцом. Конечно, по орбите его чувств иногда проносились метеоры заоблачных, точнее, надводных персонажей, как это было, например, сейчас. Но Карась любовался на Кота так, как человек любит на звезду: красиво, но холодно и не достанешь. Такая любовь, конечно, возвышает, но дети от неё не появляются.

Время шло, Кот-звезда сидел, всё так же таращась в воду, Карась всё так же сонно шевелил плавниками, не сводя глаз с красавца, было очень тихо, и вечер вступал в свои права. На воду упал последний, солнечный луч, он лёг плашмя и растёкся по воде, окрашивая её в розовый цвет. Водяной жук, не скрывая восторга, упал прямо на красную солнечную дорожку, перевернулся на спину и задрыгал ножками. Кот посмотрел на его сизое брюхо, горящее в солнечном луче, и осторожно протянул подрагивающую лапу, чтобы коснуться жука. Но жуку не понравился этот жест. Он нырнул прямо спиной в глубину и очутился возле Карася, выкатившего один глаз прямо на жука. Они посмотрели друг на друга и разлетелись. Жук забился в бетонную щель и спрятался, а Карась отплыл чуть в сторону и привычно посмотрел вверх: но Кота уже не было.

Карась задумался. Вы спросите: о чём можно думать в маленьком водоёме, по соседству с водяным жуком, травой да мусором, летящим сверху? Так уж получилось, что нашу рыбу именно сейчас посетили мысли о смысле жизни. Он рассуждал о бессмысленности существования миллионов существ, не знающих подлинного счастья. «Вот Кот, – воскресил он образ усатого красавца, – всем хорош и всё при нём. Но счастлив ли он? Конечно, нет. Разве можно быть счастливым, не зная вкус утренней травки и червячка, не ощущая упругой силы воды, не видя

переливания стихий, воздушной в водную и наоборот? Разве можно быть счастливым, если нет чувства одиночества? Более того, – и Карась при этом взволнованно пошевелился, – как жить, если вместо настоящего хвоста у тебя мохнатая метёлка? Если уши у тебя оттопырены, а не элегантно спрятаны в череп? Как вообще можно жить, если у тебя нет чешуи, а есть сплошной волосатый коврик? Нет, так жить нельзя». Он меланхолично куснул травку, вьющуюся в воде и мысли его приняли иное направление.

«Вот, если бы я был Волшебным Карасём, – думал простой Карась. – Тогда я превратил бы Кота в Рыбного Кота, и мы бы резвились здесь вдвоём». Здесь он, кстати, вспомнил одну сказку, которую ему рассказывали в детстве, сказку, про Золотую Рыбку. И воскресил её в памяти.

Одна Золотая рыбка не слушалась маму. Когда все другие рыбки учились разговаривать на человеческом языке и исполнять – если придется – их странные желания, наша или играла с Морским Коньком в прятки, или щекотала заснувшего Морского Ежа, или делилась девическими секретами с тетушкой Медузой. Однажды, заигравшись, попала Золотая Рыбка в беду – запуталась в латаных-перелатаных сетях рыбака, старенького дедушки. Обрадовался дед, положил ее в банку и ну загадывать желания: то новое корыто просит, то судьбой своей старухи вдруг озаботился. А рыбка, как не бьется, помочь ему не может – не учила она, как положено, эти премудрости. Осерчал дед, грозиться стал. Говорит: ладно, загадываю тебе свое последнее желание – хочу быть молодым и красивым, желаю быть королем или герцогом, требую, чтобы у меня была красавица-жена. Молодая! – поспешно добавил дед. Закрыла рыбка свои прекрасные глаза, вспомнила все то, что вполуха слышала на занятиях, отчаянно махнула хвостиком и... Смотрит старик на себя в зеркало и не узнает: молод, красив, вокруг не дом – дворец! Видит, идет к нему огненноокая, крутобедрая и высокогрудая красавица-жена, ласково треплет по плечу и говорит: Фердинанд, собирайтесь, нам пора в Сараево! Помнится, Карась тогда спросил у старших: а в чем мораль? Дело в том, что Фердинанд, герцог австрийский, был убит в Сараево – что и послужило поводом для начала первой мировой войны. Так что врут школьные учебники, когда пишут о всяких там противоречиях и террористах. Все дело в Золотой Рыбке, которая не слушалась маму и плохо училась в своей рыбьей школе.

Но Карась, когда вспомнил эту поучительную историю, задумался совсем об ином. А захочет ли земной Кот стать Рыбным Котом? И вообще, странно всё получается: мы желаем чего-то, добиваемся своей цели, когда же добьёмся, то получается, что получили мы совсем не то, о чём мечтали. Здесь он вспомнил ещё одну историю, уже не сказку, а быль, которую ему

как-то рассказала стрекоза, примостившаяся на былинке травы. История была про Попугая.

Один немолодой и молчаливый Попугай, – рассказывала Стрекоза, покачиваясь на травинке, – жил у веселого гражданина по имени Кеша. Странное, надо признать, имя. Было бы правильней, если бы так звали самого попугая. А его никак не звали. «Попка, как дела?», – спрашивал по утрам хозяин, подсыпал корм, наливал воды и исчезал на целый день. Приходя, спрашивал: «Ты не скучал, дружище?» – и валился в постель. Отношений, можно сказать, не было никаких, что страшно Попугая удручало. И вот однажды утром, увидев зевающего и потягивающегося со сна хозяина, он перестал чистить перышки, прервал вековое молчание и скрипучим голосом спросил: «Попка, как дела?». И тут же добавил обалдевшему хозяину: «Ты не скучал, дружище?». Опомнившись, Кеша закричал: «Попугай заговорил!» и сел на телефон, обзванивая знакомых. В квартиру стали приходиться люди, которым Кешка гордо показывал Попугая и заставлял его говорить про «попку» и «дружище». Попугай послушно повторял ставшие вдруг ненавистными слова. Люди приходили и уходили, оборотистый Кешка позвал представителей прессы, как-то наехало и телевидение. О Кешке узнали в доме, в городе. За вход хозяин уже брал деньги, никуда не ходил, округлел, материально «поднялся» и часто с любовью смотрел на Кешку. А вот попугай почему-то не радовался: он на глазах худел, его перья теряли блеск. Про «попку» говорить не хотел, а если заставляли, все больше дурачился – произносил слова то с еврейским акцентом, то голосом подвыпившей примадонны. Часто скучал, грустил, а потом и совсем умер. И чего ему не хватало?

Стрекоза рассказала эту историю, многозначительно посмотрела на Карася, печально высунувшего толстые губы из воды, снялась с былинки и стремительно умчалась прочь. А Карасю тогда, как и сейчас, в красивую плоскую голову пришла одна и та же мысль: не надо ничего менять в этой жизни. Если попугай молчал, значит, так кому-то было надо и так должно было продолжаться и дальше. Если рыбка послала старичка принять смерть от рук Гаврилы Принципа, то возникает закономерный вопрос: зачем старичка обуяла гордыня, на что ему эти желания, от которых проку, как от прошлогоднего листа, упавшего в воду. Если Кот живёт в том ирреальном мире, где нет воды и вместо чешуи примитивная шерсть, то, видимо, так распорядился неведомый кошачий бог, так надо и его, карасиные желания здесь совершенно не при чём.

***

А Кот вернулся в дом, включил телевизор и стал смотреть какую-то непонятную передачу. Смотрел, смотрел и заснул. И снился ему сон про

Кошку и про телевизор. И так, жила-была Кошка. И она очень любила смотреть телепередачи, особенно – «В мире людей». Ей нравилось в этой передаче все: и импозантный ведущий с доверительной манерой мяуканья, и забавные проделки человеческих детенышей, и ценные рекомендации по научному содержанию домашних людей. Правда, ее раздражала назойливая реклама, вроде «Не покупайте своему любимцу мягких кресел, и он всю жизнь будет добр и весел». Но затем экран вновь излучал любимую информацию, делился опытом общения. Наблюдая людей в быту, их невинные шалости в семье, Кошка думала: до чего ж мы все-таки похожи. Они так же, как и мы, любят своих детей, им ведома боль и сострадание. Однако, глядя на людей, поглощенных борьбой за существование и безжалостно уничтожающих в этой борьбе себе подобных, Кошка удрученно качала головой, размышляя о том, что ход эволюции загадочен и с трудом поддается рациональному осмыслению. Она переводила взгляд на лежащего рядом на диване своего любимца Борю и заботливо поправляла его любимую подушечку, выцарапанную ее собственными коготками. «Опять читал газету и, конечно, уснул», – с доброй материнской улыбкой подумала она и пододвинула ближе любимое Борино лакомство – пиво с соленой рыбой. Человек беззаботно спал, а Кошка, рассеянно шевеля хвостом, погрузилась в свои непростые мысли. Они были беспорядочны: картинки с новыми ценами на сметану перемежались думами о том, что годы все же идут, и шерсть на животе уже явно не та... Кошка вздохнула, потянулась и решила прогнать прочь все мрачные мысли. «Проснется Боря, поиграем», – решила она и тут же вспомнила полные глубокого смысла слова матери: «Доченька, когда играешь с человеком, не забывай, что, возможно, это человек играет с тобой».

Тут раздался стук: пришёл Самовар и полез на каминную полку. Кот, проснувшись, недоумённо смотрел на него круглыми глазами и неожиданно спросил:

– А где Кошка?

– Ха! – ответил Самовар, неприятно улыбнувшись. – Я же не спрашиваю тебя, где моя Самоварша! Мы тут все не просто без детства, мы трезвенники, язвенники и вообще евнухи!

– Ну, не скажи, не скажи, – ответил Кот, сладко потянувшись. – Особенно насчёт последнего. Но, никак не пойму, то ли снилась мне Кошка и какой-то толстый Боря, то ли на самом деле кто заходил. Ты никого не видел? Кстати, каким это образом самовар может заработать себе язву? И где? Язву краника? У тебя, брат, главная проблема заключается не в том, что ты одинок, а в том, что тебя разъедает скепсис.

– Меня разъедают твои пустые разговоры...

– Конечно, это у тебя разговоры полные, да и то, пока ты краник не откроешь...

– Ты просто мне завидуешь...

– Я – тебе? Тебе вообще отказал твой самоварный ум. Скажу больше...

– Я слышал, что кто-то и что-то говорил о зависти? Хотите по этому поводу маленькую историю?

Они дружно повернули головы и увидели вошедшего Профессора.

– Нет, Профессор, вы слышали, что этот медный таз сказал обо мне?

– Сам ты таз, варешка с хвостом.

– Стоп, по углам.

Профессор сделал разъединяющий жест, при этом так далеко разбросил руки, что задел тёплую стенку камина. – Так вот, предлагаю вам историю про Ослика.

– Дожились, нас уже ослики будут учить жить...

Но Профессор, не обращая на него никакого внимания, присел в своё любимое кресло у камина и стал рассказывать сказку, про ослика. Итак, один Ослик очень любил футбол. Когда в их небольшом городке проводились матчи, он тайком от дедушки приходил к стадиону и устраивался за воротами. К нему привыкли – и не прогоняли. Ему нравилось смотреть, как большие и красивые люди бегают по изумрудной траве, падают на нее, качаются с бока на бок. Как он их понимал в этот момент! Ведь его самого часто донимали мухи и слепни, и он, задрав копыта, валился на землю, поигрывая хвостом. Ему нравился крик, несущийся с простых лавочек, окружавших поле, запах бутербродов, даже табачный дым не раздражал его, а заставлял задумчиво принохиваться к нему – так пахло от хозяина, приносящего в сарай сено. Однажды он услышал, как люди с трибун начали кричать знакомые ему с детства и очень родные слова. Задрав хвост, он помчался к себе во двор и, увидев дедушку, который пил воду, печально опустив морду в ведро, радостно закричал:

– Дедушка, дедушка, люди на стадионе называли себя нашими именами и именем дедушки Барана! Они кричали друг другу: Осел! Баран!

Дедушка, не торопясь, поднял морду из ведра. Капли падали на землю и в лучах заходящего солнца он походил на древнее ослиное божество, рожденное, как и все сущее, из морской пены.

– Люди кричат так потому, что очень хотят быть похожими на нас, – мудро промолвил дедушка. – Но, – с сожалением в голосе добавил он, – природа делит неровно, а потому они обречены на вечное недовольство собой и зависть к нам, животным.

Профессор закончил рассказ и привычно улыбнулся. Все немного помолчали, переваривая сказанное. Первым в разговор влез Кот:

– В принципе, мне эта мысль нравится... Нет, я ничего не хочу сказать относительно присутствующих здесь особ, – и он выразительно посмотрел на Профессора, который продолжал улыбаться, – но согласитесь, всё это очень странно и непонятно. Тут ведь весь вопрос не в том, кто на кого похож, а в том, хотят ли животные быть похожими на людей? То, что люди этого желают, я замечал не раз. Приходилось слышать, как называли «кисой» существо, страшно далёкое от стандартов нашей кошачьей красоты. Ничего себе, киса, под сто килограммов весом, с тремя подбородками и сорок шестым размером ноги. А сколько таких «зайчиков», «котиков», «собачек» бродит по улицам! Вот я, например, не называю себя профессором, или не говорю, что я девочка, мне вполне достаточно самого себя. И было бы странно, очень странно, если бы, скажем, Карась из нашего пруда стремился быть похожим на нашего Мальчика. На меня – дело другое, мы одной крови, но на Мальчика!

– Да, – печально протянул Самовар, – никто ведь не хочет быть самоваром. Что-то не приходилось мне слышать, – добавил он горько, – чтобы кто-то из людей говорил другому: ты мой дорогой медный таз или ты моя дорогая фарфоровая чашка. Всё больше какая-то «синеглазка» или иной лютик. Я вообще думаю, – оживился Самовар, – что этот мифический Осёл совершенно прав. И готов предположить, почему. Дело в том, что зигзаги эволюции нам совершенно неизвестны и то, что считается сегодня венцом природы, завтра окажется у неё, природы, на куличках. Вот мы, самовары, когда-то жили гордым свободным племенем, а чем всё закончилось? Планом приёма вторсырья на складах вторчермета. Так, как мне, ведь повезло далеко не всем...

– Но дело не только в этом, мой дорогой друг, – важно встрял Кот, прохаживаясь по комнате и пощипывая усы. – Я думаю, – и он важно поднял пухлую лапу вверх, – что благодаря нам человек стал лучше, совершеннее, у него появились новые возможности для роста. Поймать, скажем, кота и надавать ему пинков – дело не хитрое. Но сделать кота своим другом, добиться его признания и любви – для этого надо немало постараться. Известна старая мудрость: человек остаётся человеком, пока заботится о пропитании кота. Кстати, мы совсем упустили важный момент, связанный с обедом, – и Кот поднял вопросительные глаза на Профессора.

– Обязательно пообедаем, – сказал Профессор, улыбнувшись, – у нас на обед сметана, салаты и цветочный чай. Но, так как речь зашла о еде, позвольте ещё одну историю, правда, несколько грустноватую.

– Просим, просим... – промурлыкал Кот, ложась на ковёр.

– История это будет про свинью. Итак, одна Свинья жила у одного одинокого дедушки. Так уж получилось, что дедушкины дети разъехались, жена умерла, а где были братишки и сестрички нашей свиньи – никто не знает. Словом, одни были они на белом свете. Понятно, что дедушка

растил свинью, выполняя личную продовольственную программу, а свинья росла быстро для того, чтобы порадовать дедушку. Потому что уж больно привыкли они друг к другу: дедушка подолгу разговаривал со свиньей, рассказывал ей новости, делился своими немудреными секретами. И когда заболел, первой об этом сказал ей, свинье. Собственно, сказать об этом больше некому: соседи есть соседи, а детей не хотел тревожить. У него болел желудок, и сил с каждым месяцем все убывало. Однако весной он еще смог открыть сарай и выпустить свинью во двор. Он сидел и курил, глядя на колодец, зеленеющий виноград, поднимающийся от земли пар. Свинья ходила вокруг, завивая и развивая свой короткий хвостик, терлась о дедовы ноги и заглядывала в его голубые, по-детски беззащитные глаза. Они могли так сидеть или ходить друг вокруг друга долго – соседи потом вспоминали, что свинья не отходила даже от окна дома, когда дедушка был вынужден лечь в постель. Окно обычно было распахнуто настежь и было слышно, как дед что-то говорил свинье, а та понимающе хрюкала в ответ. Они были дружны так, как дружат близкие, понимающие друг друга люди. Им было хорошо вдвоем, и они доверяли друг другу. И только свинья знала, как было больно дедушке, и как беззвучно плакал он ночами. Сарай теперь всегда был открыт и соседи, иногда выходя ночью во двор, пугались: в лунном свете у желтого, построенного дедушкой дома, часто стояла, опустив длинные уши, большая свинья. Когда ее тень падала на крыльцо, то казалось, что это одно из созвездий упало темной россыпью на притаившийся в предчувствии беды дом. Дедушка умер в конце весны. А свинью съели чужие люди – никто не знает, какие именно.

Помолчали. Первым отозвался Кот:

– Что-то вас, господин Профессор, потянуло на мистику. Ладно, Ослик, но эта история со свиньей мне совсем не понравилась. И, не потому что она грустная: трагедия выше комедии, дело в другом. Просто перед обедом нельзя говорить о смерти.

– Интересно, а после обеда о смерти говорить можно? – ворчливо встрял Самовар.

– После обеда эти мысли тебе в голову не придут вообще. После обеда ты будешь грезить о чём-то очень для тебя приятном, например, о том, что тебя превратили в паровоз и ты летишь по бескрайним путям, надуваясь паром и предостерегающе свистя всякой нечисти, выбегающей на дорогу. Впрочем, я опять не о том. Где же моя сметана и мой салат с рыбкой?

И они пошли обедать.

***

Они ели, блаженно жмурясь, но тут вбежала Ой и испуганно пискнула:

– Ёжик сказал, что бронзовый Мальчик с крылышками пошёл к канаве и не вернулся! Ёжик сказал, что Мальчик больше никогда не вернётся, как и Девочка. Ёжик сказал...

– Подожди, Ой. – Профессор, посерьезнев, встал, склонился и взял Ой на ладонь. – Вот теперь рассказывай, но не торопись.

– А я не тороплюсь. Я спала в беседке, но тут прибежал Ёжик, разбудил меня и сказал, что видел Мальчика, который пошёл погрузить к канаве. Ёжик видел, как он сидел на берегу и смотрел на воду. А потом Мальчика не стало. Просто не стало. Он куда-то ушёл, как уходит дождь. Ёжик сказал, чтобы я бежала к вам и всё это вам рассказала. Мне жалко Мальчика, он такой добрый!

И Ой скривила губки, готовая заплакать.

– Подожди, Ой, не плачь.

Профессор поставил Ой на стол, повернул к друзьям ставшее незнакомым лицо и приказал:

– Все будьте дома и ждите меня. Я или вернусь сейчас с Мальчиком, или...

– Нам не надо никакого «или», – внезапно твёрдо перебил его Самовар. – Вы вернётесь с Мальчиком, и мы будем вас ждать.

Кот во время этого спича посерьезнел, подобрался, спрыгнул с дивана и неслышно подошёл к камину, на котором стоял Самовар. Ой выпрямилась и сложила ручки на груди. Все трое через большое кухонное окно смотрели на Профессора: вот он вышел на крыльцо, миновал колодец, затем пруд, вот, не спеша, подошёл к сосне, к забору и вот скрылся за калиткой.

Профессору не пришлось идти далеко: прямо у канавы, метрах в пяти от калитки, то ли сидел, то ли стоял смуглый, даже чёрный человек, по виду – худой, даже бесплотный. Одет он был в тёмный и с виду тяжёлый плащ с застёжкой, бликующей на солнце, причём сама эта застёжка, казалось, шевелилась на его впалой груди. Прямо за ним или под ним угадывалось кресло, тяжёлое кресло, непонятно как попавшее в траву, кресло с мордами невиданных животных на ручках, широкой и высокой спинкой, тоже тёмной, человек в этом кресле даже не сидел, не стоял, а вроде висел, колебался, всё время перемещался, двигался. Он молча смотрел на Профессора, и, казалось, чего-то ждал. Да, стоит упомянуть о том, что вокруг них жизнь как будто прекратилась. Прекратили летать птицы и ползать жуки, лягушки перестали шевелиться в зелёной тине и спрятали свои острые головы в воду. Даже трава выпрямилась и застыла.

Воздух сгустился и стал виден – за спиной смуглого человека – не то город, не то лес с зубчатыми островерхими башнями, изломанной линией горизонта, трубами, распарывающими небо, угрожающей тучей, лежащей на башнях, шпилях, трубах.

– Ты перешёл черту, – раздался в это время высокий голос Профессора. – Верни Мальчика с Девочкой и оставь нас. Ты сделал всё, чтобы мы были несчастливы, но несчастье имеет свои пределы. Он истончился, наш предел.

– Вот так всегда. Думаешь сделать вам лучше, знаешь, что вам действительно будет лучше, и что получаешь взамен? Непонимание. И это минимум, что я получаю за свои труды, – с жаром заговорил смуглый человек, наклонившись в сторону Профессора. – Вот ты думаешь, что пришёл сейчас за Мальчиком, пришёл за Девочкой? Ты ошибаешься, коллега. Ты пришёл за собой, за своим пониманием ценностей. Ты из своего понимания этих ценностей воздвиг приятный для тебя мир, но ты ни разу не поинтересовался, хорошо ли остальным в твоём мире, полном одиночества и тоски. Ты создал этот дом, ты собрал вокруг себя одинокие сердца, ты решил, что вы все спасётесь вместе: что за глупая соборность, что за глупый коллективизм. А суть ведь в том, что ты, ты эгоист и ты спасаешь самого себя, наплевав и на мальчиков, и на девочек, и на собак, и на котов с самоварами. Они, правда, этого не знают, но вот Мальчик с Девочкой уже о чём-то догадываются. А в итоге все уйдут, все разбегутся. Всё, что я тебе оставлю, это карася, которому ты будешь в полном одиночестве рассказывать свои тоскливые сказки.

И – откинулся на спинку кресла, улыбаясь.

– Я бы многое мог бы ответить тебе, но ведь ты не поймёшь. Не поймёшь, хотя возможности твои велики, можно сказать, беспредельны. Ты ведь прав в главном: мы живём действительно в разных мирах и то, что тебе кажется эгоизмом, на самом деле единственная возможность выжить, единственная возможность преодолеть себя. Я преодолеваю себя, несмотря на то, что мне страшно.

– Ты так боишься смерти?

– Кто не боится смерти? Разве что тот, кто уже умер. Мне всегда казалось ложной фразеологией, основанная на том, что человеку даются испытания для того, чтобы он смог их преодолеть. Но раз он их преодолел, значит, искус был по росту, но это значит и иное – что испытания не были таковыми. Я часто думал: зачем мне этот дом, зачем эти существа, которые собрались вокруг меня. Да, это испытания, это искус. Но испытания чего, испытания кого и зачем? Вот этого я долго не понимал.

– Можно подумать, что ты что-то понял. Понять – значит, простить. Но разве сможешь ты простить себя за всё то ложное, гадкое, негодное, что ты сотворил в своей жизни? И не кажется ли тебе, что всё, что ты сейчас

имеешь, это твой собственное прошлое, только с иным знаком? Когда положительным знаком, когда отрицательным, но разве в этом суть? Но опять же – это твои проблемы, это твой выбор, это твоя борьба. Зачем тебе Мальчик, зачем тебе Девочка:?

– Они поверили мне...

– Вот, этого признания, я и ждал. Но что такое вера, Профессор? Вчера ты верил в светлые коммунистические идеалы, причём верил искренне, я это признаю. Затем уверовал в спасительную и благодатную роль церкви, причём тоже искренне. Но как же быстро рухнули твои веры! И с чем ты живёшь сейчас? Что укрепляет твою жизнь? Твои собственные слабые силы, твой разум, который вы, люди, по глупости называете просвещённым? Ты настолько слаб, что я иногда удивляюсь, как и за счёт чего продолжается твоё существование?

– Но представь себе, что меня нет. Разве от этого мир стал бы лучше? Если ты ответишь «да», я, пожалуй, помогу миру избавиться от этой тяжести.

– Вот, в этом ты весь. Как только я немного на тебя нажал, как только усомнился в возможности твоего существования в принципе, так из тебя вся эта профессорская мякина ключьями и полезла. Ты мне неприятен, Профессор.

– Я сам себе неприятен. Но ты забыл, какими ко мне пришли и Мальчик, и Девочка, и Кот, и Самовар, и Ой. Согласись, я многое сделал для того, чтобы они остались жить, чтобы вдохнуть в них то, что ты называешь жаждой жизни, а я – сопротивляемостью ей. Я ведь никого сам не искал, никого не звал, я делал то, что должен был сделать. И я это сделал.

– Да, ты это делал. Но ты это делал с моей помощью. Именно я лишил их прошлого, а главное, лишил их детства. Я заставил их забыть себя маленькими, а тот, кто забывает, каким он был маленьким, лишается смысла существования. Вот вы живёте здесь, а зачем? Что вы достигли, чего добились, кроме своих глупых разговоров о том, в чём вы ничего не смыслите? Вы все лишены детства, но ничего взамен детства вы не предложили, не выдумали, не выработали. Вы – бесцельные существа и то, что я забрал от тебя первых из них, это благодеяние, это награда вам. Да, я лишу их привычных ценностей, лишу того, что они знали, они забудут и ту часть жизни, которую прожили здесь, с тобой. Но я дам им намного больше, я дам им вечность, я дам им благо. А тебя я накажу, так как ты не оправдал моих надежд, ты им не дал ничего и потому останешься один. Завтра я заберу у тебя Ой, а потом – Кота. Ты останешься с Самоваром и вы будете долго разъедать друг другу душу сожалениями и скепсисом. А потом от тебя уйдёт и Самовар. И ты останешься с Карасём, останешься навсегда. Жёлтая собака не будет прибегать к тебе, и бумажный кулёк не

будет пищать у твоих ворот. А потом одиночество расправится с тобой. Мне жаль тебя, Профессор.

– Ты не можешь быть таким беспощадным, беспощадным не ко мне, о себе я говорить не хочу. Ты не можешь быть столь беспощадным ко всем нам. Да, ты во многом прав, признаю это, но ты знаешь, пока мы жили здесь, произошло чудо. Да-да, не улыбайся, произошло чудо. Мы действительно стали жить здесь вместе не потому, что так захотел ты или так захотел я. Мы живём вместе потому, что нам хорошо вместе, мы стали семьёй, и ты противен мне своей саркастической улыбкой. Чудо – это меньше всего ты со своими возможностями. Чудо рождается помимо тебя и живёт тоже помимо тебя. Утром Кот ругается с Самоваром, Ой их мирит, но мы все понимаем, что это от любви, вот я и произнёс это слово, которое всегда даётся мне с большим трудом.

– Любовь... Бедный друг мой, ты состарился или атеросклероз уже успел поселиться в твоей голове? Как вы любите услаждать свой слух и свою жизнь словами, которые не имеют ровно никакого содержания. Скажи, чего вы достигли, любя друг друга? Стал ли счастлив хоть один из вас? Любовь – это последняя отрада идиотов, это красивое заблуждение, которое вы культивируете лишь потому, что иных средств выжить у вас просто нет. Да и то, если продолжить эту мысль, что изменила в жизни ваша любовь? Она что, превратила утро в вечер или день сменила ночью? Ваша любовь сделала вас богатыми, открыла перед вами новые горизонты, превратила этот скромный домик в дворец? Ну, чего молчишь, книжник и фарисей?

– Разве можно убедить тебя в том, чего ты никогда не чувствовал и почувствовать не можешь? У тебя не душа, у тебя выжженная пустыня и там бродят верблюды равнодушия, не знающие ни сожаления, ни страсти. Ты говоришь, что ты выше страстей, но это значит лишь то, что страстей у тебя нет вовсе. Разве ты чувствовал хотя бы раз то, что называется радостью бытия? Утренний холодок бежал хоть раз по твоей коже и улыбался ли ты хоть раз просто так, потому что утро, потому что холодок и потому что ты встретил на дорожке Ой, которая что-то пела? Ты один, ты всё время один, с тобой только это проклятое непонятное кресло, а нас стало много, и я в этом мире не один. Может, ты просто стал завидовать нам и потому хочешь разрушить наш мир? Так знай: это тебе уже не удастся. Даже если ты действительно не вернёшь нам Мальчика и Девочку, даже если ты оставишь меня одного, с нами будет то, что ты не в силах сломать и уничтожить, с нами будут наши прожитые годы и те чувства, которые жили и живут в нас.

– Как приятно и, в то же время, грустно слышать все эти пустые разглагольствования. Ты ничему не научился и ничего не понял. У тебя всё время что-то «будет», Профессор, а у меня уже всё «есть». У тебя «чудо»,

«любовь», «память», а у меня Мальчик и Девочка, которые уже со мной, а завтра я буду обладателем всех ваших душ, ну, пусть не всех, пусть почти всех. Ты так и остаёшься жить идеалистом, мечтателем, от которого мало толку и который в итоге приносит горе всему своему окружению. Да-да, твой идеализм приносит горе, а не счастье. Потому что рано или поздно они все задумаются, что они делали здесь, в этом доме, почему их судьба свела вместе и какова твоя персональная роль в том, что они живут так, а не иначе, что ты сделал для того, чтобы изменить их жизнь, изменить к лучшему. И тогда, когда они поймут это, поймут твоё бессилие, они проклянут тебя. А я – я помогу им, я существо конкретное, я прагматик и идеализм вызывает у меня тошноту и отвращение. Готов спорить, что в душе ты и сам не прочь стать прагматиком, да не судьба. Последний раз тебя спрашиваю: готов ли ты сам согласиться с тем, чтобы я занялся вашей судьбой, но это уже будет другая судьба и другая жизнь, та, в которой вы не узнаете друг друга?

– Нет, я не готов принять твоё предложение. Тебе трудно понять, но я не могу оторваться от этого дома, от своих друзей, от того, что ты называешь идеализмом слов и поступков. Странно, но только теперь я понял одну простую истину: мы не принадлежим сами себе. Казалось бы, вот – творцы себя и обстоятельств. Живое существо творит себе подобных, но мало того, оно творит самого себя. Но это – ложный посыл, ложная аксиома. Я не принадлежу себе потому, что у меня очень много долгов. Я должен Ой, как же она будет дальше жить без меня. Я должен Коту, ведь за его скепсисом, его иронией всё та же неуверенность в себе, понимание отсутствия опор, и мы все стали его опорой. Что тут говорить о Самоваре, его разъедает не ржа, его разъедает понимание ненужности, его собственной ненужности в этой жизни. Он утверждает в жизни, он ищет себя, он несчастлив до самых последних заклёпок, как же мне без него и как он без меня? И ещё: мы не отдадим тебе ни Мальчика, ни Девочку. Мы просто не можем это сделать, потому что если это произойдёт, то и мы перестанем существовать. Мы – целое и даже Воздушный шарик это понял. А ты – не понимаешь.

– Здесь Профессор очнулся, поднял глаза и увидел, что он стоит в траве один. Вокруг никого не было: ни кресла, ни человека с выжженной кожей. Сновали муравьи у его ног, деловито жужжали пчёлы и бесшумно сновали стрекозы, а вот и знакомый майский жук, который с размаха ударил его в плечо. Он вздохнул, недоумённо огляделся, хотел что-то спросить, но лишь пожал плечами и пошёл к жёлтой калитке в заборе. Открыл её и замер: прямо у сосны, в траве, лежали Мальчик и Девочка. Они лежали, разбросав руки и, казалось, обнимали и траву, и землю. Они спали, и на их лицах был покой и умиротворённость. Они спали, и Профессор услышал их спокойное дыхание. Он увидел сплюснутые от

стекла носы своих друзей, прижатые к окну, и замахал руками: приходите, приходите скорей. Он взял на руки Мальчика, тот что-то пробормотал во сне и не проснулся, лишь обхватил Профессора рукой за шею. Прибежали обитатели дома и подхватили, понесли Девочку, стараясь не споткнуться.

Профессор нёс Мальчика на руках, и он улыбался, Профессор. И Кот, свято выполнивший наказ не выходить из дома, прошептал придушенным голосом:

– Я же говорил, что всё будет хорошо. Они просто спят.

А Мальчик действительно спал.

***

И снился Мальчику сон, да не простой сон, а зимний сон: падает снег. Сегодня он не идёт, не летит, не кружится. Он падает. Такое чувство, что кто-то сверху развязал заиндеветый мешок и неторопливо вываливает его содержимое на города и поля, сёла и дороги. И кажется, что дом, напротив, от снега зажмурился. Что машины, выезжая из сугробов, вежливо спрашивают друг у друга дорогу.

Почему-то во время снегопада суетливые и мелкие мысли исчезают. Как это ни странно, но никто никуда не торопится. Неслышно падающий снег как будто прибывает к земле наши обычные житейские думы о работе и детях, магазинах и ужинах. Идущий снег успокаивает и примиряет. Он, непостоянный, временный гость, тем не менее, символ вечности. Он как бы говорит всем нам: я был вчера и буду завтра. Я буду белым и радостным, холодным и чистым. Самим своим существованием я докажу, что не всё так плохо, что мир не так жесток и безжалостен, как нам иногда кажется.

Ты никогда не задумывался, каким был снег твоего детства? Его было много, и он был символом праздника, который, как казалось тогда, продлится всю жизнь. Всю бесконечную ночь, пряча звёзды и деревья под окном, он падал на простой деревянный дом, засыпая забор и заматывая дорожки. Ветер стихал. Одиноким фонарь, упирающийся в тополь, виновато помаргивал. Не в силу пробить сплошную пелену снега, лампочка освещала медленный танец снежинок, успокаивающихся у земли. Дом спал, спали его обитатели, и лишь редкий прохожий, проходя мимо, с завистью смотрел на лёгкий дымок, поднимающийся над трубой.

Было морозно, и когда утром отец первым уходил из дома, мама кричала ему вслед: закрывай скорее дверь, а то застудишь всю хату! Лёжа под ватными одеялами на соломенных матрасах, мы, дети, сквозь сон слышали, как отец идёт к сараю, тащит большую деревянную лопату и начинает чистить снег, пробиваясь к улице. Звуков становилось всё больше: скрипнул колодец, замёрзшее ведро, гремя привязанной для груза

железякой, полетело вниз. Громко вздохнула и также неожиданно затихла соседская собака. А вот и сам сосед: слышно, как заводит неспешный разговор, а в итоге опять «стрельнёт» у отца папиросу.

Стал оживать и дом. Вначале у стены, стараясь ступать громко, прошёл тёплый со сна кот. Чем-то негромко стукнула у печи мама, и запахло свежим тестом. Лежать уже не было сил, и ты взлетал с кровати, наспех одевался, впрыгивал в неизвестно чьи валенки и выскакивал во двор. Помнишь – снега намело под окна, вровень с забором. Узкие дорожки вели к колодцу, на улицу и к сараю. На покосившейся берёзе сидела ворона и хрипло жаловалась на мороз. Уже, всюю сияло солнце, и снег переливался и блестел, как надраенные пуговицы на батьковой гимнастёрке. Он бил в глаза, вышибая слезу и вызывая непреодолимое желание прыгнуть в снежную глубину.

Ты выглядывал на улицу – выписывая немыслимые восьмёрки, бегали собаки, восторженно приветствуя друг друга. Их победоносно задранные хвосты были символом здоровья и уверенности в завтрашнем дне. С горки летела лошадка, мужики, повалившись, друг на друга, ехали на базар. На их застывших кирпичных лицах весело поблескивали бусинки всепонимающих глаз. На дуге позвякивал колокольчик и поднимался пар от лошади и из-под прожаренных на морозе кожухов. Иногда из мешков срывался визг поросят, переходящий в недоумённое хрюканье.

Как-то одна из лошадок остановилась прямо у вашей калитки. К отцу из богом и людьми забытого хутора приехал его знакомый с весёлой фамилией Полубок. Родителей не было дома и Полубок, почти до половины тела засунутый в какие-то особые валенки, долго и молча разглядывал тебя. Потом, еле шевеля толстыми губами, попросил ведро воды, чтобы напоить коня. Ты принёс чистое, но хозяйственное ведро, а Полубок его не принял. – Дай то, из которого сами пьёте, – говорил он. Ты упорствовал, не понимая, как можно пить из одного ведра с конём, а Полубок не понимал тебя. Он постоял, плюнул и ушёл из хаты, сердито шевеля обрубками пальцев. Тогда вы не поняли друг друга. Не поняли бы, наверное, и теперь.

Ты вообще часто оставался дома один. Так уж получалось – и ты никого не винил. Хуже всего было долгими зимними вечерами – телевизора тогда в хате не было, телефона тем более и ты обычно копался в своей комнатке у печки, перебирая усатых солдатиков, деревянные машинки, сшитых в деревне кукол и порванные книжки без обложек. Потрескивала печь, было тепло, очень тихо и очень страшно. Как-то в окно постучали – на крыльце стоял незнакомый человек и, размахивая руками, что-то без перерыва говорил. Он был сильно пьян и требовал отца. Крыльцо было высоким, он смотрел прямо в окно, а ты смотрел прямо на него и плакал. Человек этот плохо держался на ногах, он то приседал, то

качался из стороны в сторону – как будто танцевал только ему известный танец. Он что-то говорил через два промёрзших окна с дежурной ватой и серебряной игрушкой между ними, а ты только и мог выговорить сквозь слёзы: «Никого нет дома». И вы не слышали друг друга. Он ушёл нескоро, а ты нескоро успокоился – только тогда, когда пришёл отец и долго смеялся и над твоими страхами, и над твоими слезами. Тогда тебе тоже стало смешно, и ты носился по кухне, сбивая табуретки и выпрашивая конфеты. Не смешно теперь.

Странная вещь – человеческая память. Почему одно помнится, а другое улетает, как дым из печной трубы? Может потому, что наша память – как, наверное, вся жизнь, – напоминает пирамиду, где основание – детство, а вершина – старость. Мы просто истончаемся в процессе жизни. И именно там, внизу, в детстве фундамент и суть всего нашего последующего бытия – болезней и страхов, успехов и неудач. И то, что ты помнишь, по сей день – это не случайные обрывки прошлого. Ты помнишь свою собственную суть. Память просто подсказывает, кто тебя вылепил, кто твой папа Карло. И всё это – только твоё. Это то, что можно знать, но с чем нельзя бороться. Ты стал таким, каков есть, не сейчас, а давным-давно. И ты до сих пор разгадываешь ту загадку, которую задал сам себе.

Очень несчастный писатель Франц Кафка страдал от одиночества. Он знал свою беду и бросался в социум, как пловец в воду, желая спастись и быть таким, как все. И всё же понимал, что спастись невозможно. Ибо ему не дано было стать таким, как все. Да и возможно ли это? Более того, его детское и взрослое одиночество собственно и сделало его Кафкой – пронзительным до безумия, тонким до мельчайших нюансов бытия, мыслителем. Так что тот упившийся западнобелорусский Вахх, молотивший копытами в дверь твоего домика, не был случайным гостем. Кто-то хотел поселить в твоей душе страх и добился этого.

А потом был день, было солнце, заснеженные карьеры с накатанными горками, запорошенный до сидящих на верхушках деревьев съёжившихся от холода птиц лес, лыжи с обрывками ремней вместо креплений, пробирающий до костей холод и тут же жара до мокрой шапки, красные щёки и сияющие глаза, умытое морозом небо и апофеоз дня – горячие булочки с повидлом, горой возвышающиеся на столе. Ты выползал из-за стола и валился на кровать, чтобы через час опять лететь по ледяной улице, кричать от восторга и валиться в снег, пушистый и глубокий, холодный и по-детски вкусный.

А когда ты уже спал за тетрадками («жи»-«ши» пиши через «и») и синело окно, наливаясь глубиной и таинственностью вечера, опять пошёл снег. Миллионы белых парашютов приземлялись на дорогу, зелёный забор с заветной, только тебе известной дыркой, соседские дома с

нахлобученными на них белыми шапками, на колодец, открывающий воду, на всю твою землю, на весь твой безграничный мир.

Комнатка, где ты спал с братом, была небольшой. Недалеко от дома, на улице, стоял фонарь. Его рассеянный свет падал на окна, бродил по потолку и освещал неровные мальчишечьи затылки под толстыми ватными одеялами. Печь ещё была горячей, старые дедовские кафли дышали жаром и спокойствием. Дом спал, а снег кружился и редкие машины, натужно пробираясь через заносы, освещали фарами их вечный хоровод, дразнящее веселье холодных пришельцев неведомой Вселенной. Вверху угадывалось стылое небо, мёрз соседский пёс, изредка гавкая, чтобы согреться, а ты спал и ничегошеньки не слышал. Что тебе снилось тогда, этими зимними ночами? Ты забыл свои сны. А вот сны не забыли тебя. И сейчас, когда опять идёт снег, ты будешь долго и бесцельно бродить по пустой квартире, неохотно раздеваться, залезая в холодную постель и обманывать сам себя: вдруг придёт покой, уйдут таблетки и ожидание чего-то скверного, пройдёт тёплый со сна кот и мама стукнет кастрюлей на кухне? Ты вырос, мой мальчик, а снег всё тот же. Всё тот же танец снежинок, всё тот же старый хоровод. Всё тот же – вот только назвать тебя так, как звали в детстве, больше некому.

***

Спала и Бронзовая Девочка, и снился Девочке сон. Вот она во дворе дедова домика, точнее половины домика, который он делил с соседом, отставным милиционером, и вот она бежит по дорожке. Дорожка из плиток, ноги босые, в руках у неё леечка, и она должна полить цветы, которые растут в небольшом огороде. Коски растрепались, пяткам холодно, ветерок пробирает, но она летит по дорожке к своим любимым розам и анютиным глазкам. Она даже стихи по этому поводу помнит, только не помнит, кто их сочинил. Очень простые стихи и очень понятные:

Девочка в саду, леечка и грядка,
Коски на ветру, чубчик белой прядкой.
Смело по траве босыми ногами,
Рядом на песке башенки с домами.
Мимо, прожужжав, пчёлка пролетела,
Глазки напугав, на цветочек села.
Тишина звенит и роса на травке,
Сладко котик спит на зелёной лавке.
Холодок по коже, утро нараспашку,
Искупаться, может, замочив рубашку?
По дорожкам летним ходит не спеша
Девочка-малютка, чистая душа.

По дорожкам летним, где трава-быльё,
Ходит чьё-то детство, только не моё.

Прямо у забора она остановилась и стала поливать цветы, приговаривая: растите розы красивые, растите анютины глазки любимые... Это бабушка её научила так говорить. Бабушка говорила, что с цветами надо разговаривать, что они всё понимают. И не только с цветами, можно и с деревьями так говорить, и с травой. Она и говорит, не зная, что потом, позже, она будет так говорить только сама с собой.

Ей хорошо у бабушки и она долго не уходит из маленького сада в центре большого города. Посидела, болтая ногами, на скамейке. Посмотрела на небо и подумала, куда это так быстро летят облака. Потом решила: вот облако-собака, оно догоняет облако-кота. Но кот оказался хитрецом: вот он расползся на туманные клочки и растворился в синеве. А вот облако-велосипед, но это облако никого не догоняет. Просто плывёт велосипед в небе, и ветер крутит его педали. Ей захотелось самой прокатиться на велосипеде, но велосипеда у неё не было. А как кататься, если у тебя нет велосипеда? Она легла на скамейку и стала смотреть вниз. Вот проползла огромная божья коровка, красная и с белыми пятнышками. Вот в траве запутался муравей и повернул к ней свою каплевидную голову, зашевелил усиками: что смотришь, помоги! Она послушно протянула вниз ручку, но муравей рванул с места и пропал, как и не было его вовсе.

Вокруг было тихо, было тепло, и весь огород, сад казались ей царством огурцов и помидоров, слив и яблок, травы и неба, муравьёв и лягушек, маленьких девочек и взрослых людей, чаще непонятных и испуганных, чем добрых и улыбающихся. Она лежала на скамейке, рукой водила по траве, радуясь траве, мягкой и ласковой...

***

Они пришли в дом, положили Мальчика и Девочку на кровати и, переполненные впечатлениями, молча разбрелись по своим комнатам. Лёг у себя в комнате на кровать и Профессор. Лёг и заснул. И снился Профессору сон.

Он в своём доме и он один. Если смотреть из окна этого большого дома, вырастающего из шестнадцати городских соток всеми невысказанными бетонно-стеклянными кружевами псевдомодернистских архитектурных изысков – постсоветское барокко! – то на изломе горизонта просматривалась хатка, блестящая на солнце копной выгоревшей до сухой белизны соломы. На старой, местами осевшей крыше криво торчал узловатый кукиш телеантенны, рядом волнами – до головокружения – перекачивались пшеничное поле, а где-то еще дальше синел лес,

облокотившийся трезубцами сосен прямо на пухлые, бледно-розовые с утра тучи.

Он мог часами смотреть в эту затягивающую даль и в этом не было ничего странного: выросший в покое, вот только в зеленовато-шиферном домике, он до сих пор не мог привыкнуть к городу, угнетающему его своим асфальтовым безразличием, бетонной отчужденностью равнодушного скопища людей, объединенного разве что тупой и бессмысленной гонкой за деньгами, в которую втянут был и он сам.

Домик на горизонте был призраком, материализовавшимся детством. Это был "летучий голландец" его ранних лет, неспешно плывший по пшеничному полю и неподвластный ни времени, ни ударам судьбы. Он притягивал, как магнит. Вот и сейчас, напрягая глаза, он вглядывался в утреннюю синеватую даль, надеясь увидеть знакомые детали: забор, колодец, тропинку к сараю и калитке в сад. Ему опять хотелось ощутить сумрачную тень яблонь с солнечными бликами на боках чуть подрагивающих в ветвях деревьев краснобоких плодов, увидеть лежащие в редкой бледно-зеленой траве мягкие и теплые груши, услышать жужжание ос, строивших в их прозрачной и сладкой мякоти свое недолгое счастье. Прямо за яблонями и грушами росли помидоры. Можно было бы, захватив солонку, сорвать прямо с развесистого куста налившийся соком помидор, окунуть его в крупноватую соль с затерявшимися в ней крошками не то хлеба, не то вчерашнего пирога и впитаться молодыми зубами в нагретую солнцем мякоть, ощущая радость жизни, и ненасытное желание есть.

В тени крыльца он вроде бы увидел брошенный велосипед, отворилась и бесшумно захлопнулась дверь, мелькнула тень мальчишки с толстым кусищем черного хлеба, густо намазанного смородиновым вареньем. Варенье стекало с хлеба, и мальчишка на ходу хватал темно-густые сладкие ручейки, несколько не беспокоясь об уже замазанных штанах и липко-сладких руках. Подбежав к велосипеду, он одной рукой схватил выгнутый бараньим рогами руль, с ходу впрыгнул в седла, что-то неслышно крикнул и сразу же сгинул с глаз, как будто его никогда и не было.

Как он понимал его! У него в детстве тоже был велосипед – немецкая "дамка" трофейного, зеленого цвета, неведомо как сохранившаяся еще с войны. "Дамка" сильно смахивала на то, что родившегося младенца: велосипедный бог не дал ей никаких прибаамбасов, вроде звонков, багажников и тому подобное. Все ограничилось лишь на совесть сваренной рамой да двумя колесами с разноцветными шинами. С тем ее и вытолкнули в божий свет помогать жить человеку и она добросовестно делала свое дело: возила неизвестную нам фрау на базар, волокла узлы, мешки, плачущих детей во время бесконечных отступлений-эвакуаций, потом с комфортом ехала в одном из поездов на восток и не догадывалась, что настоящая жизнь у нее только начинается. И наверное

сейчас, в своем велосипедном раю, она блаженно вспоминает узкозагадочные лесные тропинки, бьющий по колесам орешник, подъемы и умопомрачительные спуски вниз, свист ветра и брызги на реке, куда она ненароком влетала, дивясь собственной смелости.

Он смотрел вдаль и еле заметно улыбался. Или это ему только казалось? Он оглянулся и прислушался: в доме царила ранневоскресная тишина. В голове мелькнула шальная мысль. Не давая ей раствориться в куче злободневных дел и забот, он сбежал по узкой лестнице в гараж, завел послушно заурчавшую машину и, не дожидаясь расспросов – да и не зная, что на них отвечать – выехал на пустынную улицу. Он был как-то необычно радостно возбужден и, наверное, потому не обратил никакого внимания на безлюдность обычно оживленных улиц. Возникло чувство, что он был один в городе, один во всем мире и один-одинёшенек в самом себе.

Вырвавшись за город, он уверенно свернул с трассы, машина, переваливаясь на ухабах, доползла до пшеничного поля, и он увидел уже знакомую хатку. Вблизи она была все же иной, чем из окна его особняка. Забора не было: пара подгнивших столбов держала на ржавых гвоздях одну-две поперечные доски, остальные упали и выглядывали из бурьяна, как обломки кораблекрушения. Сода тоже не было: яблони давно сдичали, а на грушах висело что-то непонятное, облепленное паутиной всепожирающей тли. Тропинки давно заросли и только угадывались в буйном разноцветье по луговому некошеных трав. А самое главное – и это он понял сразу – в доме никто не жил. Там, где ему грезился мальчишка на велосипеде, стоял высохший костлявый скелет давно брошенной бороны. Лежал порванный, изъеденный временем хомут, валялись потерявшие форму ботинки, какие-то черепки, битый мусор, а на старой березе, упиравшейся ветками прямо в выбитые окна, качалась узловатая веревка с расколотой, разошедшейся доской, болтавшейся у самой земли.

Он подошел к крыльцу, толкнул покосившиеся, но еще крепкие двери, вошел в дом. Здесь действительно давно не жили: года два-три, а может и больше. Под ногами хрустело стекло, косо висели разбитые часы с давно умолкнувшей кукушкой, вверху внезапно захлопала крыльями исполошенная птица и прямо через крышу улетала в небо. Он ходил по немногим комнатам, обходя заросшие паутиной углы и родное свинство, устроенное неизвестными гостями прямо на потерявшем цвет полу. Было пусто, тихо и ему почему-то вспомнилась старая сказка, про девочку и медведей. Как забрела она, заблудившись, в медвежий домик, и как каши, приготовленной кем-то, попробовала, и в чужой кровати улеглась. Он чувствовал себя этой девочкой – вот только обманутой непонятно кем – ведь ни кровати, ни каши он не нашел. "Кто же ел с моей тарелки?" – глупо повторял он, бродя по даму. "И где моя маленькая ложка?" – так же бессмысленно бормотал он себе под нос.

Ему хотелось присесть, достать сигарету, подойти к открытому настежь в сад окну и неспешно закурить. Смотреть на траву, облака и думать о чем-нибудь очень простом: что мать просила полить разы возле хаты – как бы не забыть, что к вечеру надо бы закрыть пленкой огурцы – обещали заморозки "на глебе", что брат вогнал в пятку занозу и не дается доставать – надо уговаривать всем миром.

Но сесть было некуда. Он стоял, тупо уставясь на развороченную хозяйственными варварами печку и вдруг ему показалось, что он здесь не один. За окном что-то мелькнуло – там, в огороде, где помидоры, где крупноватая соль в старой, расколотой солонке, где налитые солнцем подсолнухи с тяжелыми от масла головами, где колодец и бетонное кольцо, доверху налитое водой. На миг ему почудилось, что он узнал старый полувоенный китель отца: дед, как всегда, порется (его любимое выражение) в огороде, тяжело облокотясь на гачку и неторопливо вытаскивая разбитой временем и тяжелой работой рукой всепогодные сорняки. С бьющимся сердцем он выскочил во двор, обежал дом и замер: там, где когда-то цвел огород, среди буйства вымахавшей в человеческий рост осота и крапивы, стояло наряженное в кургузый пиджачишко чучело. Ветер трепал рукава обесцвеченного дождем и временем наряда, на покосившихся палках висели потерявшие форму тряпки, а на самом высоком шесте болтался горшок с побитой эмалью.

Он стоял, смотрел на пугало и думал о том, что действительно, как ни странно, самым постоянным остается все же самое что ни на есть временное. Люди, жившие в этом доме, оставили это наспех сбитое сооружение на сезон, может, на другой, а, оказалось - поставили памятник самим себе. И, как бы подтверждая его невеселые мысли, хлопнули полы растерзанного пиджака, оскалился дырками милитаристский горшок, а на березе проснулась и что-то хрипло проговорила ворона, давно привыкшая к безлюдью и незаметно состарившаяся в ожидании хоть каких-нибудь перемен.

Делать здесь было нечего. Он, чувствуя себя больным, забрался в машину. Помедлил минуту и жадно закурил, глядя в окно. Как ни странно, обжитые стены автодома принесли успокоение. "Оставим мертвым хоронить своих мертвецов", – повторил он несколько раз банально примиряющую с жизнью библейскую истину, развернулся и с непонятным облегчением уехал.

Подъезжая к своему дому и не замечая ничего вокруг, он стал думать о том, встали ли дети, ходит ли по кухне заправленная в воскресное кимоно с драконами роскошная жена, пахнущая утренней ванной и только ему известной свежестью. Наверное, уже гремят кастрюли, младшие требуют сосиски, а старшие солидно соглашаются на вчерашние котлеты. Напружинив сабельный хвост, между ног путается сытый на несколько лет

вперед сиамский кот. Упрямый и своевольный, как миллионы его предков, он пунктуально выполняет не им придуманный и заведенный ритуал: трется о ноги хозяев, выгибает спину, преданно заглядывает в глаза, всем мешает и мяукает специально противным голосом. Наконец, получив требуемое, небрежно ковыряет мордой содержимое миски и с чувством исполненного долга неспешно удаляется прочь: вылизывать следы людских поглаживаний и спать на подоконнике.

Улыбаясь этим мыслям, он въехал в гараж, заглушил двигатель, потянулся до хруста в костях и прислушался. В доме было тихо. "Наверное, спят еще", – с вдруг навалившимся безразличием и усталостью подумал он. Тяжело двигая ногами, поднялся к себе, не разделся, а как-то выпал из рубашки и брюк, упал на кровать и мгновенно заснул.

Он спал, спал весь дом. Вот только во всем этом большом сооружении никого, кроме него самого, не было. Здесь никогда не было женщины. И детей тоже не было. Он был наедине со своими снами, в которых действительно было все: хатка на краю поднимающейся в гору улицы, тропинка среди колыхающегося жита, редкий лес, вырастающий на горизонте, красивая женщина с грустными глазами и куча ребятишек, заглядывающая по утрам в дверь его спальни.

***

Заснул и Кот, положив, голову на лапы и снился Коту сон. Он, маленький котёнок, бежит за клубком шерстяных ниток и никак не может его догнать. Клубок всё раскручивается и раскручивается, вот он повернул на дорогу, вот привёл в лес, вот завернул в дремучую чащобу, а он всё бежит, бежит и не понимает, что он – котёнок из сказки, клубок тоже волшебный и остановиться он просто не может.

Словом, спали все. И всем снились сказки.

Сведения об авторах

Дембовский Ян, доктор habilitованный, профессор (г. Седльце-Белосток, Республика Польша)

Григорович Е.Н., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, декан юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Займист Г.И., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, заместитель декана юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Кавецкий С.Т., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Климович А.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Ковальчук Т.А., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Королевич С.А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Крусь П.П., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Лепешко Б.М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Сендер А.Н., доктор педагогических наук, профессор, первый проректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Степанович В.А., кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Научно-популярное издание

**ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА И ДУХОВНОСТИ:
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Д. ШАША**

Сборник статей

Редактор Л.В. Первалова

Издатель учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.
Заказ № 474.